

ПОЛУНОЧНАЯ ТЕНЬ

АЛИНА СКОНКИНА

18+

Алина Сконкина
Полуночная тень

«Автор»

2013

Сконкина А.

Полуночная тень / А. Сконкина — «Автор», 2013

Обладая сильнейшей магией стихий, люди вообразили себя повелителями мира. Другим расы вынуждены подчиняться магам, если хотят сохранить свою жизнь. Юный оборотень Реми жил с дядей на окраине деревни и не знал, какой страшный, опасный и подлый мир окружал его, до тех пор пока стража не нашла их дом. Чудом мальчик укрылся от рыцарей и вышел живым из пепелища родного дома, оставшись сиротой. Потеряв за один вечер всё, что имел, Реми отныне вынужден взаимодействовать с людьми. Выжить в их мире не так-то просто, и каждый путь ведёт в ловушку. Размышлять некогда, жизнь научит всему по дороге, но куда приведёт эта дорога? И как самому не стать чудовищем в пути...

© Сконкина А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Пролог	5
Сирота	12
Вор	50
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Алина Сконкина

Полуночная тень

Пролог

На склоне горы расположилась небольшая деревенька, из неё в поросшую кривыми ивами седловину выходила одна усеянная колючками тропинка. Она вела к маленькому деревянному дому, наполовину сокрытому лесом, стелящимся вниз по склону и сливающимся с тёмным, хвойным лесом на соседнем холме. В доме жил нелюдимый лесник со своим маленьким племянником, поговаривали, что они не совсем люди – уж больно часто торговал тот лесник мясом диких оленей и кабанов. Никто не верил, что обычный человек в одиночку способен так удачно охотиться. Слухи множилось, питаемые людской завистью и настороженностью к странному поведению лесника: у него не было друзей среди жителей, и племянника его в деревни никогда не видели, играющим с другими детьми; а уж как этот племянник появился в доме лесника, и вовсе тайна. Да и вызывало немало толков его одиночество, что за странные тёмные делишки, проворачивал он иной раз, принимая самых подозрительных гостей.

– Старайся не показываться людям, – взрослый мужчина, чьё лицо покрывали шрамы, наставлял мальчика лет шести. Оба носили простую одежду, местами грубо заштопанную, но чистую и удобную. Оба обладали яркими зелёными глазами и тёмными волосами с серыми прядями. – Если всё же встретишь, не обращай при них.

– Да, дядя. Я помню, – мальчик кивнул и побежал в лес, окутанный таинственным полумраком. Подбежав к орешнику на опушке, он прыгнул в заросли и скрылся.

Дядя растил ребёнка самостоятельным, учил постоять за себя, рассказывал о мире и жизни, и заставлял того использовать ум, развивать смекалку. Лесник словно знал, что в любой момент они могли расстаться навсегда, и поэтому с первых дней вкладывал в племянника всё, что знал и умел сам.

В первой половине дня они занимались маленьким огородиком, разбитым в мягкой почве меж деревьями, либо садом на опушке, либо домом. После обеда они уходили в лес, где мужчина учил племянника охотиться, распознавать следы, улавливать тончайшие ароматы, слышать, чувствовать и реагировать, контролировать свою вторую сущность и пользоваться умениями, данными Персефоной, их светлоликой богиней, плывущей по небу наравне с солнцем. Но бывали дни, когда лесник оставался дома, а мальчика отпускал побегать в лесу, насладиться свободой, так необходимой любому ребёнку, и познать мир самому, учиться слушать лес и не бояться дикой природы.

Стволы ив и клёнов толстые, словно великаны высокие, искривлённые, пробиваясь в каменистой почве склона горы, окружали мальчика. Деревья выглядели особенно огромными в сравнении с ребёнком, бегающим по лесу и ловившим редкие солнечные лучики, проскальзывающие меж листьями.

Он прыгал по валунам, торчащим из земли, покрытой толстым ковром старой листвы, в мрачном и на вид опасном лесу, и чувствовал себя здесь, как дома. Поваленные ураганами ветки скользили по гравию под ногами мальчика, но тот удерживал равновесие, иногда помогая себе серым волчьим хвостом, словно по волшебству, появляющимся и исчезающим за спиной. Задорный детский смех разносился по округе, распугивая мелких зверьков и заставляя щебетать скворцов и соек. Перепрыгнув поднятые над землёй корни векового дуба, мальчик пригнулся и обернулся серым волчонком необычного пятнисто-серого окраса.

Спуск закончился, пришло время подниматься на соседний склон, окутанный мглой из-за хвойных деревьев. Зверёныш бежал по лесу и принюхивался к лисьим и кабаньим тропам,

к воздуху, ловил подвижными ушами шорохи. Лес таил в себе тысячи загадок, все их хотел разгадать любопытный волчонок. Он валялся в листве и грыз мелкие веточки, почёсывая тем самым дёсны и острые зубки.

Зайдя глубже под сень лиственниц и елей, волчонок замедлил темп и осмотрелся, восхищаясь прелестью окружающего пейзажа, вдыхая сладковатый аромат хвои, шишек, гниющих стволов, земли и сырости. Лес его истинная стихия, ни деревня, ни огородик; ни тем более город, некогда построенный оборотнями, но впоследствии похищенный людьми; а дикий, неизведанный лес, со всеми его обитателями и опасностями, а также красотами и чудесами.

Тёмный лес настораживал людей и порождал о себе множество легенд. Люди старались обходить его стороной, боясь стать жертвами диких зверей. Изредка сюда забредали авантюристы-охотники, желая найти необыкновенный трофей. Здесь обитали существа гораздо интереснее, наплодившихся и заселивших все окрестности людей. Их, в особенности грифонов и единорогов, желал встретить волчонок, или наблюдать издали.

Ему, как и раньше, не повезло. Лишь один раз за все минувшие вылазки, ребёнок видел удаляющегося единорога, узнав его по хвосту с пушистой кисточкой и длинной шерсти возле копыт. Зверь пронёсся довольно далеко, так что рассмотреть его рог не удалось.

Тёмный пейзаж поросли хвойных деревьев, закрывающих своими кронами солнечные лучи, и наводящих мрак чёрными стволами, сменился более радушным, светлым лесом древних ив, юных берёзок и все ведающих ясеней. Они переговаривались между собой, шелестя листвой, приветствовали друг друга, наклоняя ветви, танцевали, качая стволами.

Волчонок знал, что если спуститься ниже, перейти ущелье, где в зарослях высокой осоки поселились бесята, а затем пересечь ещё один лес, можно выйти к весьма интересному месту. Но сейчас, эта дорога представлялась слишком далёкой, да и выбрался волчонок в лес с другой целью. Сегодня он хотел найти что-нибудь необычное в развалинах древних деревень, разрушенных около трёхсот лет назад. Дядя рассказывал, что сперва все эти земли принадлежали надгорцам, жителям Ханаэша – страны гор и магов воздуха. Но после мировой войны Ханаэш был уничтожен, а земли захвачены, поделены и превращены в колонии тремя другими странами – Муараком, Касмедолией и Земью. Надгорный край заселили чужеземцы, они жили здесь, пока однажды не явилась в мир одна женщина-маг воздуха. Разрушительница из пророчества. С помощью своих беспощадных слуг, она уничтожила все поселения захватчиков, и создала новую страну, окрестив её Аэфисом-на-Ханаэш – напоминая всем о трагедии народа прежнего Ханаэша и предостерегая от повторения истории с новым Аэфисом. С тех пор прошли три столетия, ещё одна мировая война, сражения, бури и ураганы не пощадили остатки древних деревень, превратив их в развалины, поросшие мхом, хмелем и вьюном, кустами и деревцами.

Добравшись до руин древних поселений захватчиков, волчонок принялся обнюхивать каждый камень. Из-за больших валунов, остатков кладки стен и мостовой здесь росло не так много деревьев, и свет хорошо освещал зелёные, ото мха и растений, камни. Лучи, пробившиеся через кроны нависающих деревьев, освещали поляну, превращая землю под ногами в лоскутное одеяло из светлых и тёмных пятен. Порой в столб света попадало ровное молодое деревце, проросшее меж камней. Словно избранное небом оно светилось каждым листочком.

Вокруг лучей кружилось море бабочек с крылышками чудесных цветов: синих с чёрным краем, белых с едва различимым салатovým узором, красных с чёрными и серыми линиями, зелёных с чёрной серединкой, фиолетовых с полосками жёлтого и чёрного, рыжих и полосатых – от маленьких с детский мизинчик до крупных с ладошку. В их танец включались пылинки, пушинки, маленькие мушки и пыльца поздних диких цветов. Волчонок залюбовался этим переплетением блёсток в столбе света. Крапивница села на влажный чёрный нос, зверёныш чихнул, замороженное оцепенение сошло.

Волчонку нравилось лазить меж поросших мхом камней, слабо напоминающих бывшие сооружения, и искать в них что-то необычное. Он представлял себя исследователем, кладоискателем, воображал, как жили люди, или как их пришли прогонять. Волчонок крутился, прыгал по развалинам, или принимался усердно рыть яму, в поисках сокровищ, ничего не находил и вновь бегал по полянке, распугивая бабочек и оглашая лесную тишину писклявым лаем.

Рядом расположилась ещё одна полянка с руинами дома, здесь таких было несколько. Скорее всего, дома по большей части строили из дерева, а оно за триста лет истлело в прах.

Никто точно не знал, или позабыл, где располагались чужеземные деревни, только те, кто не боялся заходить в лесную чащобу, находил остатки тех времён. Волчонок отправился исследовать другие камни.

Он принюхался и прислушался – никаких посторонних звуков и запахов. Недавно здесь проходила медведица с детёнышем, волчонок едва уловил их дух и решил, что с тех пор прошло несколько часов. На лисий запах, постоянно снующих везде рыжих бестий, щенок не обращал внимания. Его больше волновали люди, дядя настрого запрещал оборачиваться волком в присутствии человека, и не раз повторял, что от людей оборотень добра не дожждётся.

Не так давно вышел закон, объявляющий расу оборотней опасной для людей, Совет Поднебесного Правителя устроил охоту на хищников с двумя ипостасям, а потому любого оборотня приговаривали к смерти. Если распознавали.

Волчонок приподнялся на задних лапах и в мгновение ока стал обычным человеческим ребёнком. Он, перелезая с камня на камень, обследуя небольшие подкопы и ниши, путался в хмеле и вьюнах, сажая на одежду море репьев, не заметил, как солнце стало клониться к горам на западе. Столбы света угасали, бабочки разлетелись и попрятались, на их смену, скоро прилетят мотыльки. Сумерки сменяются ночью и в белом свете Персефоны, руины приобретут загадочный оттенок таинственности, пропадёт аура дневной сказки.

Но задерживаться этим вечером и наблюдать через листву мерцание ночного светила, мальчик не мог, он обещал помочь дяде полить огород; а обещания нужно держать, во что бы то ни стало.

Обратившись зверёнышем, волчонок побежал через лес, на этот раз в противоположную сторону. Его поход к руинам не увенчался успехом, интересных находок под нос не подвернулось, но щенок не унывал, потому что сам поход сюда для него был приключением.

Войдя в тёмный хвойный лес на закате, волчонок слегка притормозил и принюхался – со стороны дома потянуло дымом. Возможно, дядя решил немного подтопить, хотя денёк выдался по-летнему тёплым; или он собрал листву вокруг дома и решил сжечь её, а заодно запечь несколько картофелин. Оборотень ускорился, он любил печёную в листьях картошку. Волчий нос вполне мог уловить запах дыма из ближайшей деревни, но что-то билось в голове, шевелилось в душе, он нутром чуял беду.

Щенок со всех лап кинулся в сторону дома, перепрыгивая корни, ставшие похожими на внутренности из-за кровавого цвета заходящего солнца, пробившегося с запада между стволами деревьев.

Остановившись у кромки леса, перед разбитым садом, щенок обратился мальчиком, юркнул в кусты малины и из своего импровизированного укрытия осмотрелся. Дым стоял коромыслом, обволакивая всё вокруг, нос заложило, а в горле поселилась сухая горечь.

Дядя учил всегда оценивать ситуацию, даже если пришёл домой, и прятаться, пока не поймёшь, что опасности нет. Мальчик сидел в кустах, вглядывался в дым и понял, что тот валит из окон дома. Пожар!

Кашлянув от гари в горле, оборотень принялся вылезать из кустов, но тут услышал голоса. Запах дыма забивал нос, почуять кого-то было невозможно. Мальчик закрыл рукой нос и рот и стал прислушиваться. Волчий слух не помог разобрать слова собеседников, только голоса нескольких взрослых мужчин.

Затаившись в своём укрытии, ребёнок ждал, когда незнакомцы уйдут. В дыму, он едва различал их фигуры – пятеро высоких сильных мужчин. Они не были похожи на деревенских жителей: из их голов торчали перья, а плечи в дыму выглядели слишком широкими. Дядя рассказывал об одежде стражников, по которой их отличали от обычных людей. Мальчик ещё больше напугался, поняв, что в дыму скрываются именно они – стража. В руках они держали длинные палки, отдалённо напоминающие лопаты, с лезвиями как у серпов и топоров на конце.

Пытаясь вспомнить все рассказы дяди о стражниках, маленький оборотень дрожал в кустах, глаза щипало от слёз и дыма. Он сжимал рукой рот чтобы не завывать от горя. Хотелось броситься к дяде, помочь ему потушить дом, но на пути стояли стражники.

Послышалось ржание лошади, хлопанье огромных крыльев, приглушенное дымом, после чего раздалось рывканье приказным тоном. Солдаты ещё какое-то время походили около дома и отправились обследовать сад и огородик, выискивая других жильцов. Мальчик в это время оцепенел от страха и замер; слёзы катились градом по щекам, а рукой он не давал себе возможности всхлипнуть. От дикого ужаса прекратилась дрожь в теле. Он вспомнил слова дяди «стражники и маги не пощадят никого, убьют даже детей». Двое стражников подошли вплотную к кустам, где прятался ребёнок, от страха сердце его перестало биться, а слёзы застыли в глазах. Он не мог дышать и плакать, думать и моргать. Один солдат пырнул куст катаной, второй ткнул алебардой, проверяя наличие в зарослях живых существ.

Стражник попытался раздвинуть оружием заросли малины, где ему почудилось чьё-то присутствие. Катана прошла выше и срезала прядь волос с головы ребёнка. Мальчик выпучил от ужаса глаза, крепче прижимая ладонку к лицу, зажимая рот, чтобы не пискнуть. Он сжался, став похожим на комочек, что вполне бы мог поместиться в небольшой корзине.

Второй стражник вытащил свою алебарду и снова ткнул ей. Лезвие порезало рукав и плечо маленького оборотня, тот стиснул зубы, одинокая слезинка скатилась по щеке. Стражники не нашли мальчика, цветом одежды, принесённых из леса листвой и веточек в волосах сливаясь с кустом малины. Дым стал гуще, мужчины закашлялись, выругались и пошли прочь, попутно тыча алебардой во все кусты, что попадались на пути.

Притормозив у густого куста шиповника и чёрной смородины, стражники удостоверились, что там никого нет, и пропали в густом дыму, заполонившем весь двор. Мальчик сидел в кустах, вдыхая через раз и боясь пошевелиться. Спустя некоторое время, он услышал стук, удаляющийся копыт, хлопанье огромных крыльев, ржание лошади и дробь оленьих скачков, вскоре затихших.

Отходя от ужаса, испытанного в кустах, ребёнок ещё некоторое время сидел, коленки дрожали, глаза щипало от дыма, в горле встал ком. Маленький оборотень прислушивался и ждал, когда сердце его перестанет колотиться так громко. Отдышавшись, он шевельнулся и сразу притих, но вскоре принялся оглядывать двор, он принялся, но запах дыма и горящего дома перебивал все другие.

Дяди нигде не было. Мальчик запаниковал, он хотел, как можно скорее отыскать дядю. Юный оборотень пытался думать, звать он боялся, и в итоге побежал к дому. Покрутившись у входа и снова не найдя мужчину, мальчик заглянул в приоткрытую дверь. Внутри горели занавески и шкуры зверей. Вонь закладывала нос, чёрный дым выжигал глаза. Заходить внутрь мальчик боялся, он вновь осмотрелся вокруг дома и хриплым писклявым голоском позвал дядю, но никто не ответил. Из окон повалил чёрный дым, иногда в нём вспыхивало красные и рыжие языки пламени.

Отчаяние и страх наводнили разум маленького оборотня, он смотрел потерянными глазами на дом, на сад, на дым. Ему нужен дядя! Под давлением этой навязчивой мысли страх отступил. Мальчик рванул в дом на поиски дяди.

Прошло много времени, огонь пожирал все тряпки, какие попадались, шкуры, мех, горели деревянные доски, столы и стулья; пол то тлел, то разгорался огоньком. Мальчишку

это не останавливало, возможно отчаянная храбрость наполнила его, но скорее желание во что бы то ни стало отыскать любимого дядю. Маленький оборотень пробирался вглубь дома, он искал, но никак не мог найти. В горле першило, мальчик кашлял, задыхаясь в густом дыму, огонь опалял, глаза резало болью, треск пламени оглушал. Сверху падали угольки, ребёнок боялся, что они свалятся ему на голову и сожгут. Но он шёл дальше, он не мог просто убежать, не узнав, где дядя.

Пот лился со лба, сразу же нагреваясь и обжигая кожу ещё сильнее. Лопнуло и осыпалось осколками стекло, языки пламени устремились к нему, словно желая сбежать из запертого дома. Загорелся пол, вверх по стенам тянулись гирлянды рыжих огней. Огонь разгорелся с новой всепожирающей силой, в доме жар мог поспорить с адским пламенем, находиться внутри было практически невозможно. Мальчик, сперва истекавший потом, сейчас чувствовал, что пот сразу же превращается в пар, но он не мог уйти, не найдя дядю. Запах дыма отступил под натиском палящего жара сгорающей утвари, на смену ему пришла вонь горящего человеческого мяса и палёных волос.

Ребёнок медленно шёл, натянув грязную футболку на нос и давился гарью и вонью. Кашель не прекращался, глаза болели и сами собой закрывались, но он упорно шёл вперёд, уже плохо понимая, что здесь делает и кого ищет. Посреди комнаты он спотыкнулся об истлевшую шкуру, в которую было что-то завернуто. От пушистой шкуры медведя, когда-то бывшей ковром у печи, остались лишь догорающие клоки, пол в этом месте стал чёрным и обжигающим ноги, сквозь подошву сандалий.

Истлевшая шкура оголила огромный кусок мяса, в котором лишь при долгом взгляде мальчик увидел человеческое тело. Кожа мужчины давно оплавилась, и теперь в углях жарилась горело и коптило мясо, поджариваясь, обгорая и обугливаясь, местами обнажая грязного цвета, перемешенной крови и пепла, кости.

Шестилетнего мальчика чуть не стошнило, от представшей взору картины. Волосы мужчины давно сгорели, на затылке уже зияла проплешина черепа, глаза расплавились и вытекли из глазниц, перед этим лопнув от жара.

Догорающий труп в бывшем ковре и был дядей маленького оборотня. Мальчик завыл зверем от горя, окутавшего его. Он выл, хрипел, стонал и пытался плакать, но жар за секунду превращал слёзы в пар, стеклом режущий глаза. Сгорающее тело ужасно воняло, этот запах наполнял ноздри и сушил глотку.

Ребёнок прибежал домой к ужину голодный и мечтающий о сочном мясе, но сейчас лишь тошнота владела желудком. Мальчик кашлял, не в силах остановится, его рвало слюной и кровью – так ему показалось. Отползая всё дальше от мёртвого тела, он пытался отдышаться, проснуться от страшного кошмара, но лишь больше обжигал руки и ноги.

Дядя мёртв! Он потерял единственного родного человека! Зачем он полез в этот дом? Как теперь выбраться? Смотреть на обгоревшее тело было невыносимо, мальчик отворачивался, затыкал нос, но всё равно смотрел и скулил. Увидев просвет в огненной стене, ребёнок направился туда; но горящий дом был иного мнения о судьбе пленника. Перекрывая спасительную сторону дома, перед мальчиком рухнула балка, озарив всё слепящим взрывом искр и нестерпимого пламени, посыпались угли сгоревшего чердака.

Ребёнок был заперт в углу – с одной стороны скала, к которой примыкал дом, построенный в лучших традициях надгорного края; с другой занимающаяся пламенем, стена из брёвен; с третьей пылающая балка и дождь горящего мусора и соломы с чердака. Мальчик вжался в слегка выпуклый шершавый камень скалы, рядом с ним лежал обгорелый труп дяди и источал тошнотворный, но в тоже время аппетитный запах мяса.

Юный оборотень проклял самого себя за подобные мысли. Как он мог считать сгоревшего дядю куском жареного мяса. Уткнувшись носом в скалу, мальчик скулил и всхлипывал, но ни слёз, ни соплей больше не осталось – всё сгорело. Деваться некуда, он оказался в ловушке,

никаких окон в его углу, никаких щелей и дыр. Скала обожгла нос и ладони ребёнка, с визгом он отскочил и спиной ударился в бревенчатую стену, тут же отскочив от неё тоже. Мальчик затравлено смотрел вокруг, помня, как дядя учил не сдаваться и думать, искать выход, искать любую возможность, придумывать на ходу. Взгляд притянула дыра в потолке, но через крышу не вылезти – очаг пламени жрал потолочные балки, а от рухнувшего куска, высохший от жара, с новой силой полыхал пол. Оставалось лишь ждать чуда или когда огонь от крыши станет угасать, но до этого пламя, пожирающее пол, успеет доползти до маленького оборотня.

Мальчик не знал, что ему делать, слишком многое свалилось на него сегодня, он закрыл лицо руками от беспощадного жара пламени, спиной втиснувшись в горячий, но не обжигающий уголок между скалой и бревенчатой стеной, ноги, в импровизированных сандалиях из шкурок мелких зверей, подтянул под себя. Руки и колени беспощадно жгло, от вони горелого мяса, путались мысли, то вызывая тошноту, то чувство голода. Лёгкие наполнял дым, горло горело, словно он наелся песка, кашлять не было сил. Ребёнок ждал лишь конца этого кошмара, неважно смерть его принесёт или деревенские жители, почувявшие дым. К леснику они бы не пошли, люди подозревали его и не доверяли, чтобы спасти его племянника.

Пожар разгорался, озаряя ярким, неестественным и обжигающим светом окрестности. Не заметить такое зарево в деревне мог разве что ослепший, треск пылающего дерева разносился по округе, чистый ночной воздух провонял гарью, но к дому так никто не подошёл.

Огонь, сожрав кусок пола, принялся коптить мясо мёртвого дяди, от чего вонь стала непереносимой, но преграда замедлила продвижение огня. Мальчик вжался в угол, дышать было совсем нечем, он повернулся спиной к огню и ткнулся носом в стену. Щель между скалой и не плотно прилежавшими брёвнами в одну холодную зиму дядя заткнул глиной и патлами, используя всё что попадалось под руку. Щенок принялся выковыривать мусор, волчьими коготками царапая стены, но работа была сделана на совесть.

Зачем дядя, зачем ты так крепко всё заделал? Волчонок скулил, огонь опалял серую шерстку.

Волчий нос уловил в дыму гнилостную нотку. Открыв высохшие глаза, щенок осматривал угол. Внизу, в полу оказалась махонькая дырочка, проделанная мышами. *Это шанс*, пролетела в голове зверёныша мысль о спасении. Щенок принялся ковырять половые доски волчьими коготками, увеличивая отверстие. Запахло паленой шерстью, хвост больно лизнул огонь. Поджав хвост и уши, сжавшись и терпя прикосновения палящего жара, что закручивал волоски в пружинки, волчонок старался проделать себе лаз. Медленно, но верно дело спорилось.

Стояла страшная вонь сгорающего человеческого мяса и палёной шерсти. Огонь не доставал до волчонка, но от жары, витавшей в воздухе, шерсть сама начинала тлеть. Дыра была всё ещё мала, чтобы в неё пролезть. Волчонок с периодичностью маятника, пытался пропихнуть в расковырянную дыру голову, но безрезультатно доставал нос из щели, радуясь глотку горячего, но всё же необжигающего, гнилого воздуха. Внизу воняло землёй, плесенью и дымом, что по сравнению с вонью горелого человеческого мяса и удушающего чёрного дыма показалось спасительным ароматом.

Голова волчонка протиснулась в лаз, чему он несказанно обрадовался, но к нескончаемым бедам добавилась ещё одна – он застрял. Дальше тело в лаз не пролезало, а голова не доставалась обратно. Начиная паниковать, что так идохнет в шаге от спасения, волчонок стал исходить подобием пены, с остервенением пытаясь протиснуться в дыру или вытащить голову. Гнилая доска поддавалась упорству юного оборотня и пропустила его в спасительное подполье.

Огонь в доме озарял подпол кровавым светом смерти, во многих местах зияли сквозные дыры, в других чёрные доски над головой тлели красными червяками, а между ними пробивалось зарево пожара. От земли исходила прохлада, совсем капельку остужая воздух, но этого хватило, чтобы немного оклематься. Дым и вонь пробивались сюда, но всё же перемешива-

лись с затхлостью и становились не такими концентрированными и удушающими. Вот только воздуха здесь оставалось мало, щенок задыхался, он поймал себя на том, что как бы много не вдыхал, не мог надышаться. Новая волна паники поднялась в зверёныше – он залез не в спасительный подпол, а в свою могилу.

Угроза жизни заставила мозг работать активней. Волчонок ползал на брюхе, передвигаясь в узком пространстве подпола между прохладной землёй и неистово обжигающими досками, он искал выход, глоток воздуха, хоть что-то, что может спасти его. Если он не найдёт дыру, то задохнётся.

Найти дыру на улицу, когда кругом бушевал огонь, оказалось непосильной задачей. Щенок закрыл глаза, болевшие так, словно в них насыпали песка и стекла, он положился на нос, но тут раздался сверху грохот, словно небо упало на землю. Земля под ногами задрожала, волчонок сравнялся с землёй, высунув язык, он часто дышал, но не мог надышаться.

Через некоторое время грохот возобновился, часть пола, подточенная огнём, рухнула под тяжестью навалившейся крыши. Дым и жар наполнил подпол, вынудив щенка шевелиться. Почти теряя сознание от нехватки кислорода, ушедшего наверх кормить языки пламени, волчонок почувствовал лёгкое касание уличной, ночной прохлады. Дыра! Спасение! С новыми силами, взявшимися наверно по дарованию самой Персефоны, зверёныш добрался до источника воздуха, но снова угодил в ловушку.

Свобода была в одном шаге, волчонок мог дотронуться до неё, погладить лапой, но прыгнуть в свои объятия она не позволяла. Между булыжниками, на которых стояли стены дома, была щель, в которую мог пролезть лишь нос щенка. Сдвинуть валуны не смог бы и взрослый мужчина, волчонок даже не пытался. Он глотал воздух с улицы, положив голову на камень и пытаясь вжаться в узкую щель целиком. Лёжа животом на земле, щенок пытался рыть подкоп, но всё было тщетно. Раскопав небольшую лунку, он устроился в ней, засунув нос в щель между камней. Он бы не вырыл подкоп под валунами, слишком слаб и мал для этого. Оставалось только глотать воздух в щели и ждать конца.

Всё кругом горело: полыхали брёвна стен, от упавшей крыши, проломившей пол, в небо поднималось множество искр и тлеющего пепла, звёздами разукрашивая небеса, оставшиеся доски пола трещали, густой дым валил чёрным облаком. Какие-то мысли крутились в голове щенка, пока он лежал с закрытыми глазами и дышал воздухом с улицы, но потом его поглотил мрак и забытие.

Сирота

В себя волчонок пришёл, когда на спину ему упала тлеющая головешка. Он подпрыгнул на земле, ударился спиной о чёрный обуглившийся пол, который тоже посыпался горящими углями ему на голову. Жар стал терпимей, огонь вспыхивал на углях не часто. Щенок закашлялся и еле справился с собой, он подполз к дыре в полу там, где рухнула крыша, пробив пологие доски, и выглянул.

Солнце уже встало, озаряя округу, чёрного от копоти зверёныша и выжженное пепелище. Брёвна стен не прогорели полностью, как и балки крыши, они повалились в разные стороны, напоминая не дом, а гнилые клыки страшного зверя.

Обратившись человеком, мальчик выкарабкался из дыры подпола и, ступая по пепелищу, выбрался из тлеющего дома. Он был таким голодным и уставшим, что не осталось сил даже вскрикивать, когда рукой опирался на недавно потухшие обугленные доски, обжигая кожу. Вокруг царил жар недавнего костра до небес, и только выбравшись на траву, ребёнок понял, что на дворе прохладно.

Он сидел на влажной от росы траве и смотрел на разрушенный пожаром дом, протирая сонные глаза, и размазывая грязь и пепел по лицу. Не осталось ничего. Лишь чёрная скала, когда-то служившая стеной дома и стоящие под страшными углами брёвна стен и крыши. Понадобится ни один пожар, чтобы они сгорели до основания.

Снова разразившись диким кашлем, мальчик встал и пошёл к бочке с водой. Опустив голову в бочонок, оборотень жадно пил воду, кашлял, пускал пузыри, умывался и снова пил. Утолив жажду, мальчик вспомнил о голоде. Он не ел со вчерашнего обеда.

С мыслями о еде пришли воспоминания о запахе жареного мяса, образ обгоревшего до костей тела, завёрнутого в ошмётки медвежьей шкуры. Где-то под завалом из наполовину сгоревших досок, лежало тело дяди. Мальчик подумал о том, что нужно проводить мёртвого в последний путь, но сил не было даже завывать, что Песню Печали отпеть родную кровь.

Оборотней не хоронили в земле, их провожали в последний путь, по правилам клана к которому они относились: по воде, по огню, по ветру, по земле. Волков провожали по ветру. Тело дяди сгорело, осталось развеять пепел, но как найти в этом море пепла, тот, что остался от дяди. Мальчик не знал и решил оставить всё как есть. Ветер сам заберёт останки дяди и проводит в последний путь.

Оборотень выпил ещё воды, он словно не мог напиться, сколько бы не пил, в итоге обессиленный он упал на землю рядом с бочкой и уставился в пространство. Какое-то время мальчик сидел и оцепенело смотрел на пепелище. В голове звенела пустота. Не приходили на ум заветы дяди. Мальчик сидел и смотрел перед собой, осмотрел зажившие ладошки и ожоги на ногах. На оборотнях раны заживали на глазах, так что о болезненных ожогах напоминала лишь чешущаяся молодая кожа. Пустым взглядом рассматривая свою прожжённую, дырявую одежду, мальчик пытался справиться со всем навалившимся на него горем, которое даже не осознавал. Он сидел, пока живот не свело от голода, напоминая о самой главной на данный момент проблеме – пище.

Маленький оборотень на четвереньках пополз к огородику, нашёл тыкву, раздавленную сапогом стражника, но недалеко от этой росла вторая, целая, её они с дядей приберегли до Ёкайёру, праздника духов. Вспомнив, как они заботились о ней и поливали, мальчик обратился волчонком и зубами и когтями растерзал твёрдую кожуру. Он ел плод сырым, не чувствуя вкуса, желая набить живот хоть чем-нибудь. Следующей жертвой голода стала морковь, её мальчик выдирал из земли, наскоро отряхивал, обтирал от грязи в руках и ел прямо так. Челюсть устала жевать твёрдые овощи, но мальчик хватал всё, что мог. Хотелось мяса, но сто-

ило подумать о нём, как тут же вспоминался обгорелый дядя и та жуткая вкусная вонь, тошнотворная и аппетитная сразу.

Силы потихоньку возвращались, а с ними заработал мозг, задаваясь новыми вопросами: что дальше, как здесь жить и стоит ли оставаться здесь, плохо ли он поступит, если уйдет, оставив сад и огородик? Остаться рядом с пепелищем мальчик опасался – стражники могли вернуться и проверить, всех ли убили, всё ли догорело. Но куда он мог пойти? В деревне оборотень никого не знал, родственников у него не осталось, и идти не к кому.

Поселившись на грядке поздних огурцов, продолжая набивать живот, попутно размышляя о том, куда идти, мальчик решил, что лучшее место чтобы прятаться от стражников – руины в лесу. *Там меня никто не найдёт, потому что люди не ходят в те леса. Там также можно посадить огородик, как и здесь. Там я буду жить. Всё будет хорошо. Я буду ловить мышек, жарить на костерке, следить за огородом. Надо только на первое время набрать овощей.* Так размышлял ребёнок, не понимая насколько наивно его представление о жизни, несмотря на все нравоучения дяди.

Многие грядки потоптали стражники, пока искали других жителей дома, пока смотрели на разгорающийся пожар, да и просто так, из злобы. Мальчик с жалостью посмотрел на пропавшую еду, но в голове его не помещалось столько скорби. Он побрёл дальше, принялся вырывать морковки, но, вырвав несколько штук, понял, что сперва нужно найти, во что их сложить. Пока ребёнок ходил по двору, в поисках уцелевшей утвари и собирал последние оставшиеся вещи – сам не зная, что с ними делать и как отнести к будущему логову – к дому подошли люди.

Занятый своими делами, мальчик не сразу заметил гостей, а когда увидел – остолбенел. Он узнал деревенских жителей. Зачем они пришли? Помочь? Никогда от них не видели помощи они с дядей. Когда обвал со скалы разрушил сарай и пробил часть кровли над домом, никто не пришёл помочь отстроиться заново. Мужчина всё делал сам, обучая при этом племянника выкручиваться из любых ситуаций.

Единственное, зачем могли прийти деревенские жители, так это поживиться тем, что осталось из вещей, а заодно удостовериться, что все отщепенцы подошли в пожаре. Маленький оборотень нутром почуял опасность, исходившую от людей, но он растерялся, а люди подошли ближе. Ребёнок пятился, всё ещё сжимая в руках старую корзинку. Вспомнив последние слова дяди «не показывайся людям» и его вечные наставления «не доверяй никому», мальчик бросился бежать, но тут же спотыкнулся на заплетающихся ногах и упал. Двое взрослых мужчин кинулись к нему и схватили.

Зажав ребёнку руки и ноги, мужчины подняли его над землёй. Мальчик вырывался и рычал, словно не знал человеческой речи.

– А ну хорош, бесёныш мелкий, – сказал мужчина, державший его за ноги.

– Не успело пепелище остыть, а ты уже воровать пришёл, поганец, – добавил другой, спотыкнулся о корзинку и выпустил из рук ребёнка, из-за чего тот повис вверх ногами.

– Даже не побоялся! Во дети изголодали, – добавил третий, подбежавший к ним чтобы помочь, пока второй чертыхался, пытаясь ухватить мальчика покрепче за шкуру.

– А это случаем не тот спиногрыз, что у лесника жил. Ходила молва, его подсунули ему непутёвые родственнички, – пробормотал четвёртый, самый старых из всех, щурясь и с каким-то большим интересом рассматривая пепелище.

– Да не, тот вроде дикий был. А этот глянь, вроде обычный изголодавший сопляк. Марджи его сдадим. Там о нём позаботятся. – Первый мужик плюнул в сторону, и крепче перехватил ребёнка.

– Точно-точно, в приют его надо. Нечего гольтыбу разводить, а то ещё принесёт заразу какую-нибудь. – Мужики согласились и потащили мальчика в деревню.

– Ага. Вы с ним поаккуратнее, а то вдруг вшивый он, – заржал мужик, державший мальчика за шкуру.

– Или блохастый, – тихо, но многозначительно добавил старик с подозрительным прищуром.

Мальчик продолжал вырываться, он ничего не говорил, кричал, рычал и пыхтел. Дядя наставлял не разговаривать с людьми. Вряд ли он подразумевал такие ситуации, но маленькому оборотню нечего было сказать мужчинам. Они твёрдо решили отнести мальчика в приют, к Марджи, которая, сделав всем одолжение, собирала беспризорных детей и растила их трудолюбивыми и послушными.

Мужчинам пришлось попыхтеть, мальчик брыкался всю дорогу и даже норовил укусьить, оплеуха не помогла, хотя заставила его поутихнуть. До дома сердобольной женщины, что звался в окрестных деревнях приютом, пришлось идти полдня, Марджи жила на окраине соседней деревни, расположенной на скале неподалёку.

Приютом прозвали старый дом, больше похожий на сарай, одной стеной прилегающий к скале – надгорцы частенько лепили дома к скалам, чтобы экономить брёвна. Черепицы расшатались и местами их заменяли дощечки, гнилые от времени – замену ставили очень давно. Окна в доме наполовину забили, чтобы избежать сквозняков из-за местами отсутствующих стёкол. Внутри стоял мрак, пахло затхлостью, сыростью, кислым молоком, старыми тряпками.

Мужчины поставили мальчика, когда зашли в приют, но крепко стискивали плечо, чтобы он не удрал. Маленькому оборотню пришлось заткнуть нос, ступив на порог жуткого дома, для его обоняния амбре стояло слишком сильное. Новенького окружил стойкий людской дух и всего, что с ними связано. Даже сквозь закрытый нос, он чуял множество запахов, и все они были в нос, вынуждая морщиться и кашлять.

Мужчин, притащивших ребёнка, встретила полная женщина отталкивающей наружности. Её глазки странно блеснули, стоило крестьянам упомянуть, по их мнению, сбежавшего из приюта мальчика. Женщина расплзлась в улыбку и закивала, что ребёнок действительно пропал, и она все ноги сбила его разыскивая. Лгала она очень достоверно, оборотень даже решил, что его с кем-то спутали, но рта раскрыть ему не дали. Исполнив свой долг, деревенские мужики распрощались с дамой и убралась восвояси. Женщина же, проводив их коротким взглядом, тут же закрыла на замок высокие ворота.

Мальчик вжался спиной в угол крыльца и дикими глазами смотрел на громадную женщину. Та схватила его за плечо, провела внутрь и впихнула в небольшое, заставленное кроватями помещение, где людской дух был как никогда силён. Мальчик удрал от женщины и забился в угол между стеной и кроватью.

– Дикий какой. Ничего, тут присмиреешь. Найди себе кровать. Теперь будешь жить здесь. Меня называй уважаемая Марджи, я здесь главная, – заученно говорила женщина. Она пошарила по полупустым полкам в шкафу, выудила пару тряпок и бросила их мальчику. – Переоденься. Мы здесь тоже не богатеём, но тебя словно в выгребной яме нашли, – прошипела Марджи. Сама она носила яркое рыжее платье с вышитыми на ткани красными цветами на зелёных стеблях. На шее женщины поблескивала нитка с красивыми аккуратными камнями.

Она ушла, оставив ребёнка в одиночестве в душной, пропитанной вонью комнате. Мальчик медленно переоделся, не вылезая из своего угла. Вонь от костра пропитала его старую одежду и волосы насквозь, от неё начинало подташнивать. Переодевшись, он огляделся, вытянув шею, но продолжая скрываться в своём укрытии: стены комнаты тёмные, деревянные, подгнивающие, большинство окон забиты полностью. Кровати стояли вплотную друг к другу, оставляя узкие проходы. На койках постелены старые, даже древние, изъеденные молью и ещё неизвестно кем тряпки, пропахшие неизвестно чем. У стены стояли два шкафа, рядом несколько тумбочек, сверху заваленных всякой всячиной: от палок и веток, до непонятных оборотню приспособлений. На подоконниках красовался такой же хлам.

Пока мальчик затравленно озирался, в комнату вошли трое детей постарше, они осмотрели новенького злобными взглядами, такими, будто он уже успел откопать и уничтожить все их тайники, съесть их завтрак, обед и ужин и наверно помочиться на кровать, в которой они спали.

Оборотень ловил на себе такой взгляд у людей на улице, у тех мужчин, что приволокли его сюда. Взгляды хуже, чем бывали у лисицы, когда отберёшь у неё добычу, хуже, чем у медведя на рыбалке, которому попался под ноги. Только люди могли смотреть так злобно, они жаждали насилия над кем угодно, не крови, а страданий.

Люди, его окружали сплошные люди. Оборотень с горечью признал, что ему придётся всё время держать себя в руках, чтобы ненароком не обернуться волчонком. Дядя не зря говорил, сдерживаться при людях – они глупые, они не поймут и захотят убить его. Сжечь в доме также, как и дядю.

Я сбегу отсюда. Я же смогу сбежать? Я же сильный? Так дядя говорил, мысленно утешил себя ребёнок. Он чуял ненависть детей, их злобу к себе. За что? Он не успел сделать ничего.

Летом маленький оборотень пытался подружиться с деревенскими детьми. В день знакомства они играли вместе, было весело бегать и смеяться с ровесниками, но как только пришли родители, дети изменились и больше никогда не подходили к нему. Люди не знали, что мальчик – оборотень, они пугались его дикого вида, застрявших в волосах веточек и листиков, и странных причуд, к тому же они настороженно относились к леснику. Больше мальчик-волчонок не пытался ни с кем подружиться. Он проводил всё время с дядей, или в лесу, иногда бегая с собаками – маленькими глупыми щенками – и дразнил кошек. С первыми волчонку нравилось познавать мир и веселиться, а от вторых он всегда знал чего ожидать в самом худшем случае, в отличие от людей.

Но тогда мальчик жил с дядей и всегда мог вернуться к нему и попросить помощи. Отныне дяди нет, и не будет никогда. Оборотень остался один и сам должен решать проблемы.

Марджи сказала найти кровать, но вылезать из укрытия мальчик не хотел, тем более в присутствии этих незнакомых ребят. Сейчас все койки выглядели свободными, потому что дети играли на улице, не желая упускать погожий денёк; те же, что остались в помещении, злобно провожали взглядом каждое движение новенького. Троица решила его проблему и подошла. Оборотень поджал ноги и стал смотреть на людей со злобой и недоверием. Мальчик ничего им не говорил, и старался подавить свой страх. Первый урок, который преподавал юному оборотню дядя – при встрече с враждебно настроенными животными – нельзя выказывать страх. Стоит сорваться, дать слабину, как на тебя нападут и сожрут с потрохами.

Оборотень должен уметь постоять за себя и многое знать, вот только в окружении больших человеческих детей нутро волчонка кричало об опасности.

– Чего забился в угол, новенький? – нагло заявил один из мальчиков, самый крупный среди них, с большим носом и маленькими глазками. Ему выбрили на висках волосы, из-за чего чуп на голове напоминал гриву, как у кабана. – Вылезай отсюда, я сказал! – рявкнул ребёнок и схватил оборотня за плечо, пытаясь вытащить из укрытия.

Новенький зарычал и ударил Кабана по руке, но тот оказался силен и выволок свою жертву из угла. Маленький оборотень попытался залезть обратно, но к делу подключились остальные дети из троицы.

– Что вам надо? – крикнул мальчик.

– Подружиться, – засмеялись дети и каждый попытался ударить новенького по голове, но как бы они не держали его, их кулаки натыкались на локти и колени сопляка. – Мы тут самые сильные, значит главные. Запомни!

Оборотень рычал и хрипел, он закрывался от ударов, но в какой-то момент люди замедлились, переводя дыхание. Тогда мальчик укусил Кабана за руку, что держала плечо. Старший мальчик взвизгнул, точно как поросёнок и отдёргнул руку.

– Отстаньте! А то всех покусаяю, – злобно выдал новенький, встав и переводя яростный зелёный взгляд с одного испуганного лица на другое.

– Дикий что ли? Кусаться нечестно! – отойдя от шока, загомонили дети.

Оборотень вытер рот тыльной стороной ладони и юркнул к кровати, он хотел держаться от людей подальше, а лучше вернуться домой, чтобы дом был цел и на пороге ждал живой дядя.

– Эта занята, – рывкнул Кабан, и снова направился к новенькому, желая взять реванш.

Оборотень отпрянул от кровати и, пригибаясь, прыгнул к другой, больше похожей на поставленные рядом деревянные ящики для овощей, сверху накрытые досками и закрытые тряпками. От койки шёл запах одного из ребят, но новенький уже успел положить на тряпки свою руку, не сообразив, кого дразнит.

– Убери грязные лапы от моей кровати, – рывкнул на него один из мальчиков.

Сложно определить, какая койка свободна сейчас, когда все дети играли на улице, тем более что воняло от всех одинаково. Оборотень убрал руку и снова отошёл подальше от троицы людей. Он прибился к койке у каменной стены и присел, вжавшись спиной в уголок. Мальчику хотелось, чтобы его оставили в покое, но эти дети словно искали какое-нибудь ничтожество, ещё более ничтожное чем они сами, желая утвердиться за счёт издевательств. Они не отстанут.

Дядя учил, что с бешеной собакой фокус бесстрашия не пройдёт. Её не напугает ни сила, ни слабость. Бешенство застилает глаза и разум отходит на второй план. Спасти себя поможет только бегство. Но сейчас перед оборотнем стояли не бешеные собаки, а трое детей, которые хотели показать новенькому, кто здесь главный.

– Не трогай наши кровати, дикий урод, – пискнул третий из компании, и только сейчас оборотень понял, что это девочка с коротко стриженными волосами, одетая в драные и потёртые шорты и выцветшую рубашку.

– Да! А то мы тебе зубы сломаем, тогда не сможешь кусаться. – Бахвалились остальные двое. Они подловили новенького на обманном выпад, из-за которого оборотень вжался в угол и приготовился бежать, и заржали. Продолжая смеяться и оскорблять мальчика, троица ушла.

Через наполовину заколоченные окна доносились визг и смех со двора. Дети играли и бесились. Человеческие дети. Оборотень боялся идти к ним, но дядя учил, оказавшись в новом месте сразу же обследовать его и оценить ситуацию. Сглотнув и помявшись ещё немного возле коек, среди которых была одна двухъярусная кроватка, он всё же побрёл во двор. Спальное место он найдёт вечером, или соорудит своё собственное.

Из спальни вела дверь в коридор и ещё две запертые. На больших воротах, через которые его внесли мужчины, висел замок. Оборотень пошёл вдоль забора – на удивление высокого и прочного, в гораздо лучшем состоянии, чем стены дома. *Странные всё же люди, дом – развалюха, но зато забор до небес*, мысленно сетовал мальчик. Спереди дома валялась пара разломанных бочек, сбоку забор был ниже, но за ним земля резко уходила вниз, в овраг. Если туда упасть – костей не соберёшь. Позади приюта располагался двор – маленький, еле вмещавший всех детей.

На каменистой земле двора почти не росла трава, вытоптанная ногами детей, в лучшем случае сорняки вились вдоль забора. Со двора вела калитка в сад, где земля позволяла вырастить съедобные культуры и плодоносные деревья, но сейчас она была заперта. Оборотень вытягивал шею и привставал на цыпочки, желая разглядеть что там, но не смог.

Дети вокруг орали, переговаривались, визжали и смеялись. Сбоку на сделанных из половины бочки и доски качелях качались двое больших ребят. В другом углу, рядом со скудной порослью осоки и одуванчиков, несколько маленьких девочек играли в сделанных из травы кукол, за ними наблюдала пара мальчишек и порывалась подойти и порвать игрушки. Посреди

двора гоняли наполненный песком мячик ребята и девчонки чуть постарше оборотня. От них новенький решил держаться подальше – дети с силой молотили по мячу, отчего он приобрёл форму сушёного чернослива.

Всего во дворе оборотень насчитал одиннадцать человек, и ещё троих в помещении. Выходило, что в приюте жили пятнадцать детей, включая новенького. Мальчик задумался о количестве людей, которые отныне станут окружать его днём и ночью. Ему нужно бежать. Он не выдержит так долго скрываться. К тому же пугала теснота, в лесу он был свободен, на просторе, гулял, бегал, искал следы, а здесь негде развернуться.

Пока мальчик оглядывался и считал детей, из ветхого дома вышла злобная троица, не преминув толкнуть зеваку плечом, за то, что встал на дороге и мешал пройти. Новенький очнулся от раздумий и отошёл от них. Он не хотел драться, но считал себя способным ещё раз покусать всех ребят, если нападут.

Солнце клонилось к закату, вытягивая тени по земле и придавая миру золотой оттенок. В животе оборотня заурчало, хотелось есть. Мальчик отдал бы что угодно – если бы имел хоть что-то – за кусок мяса, желательного размером с его руку. Стало интересно, когда детей накормят или здесь каждый сам добывал еду? Оборотень ничего не знал о жизни в приюте.

К игре в мяч-сливу присоединилась злобная троица. Кабан размахнулся и изо всех сил пнул мяч, целясь в новенького. Он хотел, во что бы то ни стало отомстить за укусы.

Все замерли, наблюдая за полётом мяча, и не думали шевелиться, даже когда траектория его стала очевидна. На лицах детей замерло странное выражение, как будто им было интересно, что будет, если мяч попадёт в новенького, которого все видели впервые.

Оборотень вытарасился на мяч, со скоростью ветра приближающийся к его лицу, и сел на корточки. То ли сработал инстинкт, то ли страх подкосил ноги. Мяч с глухим звуком ударился о стену и шмякнулся вниз, упав точно в руки новенького.

Дети продолжали следить за отскочившим от забора мячиком. Кабан, зашвырнувший мяч, лишь похихикал и приблизился к новенькому. Маленькие девочки отвернулись, словно ничего не произошло, и продолжили свои кукольные забавы. Все остальные также вернулись к своим играм, только мальчик, получивший прозвище Кабан, огрызнулся на новенького:

– Чего уставился? Мяч давай!

Этот вопрос вывел оборотня из ступора. Он поднялся на ноги, бросил мальчику мяч – больно ударивший Кабана в грудь, отчего тот скривился и согнулся – и пошёл прочь, пока кто-нибудь ещё не придумал, как убить новенького.

Оборотень хотел поискать еды, но ничего не нашёл. Не желая ненароком встретиться с Марджи, которая произвела на мальчика впечатление страшной женщины, он вернулся в спальню. За всё время он не видел ни одного взрослого. Неужели дети в приюте сами собой занимались? Может здесь не так плохо? Хоть и полно злых детей и едких запахов.

Вернувшись в спальную комнату, мальчик забился в свободный угол и смотрел в одну точку. Он не представлял, чем себя занять в первый день в этом странном месте. Он хотел домой, к дяде, подальше отсюда. Почему забор такой высокий? Почему дети такие злые? Неужели они догадались, что новенький – оборотень. Неужели это его кара за то, что не спас дядю, что оставил его одного и убежал в лес.

Оборотень сидел, сжав колени, и пытался избавиться от всех тех мыслей, что роились в голове. Внезапно у каменной стены послышалась возня. Мальчик подскочил и с опаской стал приближаться к кровати, на которой явно кто-то ворочался.

Если это кошка, я вцеплюсь ей в горло! Только попробуй меня оцарапать. На себе познаешь гнев оборотня.

Подойдя ближе, сирота рассмотрел в груди тряпок бледного, явно не слишком здорового мальчика.

– Привет, – прохрипел тот, тоже заприметив новенького, и тут же зашёлся чудовищным кашлем.

– Привет, – неуверенно пробубнил маленький оборотень. – Ты кто?

– Сим, – выдохнул ребёнок.

– Ты здоров?

– Не очень, – честно сознался болеющий. – В последнее время только хуже. А ты новенький? Как тебя зовут? – после этого мальчик замолчал, тяжело дыша. Речь давалась Симу тяжело и с каждым новым словом, силы всё больше покидали его.

– Реми. Да, я новенький, только сегодня пришёл, – пожал плечами оборотень и насторожился, он боялся доверять людям.

– Я видел, как ты отбился от Норна. Это было смело, – искреннее восхищение явно читалось в блестящих покрасневших глазах.

– А я про себя его кабаном назвал. Уж больно похожи, – улыбнулся Реми.

– Кабан – это точно про Норна, – засмеялся Сим, а потом снова закашлялся.

– Что с тобой? Ты болеешь? Ты такой бледный. Тебе надо погулять, и есть больше мяса, – со знанием дела сообщил новенький. Дядя всегда говорил, что болезни появляются от недостатка свежего воздуха и хорошей еды.

– Я болею с самого рождения, – мальчик присел на кровати. – Я альбинос, солнечный свет приносит мне боль. Говорят, если я выйду на улицу, я сгорю.

– Альбинос? – повторил Реми, – это такая разновидность вампиров? – Сим удивлённо посмотрел на нового знакомого. – Вроде вампиры страдают от света солнца, – оправдался оборотень.

– Нет. Альбинос – это я. Это люди с белой кожей, белыми волосами и глазами не восприимчивыми к свету. Часто такие люди болеют, но всё же это люди, а не вампиры, – пояснил Сим.

– Значит люди, – с некоторой долей разочарования произнёс Реми. – Ну, это лучше чем, если бы ты был вампиром, – и оба мальчика засмеялись, только смех Сима быстро прервался новым приступом кашля.

Откашлявшись, альбинос продолжил свои вопросы:

– Как ты здесь оказался?

Реми долго молчал, отвернувшись, он не хотел вспоминать весь тот ужас, что пережил вчера вечером и сегодня. Да и незачем сваливать на нового знакомого все свои злоключения. После продолжительного молчания, он всё же ответил:

– Моего дядю убили плохие люди.

– Я думаю, лучше хотя бы немного времени провести с родными, чем родиться сиротой, – с сочувствием, тем не менее, не переходящим в жалость, произнёс Сим. Реми долго смотрел на него, а потом просто кивнул. – Здесь мы все сироты. Это же приют. Чьи-то родители умерли, чьих-то убили. Убили за дело или просто так. Уже не важно. Мы все здесь, – он говорил шёпотом, делая паузы между слов. Сим показался новенькому очень умным, возможно потому что провёл в приюте больше времени.

– Да, – согласился Реми и устался в одну точку. Немного помолчав, собираясь с мыслями, он вновь посмотрел на альбиноса. – Ты здесь давно? Можешь рассказать об этом месте? – неожиданно попросил новенький. – Где все взрослые? Что тут обычно делают дети? И главное, когда будут кормить и есть ли свободные койки?

Мальчик кивнул и начал рассказ. Разговор давался ему тяжело, и иногда альбинос подолгу молчал так, что Реми сам додумывал и договаривал за больного товарища. Симу оставалось только кивать, соглашаясь или не соглашаясь.

Белокожий мальчик рассказал не мало, некоторые моменты Реми недопонял, но несмотря на них картина происходящего в его голове нарисовалась.

Он узнал, что взрослые довольно часто покидали приют или запирались в кабинете. Всего за приютом приглядывали трое взрослых: мужчина – сторож, хотя осталось не ясным, что именно он сторожил; женщина – её Реми уже видел, когда только прибыл в приют, Марджи, – она владела домом и заправляла делами приюта, каждый день, по рассказам Сима, она уводила детей за пределы двора на некие задания, о которых альбинос почти ничего не знал; и старушка, которая готовила еду, и заставляла детей хлопотать по хозяйству. Для Сима, не выходявшего на улицу, эта старуха стала дьяволом во плоти. Слабое здоровье не позволяло мальчику работать наравне с другими детьми, потому старуха беспощадно эксплуатировала его в доме. Разнообразными жестокими и действенными методами она заваливала альбиноса работой и стояла над ним, как сатанинский надзиратель, пока тот трудился. Сим не мог рассказать о заботах других детей, когда они выходили за пределы приюта, для него Ад наступал, стоило остаться со старухой наедине.

По разговорам остальных ребят, у Сима сложилось впечатление, что детей за пределами приюта заставляли работать не меньше чем на его территории. В лучшем случае юные работники помогали деревенским: пололи грядки, убирали дома, чинили постройки; или не слишком честным путём добывали себе еду, обворовывая всё тех же жителей деревни, или прося подаяний в соседских деревнях. Упоминал он и о более грязных и отвратительных поручениях, о которых сироты не говорили даже наедине друг с другом.

Реми сразу же приметил шанс, чтобы сбежать из этого, как оказалось, довольно жуткого места. Однако Сим, по выражению лица оборотня поняв, о чём тот думал, сразу отсек подобные мысли. Все дети приюта хотели бы сбежать, но неизменно возвращались в полном составе, или, что ещё хуже, приводили новеньких.

Новеньких в приюте ненавидели, и для этого существовала своя причина – нехватка еды. В саду приюта дети следили за огородом Марджи, и попутно пытались выращивать что-то ещё, но еды всё равно не хватало. На каменистой земле даже сорная трава вырастала слабой и жалкой. Марджи в свою очередь лишь один раз завозила хорошую почву в свой сад, потратив на это много денег, а прибыли не получив никакой. Она решила больше не вкладываться в приют, а только использовать детей для увеличения состояния. На смену одним замученным соплякам неизменно приходили другие, лишившиеся родных из-за болезней, голода и высоких налогов. Как итог, детей в приюте не докармливали, взрослые предпочитали сами съесть запасы.

Наблюдая за Марджи и её друзьями – сторожем и старухой —, дети учились думать только о себе, а потому ненавидели новеньких, с которыми придётся делиться едой.

Сим хотел рассказать ещё что-то, но силы его совсем иссякли. Перед тем как отправиться в забытё сна, он указал на длинный ящик, что стоял рядом с его койкой, и очень тихо прошептал «свободна». Реми понял намёк друга, и пошёл осматривать свою новую «кровать». Воняло от неё не лучше, чем от остальных. Оборотень разобрал сваленные в ящике тряпки и постелил себе подобие постели. Лучше спать в ящике, чем на полу, а вонь мальчик потерпит.

Марджи вернулась и накормила детей ужином, состоящим из варёной картошки и ягодного компота. Каждый получил по мягкому огурцу, кислому на вкус. Реми вспомнил свежие хрустящие огурцы с грядки и сам не понял, что нужно делать с овощем, чтобы он стал таким. Оставшись голодным, но вынуждая себя не вспоминать о жареном мясе – и о теле дяди посреди пожара – мальчик отправился во двор. Солнце село, дети перебрались в спальню, а находиться в толпе привыкший к одиночеству ребёнок не желал.

Оставив нового приятеля отдыхать после долгого рассказа и ужина, оборотень гулял по двору. Наслаждаясь приглушёнными стенами гулом детских голосов, прохладой уходящего дня и темнотой, ласкающей взор, сирота бродил вокруг приюта и рассматривал забор. Через наполовину забитое окно за новеньким наблюдала троица, во главе с кабаном—Норном. Когда мальчик стал оглядывать забор, трио переговаривалось, показывая на него пальцем и ухмыляясь.

Реми начал понимать, почему они ухмылялись, но не хотел верить, пока не убедился сам. Высокий забор он бы не перепрыгнул, даже с учётом ловкости и силы оборотня. Никаких лазов и дыр в плотно прилегавших друг к другу досках он не нашёл. Пришла идея вырыть подкоп, но и от этой задумки пришлось отказаться. В углу у скалы, где его никто бы не увидел, оборотень обратился волчонком и попробовал рыть, но тут же наткнулся на булыжник. Осмотревшись, зверёныш понял, что подкоп глупая идея. Руками он копать не сможет, да и лапами сломать камни не в силах, к тому же везде, кроме этого угла, его могли увидеть люди.

Обратившись мальчиком, Реми вздохнул, добрёл до качелей и сел на них. Звёзды подмигивали ребёнку с небес, но не говорили, что ему делать дальше. Дядя бы обязательно посоветовал что-нибудь, он всегда знал, что делать.

Хотелось повить о нём, спеть Песнь Печали, но он помнил, что нельзя. Отныне для юного оборотня всё под запретом, он должен научиться жить по-человечьи и слиться с окружением людей.

Из окна за ним продолжали наблюдать Норн и компания, но мальчик не обращал внимания. Он посидел на качелях некоторое время и отправился спать. Сим советовал высыпаться, потому что работать тяжело.

В спальне дети, не стремились узнать имя новенького или подружиться с ним. С довольно грустными лицами, все улеглись спать. Злобная троица и в особенности Норн не скрывали радости, когда увидели, где и на чём устроился на ночь новопривывший.

Реми продолжал их игнорировать, давясь желанием нагадить им в кровати завтра днём, или плюнуть, или хотя укусить всех троих. Он не мог уснуть – запахи людей забили нос и мучили его – и продолжал думать о заборе, о дяде, о людях и о Симе. Мальчик слышал, как ночью прошёл дождь, громохкая раскатами грома и озаряя спальную комнату сиротского приюта светом молний. Усталость одолевала ребёнка, мысли обретали очертания сна и проводили его в забытье.

На следующий день приют заработал в обычном режиме, и позавтракавших детей отправили по заданиям. Для начала оборотню поручили собрать яблоки, груши и другие спелые плоды в саду. Поскольку мальчика привели только вчера, и он не успел привыкнуть к режиму детского дома, ему не поручили сложную работу за пределами двора. По окончании сбора спелых плодов, новенькому наказали убрать прелые из-под деревьев, после чего собрать и сжечь листья. Марджи посулила другой работой, как только мальчик выполнит эту. Женщина сказала, что дел здесь невпроворот, помогать должны все, а кто не работал – тот не ел.

Самая обычная садовая уборка, которую он выполнял регулярно у дяди, в этом страшном месте оказалась не простой. Мальчик собирал плоды как обычно, но раньше он всегда это делал играя, бегая, прыгая, попутно ловил бабочек или кидался камнями и малками в ос. Дома он мог в любой момент обратиться волчонком, что и делал, здесь оборотень не мог позволить себе такую роскошь.

Реми в человеческом обличье ходил по саду, лазал по деревьям, он сдерживал волчью сущность, но он не мог и развеселиться как обычно. Возможно дело в незнакомом приюте, грубом отношении взрослых или людском окружении – он не знал. Мальчик не боялся, не нервничал, и, оказавшись в саду, не осматривал забор, выискивая лазы, хотя за ним никто не наблюдал. Почему? Реми не мог задуматься об этом, вообще ни о чём. Он отупело выполнял работу, медленно ходил по двору, залезал на дерево, двигался, словно деревянная кукла. Что с ним?

Мальчик не понимал, что именно притупляет его разум – запахи, погода или работа. Неосознанно он мыслями каждый раз возвращался к непосредственному занятию.

Собирая котомку за котомкой, Реми приносил их на кухню и не замечал вокруг себя ничего. В какой-то момент он увидел Сима за столом, мальчик чистил яблоки и груши, кото-

рые приносил оборотень, доставал из слив косточки и складывал в миски. Возле печки-плиты говорил кто-то, ругался на альбиноса. Реми видел кто, но стоило выйти во двор, он тут же забывал всё.

Несколько раз он слышал бурчание от печи и лишь спустя время запомнил сморщенную старую бабку, носившую тусклую одежду, которая сливалась со стенами в мрачном углу. Реми каждый раз пытался рассмотреть Сима и понять, плохо ему или хорошо, но не мог. Он помнил только тропинку, по которой ходил то с пустой котомкой, то с полной.

День выдался солнечный, когда очередной порыв холодного ветра проходил по округе, с деревьев сыпались спелые плоды, которые оборотень ещё не успел собрать. Мальчик помнил, как дома любил такие дни, он играл с ветром и уворачивался от падающих яблок, но не здесь. Груша свалилась с ветки и полетела в ребёнка. Она больно ударила его в грудь, Реми опрокинулся и упал. Он бы мог увернуться! Он же видел её. Но стоял и смотрел, словно идиот. Мальчик потряс головой и забыл о случившемся. Снова мысли появились в его голове, когда он нёс полную котомку на кухню.

На солнце пекло, стоило ветру успокоиться, но тень деревьев несла прохладу. Всюду жужжали осы, они прогрызали дырки и забирались внутрь груш, или выискивали гниющие яблоки. Запах прелости окружал оборотня и заполнял голову, вытравливал все мысли из неё. Мальчик продолжал свою монотонную работу.

Когда Реми собрал все съедобные плоды, валяющиеся среди гнилых, он принялся расчищать землю от прелых листьев. Но стоило ему приподнять верхний слой, как зловоние ещё более мерзкое ударило в нос. Реми бросил приподнятую кучу, и отбежал подальше, давя приступ тошноты. Страшную вонь он не мог сравнить ни с чем, даже выгребная яма пахла иначе. Что сливали сюда люди? Брожение, кислые овощи, моча, гниль, уксус – оборотень плевался, это худшая работа для него, обладателя острого нюха. Но если он не выполнит задания Марджи, останется без еды. Он должен! *Должен*, стучало в голове. Стараясь задерживать дыхание, мальчик продолжил работу.

Осы и мухи летали перед лицом, стараясь залезть в глаза и нос, и ужалить, опарыши сыпались с листвы в руках мальчика, но он упорно продолжал работать. Обязанность выполнить задание стучала в голове, а заторможенность сознания не давала подумать об ином.

Не осознавая происходящего, непроизвольно Реми таскал пригоршни гнили в общую кучу в углу сада. Недалеко от него две из трёх маленьких девочек ковырялись на грядках. Всё это время они находились здесь, но оборотень заметил их только сейчас. Раньше на радость дяде мальчик всегда подмечал всё и был внимательным, но не теперь. Он бы забеспокоился, если бы мог задержать мысль в пустой голове хоть на пару минут.

Только вечером, когда Реми выполнил все задания, поужинал, и с другими детьми приготовился спать, он начал мыслить здраво. Мальчик вдруг вспомнил, что сегодняшней день показался ему особенно тихим. Вчера дети кричали, разговаривали, смеялись, а сегодня только жужжали осы и бурчала что-то старуха. *Ну конечно! Все же работали*, успокоил он себя. Но почему молчали те девочки на грядках, рядом с которыми он ходил за сегодня раз сто? Они не болтали, не шутили и не придумывали игры на ходу, как обычно делал оборотень, когда жил с дядей. *Может, не все так делают?* Но другая версия сама пришла в голову – они работали, не хотели остаться без еды и потому не отвлекались. Оборотень запутался в мыслях и предположениях. *Они бы всё равно болтали, это же девочки. Девочки всегда болтают. Дядя говорил, с возрастом они болтают ещё больше. Почему тогда эти не болтали? Что-то здесь странное творится.*

Он не помнил, что ел на обед и обедал ли вовсе, и что подавали на ужин? Почему он забыл о еде? Реми всегда был голоден, дядя говорил для оборотня, тем более ребёнка, это нормально. И эти девочки никак не шли из головы сироты. Они слишком маленькие и могли понять угрозы остаться без еды, и не монотонно выполнять задание Марджи.

Что если здесь нас перевоспитывают и делают рабами? Как в той дядиной истории о волках, отдавших свободу за еду. Нет, такого не бывает. И всё же страшно. Я не хочу садиться на поводок как собака.

Реми пообещал себе завтра во всём разобраться, стараться отвлекаться от заданий и осмотреть сад, в который его снова должны отправить, плоды сыпались и собирать их приходилось каждый день. Мальчик не мог вспомнить видел ли забор вокруг сада. Завтра он должен всё выяснить.

На следующий день, всё повторилось. Отупелость не проходила и он, как и девочки в огороде, всё также монотонно работал.

Вечером мальчик не мог вспомнить даже, что делал. Основательно покопавшись в памяти, Реми припомнил сад, листья, плоды и забор, высокий и надёжный. Последние надежды уходили сквозь пальцы.

Оборотень услышал, как Сим повернулся в кровати, и решил посмотреть спал ли альбинос. Их кровати стояли почти вплотную, так что вылезать из-под тряпки, заменяющей одеяло, и идти по скрипящим половицам мальчику не пришлось. Он приподнялся в своём ящике на локтях.

Сим закашлялся и, заметив новенького, кивнул ему.

– Ты как? – тихим шёпотом поинтересовался Реми, – старуха с тебя глаз не сводит. – Услышав о старухе, альбинос вздрогнул, как будто она прямо сейчас вонзила свои длинные ногти в его тело.

– Угу, – только и выдавил мальчик.

– Слушай, что тут такое? Утром я встаю, ещё я, и мысли мои. А как только получаю задание, становлюсь как зомби, и всё в тумане. – Реми решил, что, должно быть Сим знал ответ, так как дольше жил здесь.

Альбинос печально кивнул несколько раз.

– Это об этом ты говорил – все всегда возвращаются, и никто не может сбежать, – пришла в голову оборотня мысль, Сим в ответ снова кивнул. – И что делать? – как к всезнающему мудрецу обратился с вопросом Реми. На что альбинос только пожал плечами. – Ясно, – разочарованно произнёс Реми и стал поворачиваться и глубже зарываться в вонючее, но нагретое телом одеяло.

Сим схватил друга за руку так, что новенький подлетел на кровати и резко обернулся.

– Иногда сюда приходят люди, – тихо начал шептать мальчик, – хорошо одетые взрослые мужчины и женщины. От них сладко пахнет. Выгляди плохо и не попадайся им на глаза. Это самое страшное, – он снова разразился тяжёлым кашлем и отпустил руку Реми.

Оборотень повернулся и ещё долго думал, уставившись перед собой, над словами друга. Он не понял, что значили его слова, но счёл лучшим для себя прислушаться.

Следующие несколько дней проходили в таком же монотонном режиме. Закончив работу в саду приюта, Реми отправлялся в сад или огород одного из деревенских жителей. Он не помнил дороги, не помнил, чем занимался. В памяти всплывали размазанные силуэты грядок, деревьев и домов. Вечерами, ложась спать в свой ящик, оборотень старался припомнить детали из обстановки тех мест, где работал. Он смог запомнить дерево в саду, растущее около забора. Мальчик надеялся, что дерево ему не приснилось и он его не придумал, потому что всё больше его жизнь напоминала страшный сон. Хотелось сбежать и дерево в саду могло помочь в этом.

Если он заберётся на него, то перепрыгнет изгородь. Настораживало то, что окажется за ней. Если там обрыв, падать храброму мальцу на дно ущелья. И как заставить самого себя отвлечься от задания. С каждым днём Реми всё больше утверждался во мнении – его разум не подчинялся ему. Он пытался сопротивляться «заданию», но не смог; руки сами делали что нужно, а ноги водили туда, куда приказано. Каждый вечер мальчик клялся себе, что на следу-

ющий день попытается снять с себя этот подавляющий волю наговор, но, как только, странная «магия» начиналась вновь, все мысли о сопротивлении уходили куда-то далеко за грань осознаваемого мира, а руки сами собой выполняли работу.

Осенью работа в садах и огородах не убывала. Пришло время собрать застрявшие в сетях семена фатили, мерзкой колючки, к которой опасно приближаться. Она росла на вершинах гор Аэфиса и представляла собой куст до двух метров высотой с длинными иголками. Листья и стебли растения выделяли яд, пыльца цветов вызывала галлюцинации, зато парашютики, на которых летали семена были на вес золота. Из них создавались легчайшие ткани, нежнейшие и мягчайшие на ощупь. Лишь маги Воздуха могли собирать пух фатили, они натягивали зачарованные сети в конце лета, а осенью снимали их и отдавали в переработку. Отделять пух от сети и семян нанимали крестьян, а те, желая заработать сколько-нибудь монет, вставали в очередь на работу. Особенно эту работу жаловали старики, которым не хватало сил для сада и огорода и женщины, более усидчивые и внимательные. Сила в работе с фатилем была не важна.

Старикам, ушедшим на заработки, помогали дети, насколько хватало сил, помогая в огороде. Обычно в один дом отправляли почти всех ребят из приюта, особенно мальчиков постарше.

Когда помощь людям не требовалась, детей отправляли обворовывать честных жителей деревни, или склады, или торговцев на базаре. Тех ребят, кто имел несчастье попасться сторожам, наказывали. Сперва наказывали сторожа, так как Марджи, считавшаяся воспитательницей беспризорных детей, отговаривалась от ребёнка и жаловалась, что он сам решил так подло поступить. После чего наказывала она сама за то, что глупый неудачливый воришка попался.

Реми не помнил, что произошло, но по поручению Марджи он пошёл к складу и попался сторожу. Тогда его избили бамбуковыми палками разъярённые деревенские жители, а после целую неделю дородная женщина воспитывала недоделанного воришку.

Всё что имели дети в приюте – крохи, которые давала им Марджи: пищу, кров, общение с другими сиротами. Она не противилась дружбе детей, но старалась не позволять им поднимать голов. Чем хороша была её идея использовать сирот в качестве бесплатной рабочей силы, так это тем, что дети были внушаемы, они слушались и подчинялись. Даже когда она дружили всем скопом, стоило их разок припугнуть, и они боялись взрослых. На этом играла дородная женщина. Она давала им еды, ровно столько чтобы могли ходить, приютила их, чтобы было где спать, и иногда устраивала выходные, чтобы дети и померли, приходили в себя и хоть немного напоминали обычных ребятшек в глазах деревенских жителей. Марджи же знала цену тому, что давала. Она же могла отнять всё это, если требовалось кого-то наказать.

Всю следующую неделю, избитый палками, изолированный от других детей, Реми спал в каморке в полметра по любому направлению. Сразу же после работы, которую он продолжал выполнять, несмотря на наказание, его приводили, швыряли и запирали в тёмной подсобке. Оборотень крутился в ней, но чаще сидел, прижав колени к груди. Сколоченная для хранения неизвестно чего, вся дырявая и продуваемая осенними сквозняками насквозь, каморка не была предназначена для ночлега. Но хуже всего приходилось ребёнку, когда на улице задувал холодный ветер, и начинался осенний промозглый дождь, как назло зачистивший на неделе. С какой стороны мальчик не садился, ему капало за шиворот. Холодная струйка стекала по спине, пробегали мурашки, дрожь сотрясала тело, а на душе становилось особенно печально. С ужасающей периодичностью, словно заведённый механизм часов, падали капли ему на голову, отдаваясь дрожью в мозгу. Это сводило с ума. Как бы Реми не поворачивался в тесной конуре, каплям всё равно удавалось упасть ему на макушку, а затем мерзким холодным ручейком стечь за пазуху. Реми повезло, что в жилах его текла кровь оборотня.

Оборотни не болели простудой, их кровь всегда была горячее, чем у людей. Это спасало расу и от многих других заболеваний, что довольно часто становились фатальными для людей. Обладая усиленной регенерацией, оборотни не боялись и физических повреждений.

Кости срастались за несколько часов, раны затягивались ещё быстрее, но не всегда гладко. Если края кожи были рваными – могли остаться шрамы, несмотря на скорое заживление.

Реми не чувствовал сильного холода, скорее озноб от сырости. В первую ночь он грелся от исходящего от синяков и кровоподтёков тепла. Потом он вспоминал горящий дом и тело дяди, объятые пламенем; представлял так живо и реалистично, что тот адский огонь, проникший в самую глубину его души, вырывался и согревал мальчика изнутри. Однако ледяные капли, которые собирались при сильном дожде в тоненькие струйки, накапывающие на волосы, а с волос продолжая путь под одеждой, приносили с собой холод, страшнее зимнего. Реми старался укрыться от них, но не мог, как если бы пытался отмахнуться от всех снежинок в пургу. В итоге ребёнок съёжился, крепко прижав к груди колени, и дрожал в своей тесной каморке, грея сам себя и защищая от сквозняка из щелей и дождя.

Сдавливая живот, мальчик старался не думать о еде, переживая вторую часть наказания – лишение ужина. Как бы ни старался оборотень отвлечься от голодных мыслей, урчание и боль возвращали его в сиюминутную реальность. Из-за голода, сырости и промозглости, а также ленивых, но кошмарных мыслей в голове Реми никак не удавалось поспать. Иногда его одолевала дрема, длившаяся в лучшем случае пару часов, но забыться сном без сновидений не удавалось. В начинающейся под вечер пучине мыслей, заторможенных усталостью после дневной работы, мальчику снились глупые и непонятные сны, длившиеся несколько минут, но кажущиеся реальнее действительности.

Днём мальчик не испытывал неудобств. Голод, сонливость и усталость словно рукой снимало; или он просто не помнил. Светлое время суток сливалось для оборотня в серую массу, без чувств, ощущений, и каких бы то ни было воспоминаний. Реми не мог припомнить, чтобы днём мучился голодом или бессилием от бессонной ночи, зато вечером наваливалась усталость за весь проведённый в тумане день.

За время наказания, лишённый последних радостей, мальчик исхудал и осунулся. Истощённый от голода, уставший от работы и бессонных ночей, промёрзший под осенними ветрами, всё, о чём он мог думать в первые дни после освобождения – это еда. Вновь получая ужин наравне с остальными детьми, Реми не мог похвастаться тем, что чувство голода оставило его. Его волчий аппетит не утолить пустой картошкой и компотом из ягод. Оборотень мечтал о мясе, с этими мыслями он засыпал и просыпался, голодный как волк, который жил в нём. Его звериной сущности требовалось больше еды для восполнения энергии.

Глядя на Сима, каждый вечер заходящегося в кашле, оборотень поражался, как люди могли переносить наказание в каморке, ведь они сильно уступали другим расам в выносливости. Альбинос рассказывал, как этим летом, до появления Реми в приюте, сторожам попалась вторая новенькая девочка – маленькая Сенди. Её побили в наказание и каждый раз при встрече поучали, как должно поступать. Марджи не стала запирает девочку в каморке, полагая, что та слишком мала и может заболеть, а больных детей женщина ненавидела. Пока ребёнок болел, он не работал, а воспитательница теряла деньги, которые могла бы заработать. Больными детьми занималась Докси, старуха, отпаивая их разными настойками, именно поэтому Сим, с рождения слабый и нездоровый, был обречён на вечную компанию карги.

Альбинос не скрывал удивления и зависти здоровьем нового друга. Реми вернулся худым, истощённым, но даже не простудился, пережив неделю в каморке Ада – как называли эту пристройку дети, – да ещё под осенним дождём. Сим помнил, как Норн, когда первый раз попался, заболел так сильно, что чуть не умер, но его смогла откачать Докси своими настоями и примочками.

Старуха часто являлась со своей сомнительной помощью к больным в последний момент, но бывали случаи, когда она ставила крест на больном. Чаще всего Докси лечила старших мальчиков, которые могли работать дольше и эффективнее. Единственным исключением, пользу-

ющимся нездоровым интересом старухи, был Сим, с которого она не сводила глаз, несмотря на то, что мальчик от рождения слаб.

Реми заметил, что иногда, в ночь пристального взгляда Персефоны – когда ночное светило излучало самый яркий свет – и ночь демонов – чёрную ночь, лишённую сияния спутника, – Докси уводила Сима куда-то, а поутру он лежал на кровати ещё слабее и бледнее чем обычно. Ночные «прогулки» – как называла эти вылазки бабка – плохо сказывались на здоровье мальчика, Сим несколько дней не приходил в себя и только изредка постанывал во сне.

Реми замечал, что мальчик альбинос нервничал и сильнее поддавался кашлю, когда доподлинно знал, что весь день проведёт со старухой. Он очень сильно боялся её, и ещё сильнее боялся ночных прогулок. Но Сим никогда не рассказывал, что именно старуха с ним делала. Оборотень старался не приставать к другу с расспросами, натолкнувшись однажды на стену молчания. Сам он тоже хранил в тайне от друга своё происхождение.

Одно решил для себя Реми – он не оставит Сима. Если оборотень найдёт способ сбежать, то обязательно возьмёт с собой альбиноса.

Несколько раз за оборот Персефоны, сперва каждую ночь поворачиваясь к народу, пока не сияет пристальным взором белой ночью, затем неспешно отворачиваясь, пока лик её не пропадёт с небосвода чёрной ночью, детям устраивали водные процедуры. Марджи с Докси грели на печи воду, принесённую детьми и охранником, а потом жёсткими щётками натирали кожу ребят до красноты. Тёрли они везде, оттирая грязь, и тёрли с такой силой, что дети несколько дней ходили красные, словно помидоры. Едва живые после истязаний щётками, сироты лежали на кроватях, не в силах шевелиться и постанывали, когда случалось переворачиваться на другой бок.

Дети ненавидели мыться, но и Марджи не любила банные дни; они походили на выходные, работа не спорилась, заработки не прибывали. Но разводить клоповник в приюте женщина не хотела; только вшей ей не хватало у детей. Приходилось прибегать к суровым мерам и драить детей самой.

Старуха помогала, подливая в воду отвары, убивающие паразитов, обновляла в комнатах и шкафах сушёные смеси, отпугивающие насекомых и грызунов. Докси отлично разбиралась в травах, у неё находилось средство от любого недуга, так что Марджи не торопилась менять поварику в приюте на более молодую.

Сторож тоже не сидел без дела, таская воду с родника, и также, как и все ненавидел купания детей. И всё же они случались раз-другой за две-три недели. Проводить купания чаще у Марджи не хватало ни сил и ни нервов.

После мытья детям давали свежую одежду, такую же драную и потёртую, но первые дни пахнущую травой. Реми нравилось лежать в своём ящике, уткнувшись носом в свежую рубашку и представлять себя на лугу, с дядей, свободным и счастливым. Вскоре запах смешивался с окружающей вонью, наступали будни.

Выходные в приюте наступали неожиданно только для детей, в то время как взрослые планировали их заранее, как только узнавали, что кто-то из посторонних хотел их посетить. Изначально сиротский дом создали для того, чтобы дети, лишившиеся семьи не умерли с голоду, оставались под присмотром и получали воспитание, а при самом благоприятном исходе находили новую семью. От простых людей Марджи тщательно скрывала свой промысел заработка на детской работе. Женщина при людях всячески поддерживала образ порядочной воспитательницы, сердобольной и самозабвенной. Простым людям сиротский приют представлялся своеобразным детским домом, где ребяташки играли и развлекались, а ветхое старое здание лишь показывало, как плохо государство печётся о своих подопечных и совсем не помогает милой женщине, творящей добрые дела.

Марджи пользовалась природным даром притворства и строила свою фальшивую игру на показушной жалости к детям, и на их стойкости, вопреки жизненным трудностям. Ведь дети, несмотря на потерю всех родных, продолжали жить, играть, и даже порой «помогать» – как она преподносила это посетителям – местным жителям, почти задаром. «Почти» зависело от жалости деревенских жителей к бедным сироткам. Воспитательница учила детей нужным фразам, и сама договаривалась с крестьянами о размерах добровольных пожертвований приюта. Так считали жители окрестных деревень. Они восхищались Марджи, в одиночку воспитывающей столько детей, некоторые любили её, другие чувствовали фальшь, и относились с опаской, но никто не пытался уличить её. Никто не подозревал даже, какие авантюры происходят в детском доме. Марджи же искусно подбирая правильные слова, а также правильных детей в правильные дома, могла вместо простого «почти задаром» получить увесистую сумму.

Особенно теперь, когда дети стали такими послушными, благодаря зелью покорности, туманящему разум, любезно предоставленному старухой ведьмой Докси, в обмен на пустячную плату, в виде истязаний и без того больного и бесполезного мальчика альбиноса.

Судьба Сима Марджи была безразлична, даже если в какой-то день старуха убьёт его, женщина только порадуетя, что не придётся более кормить лишний рот. Единственное что интересовала воспитательницу, так это причина, по которой старуха выбрала именно этого болезненного сопляка. Докси не любила распространяться на эту тему, но как-то обмолвилась, что альбиносы редкость в Аэфисе-на-Ханаэш и их кровь весьма ценна для некоторых зелий. К тому же старая ведьма чувствовала в мальчике волшебный дар; если бы здоровье позволяло, Сим мог бы научиться колдовать, но этого Докси старалась избежать. Кровь волшебника представляла для неё необычайную ценность.

Дети ничего этого не знали, они радовались мелочам, когда не находились под властью зелья, дружили, играли и мечтали о выходных. В выходные Марджи не могла давать сиротам зелье, они должны были вести себя естественно. Оставалось их только запугать так, чтобы они держали свои маленькие язычки за зубами.

Сразу после завтрака Марджи объявила о поощрении детей за отличную работу, напомнив об их обязанностях – трудиться на благо дома и никому ничего не рассказывать, – она наградила детей заслуженным – по её словам – выходным днём.

Реми не понимал, что такого могла сделать женщина, почему все дети боялись рассказать о приюте правду деревенским жителям. Но затем услышал ряд напоминаний, которые и его принудили молчать.

– Вы помните, как сторожа избили некоторых из вас, только за то, что вы хотели есть. Вспомните! Как больно вам было. У кого вы искали поддержки? Вы ко мне бежали, в слезах и я вас успокаивала. Вы думаете сможете прожить в одиночку, там, на улице, – Марджи указала во двор, – одни, без взрослых. Вы считаете себя смелыми и умелыми. Но я-то знаю, что попади вы в беду – а вы обязательно попадёте в беду, мир за стенами приюта опасен и очень-очень страшен, – некому будет успокоить вас, никто не накормит вас, не постелет кровать. Помните об этом! А если кто-то из вас забудет, я очень сильно расстроюсь, – театрально вытерла слезу на глазу женщина, – и мне придётся наказать вас всех. Придётся! Потому что я о вас думаю! А вы обо мне думаете?

Дети молчали. Реми понял, что его мысли о побеге глупость. Что он будет делать один там, в мире, полном людей. Он сжал кулачки. Свобода – вот его мечта, а здесь он раб, и точно также окружён людьми. Мальчик старался не слушать женщину, но она взрослая и знала больше. Она права.

– Идите, играйте, и лучше вовсе не говорите со взрослыми. Потому что только мне вы нужны! Они выслушают вас, и возможно, поверят, но никто из них не накормит вас, не постелет кровать. Никому вы не нужны, только мне!

Выслушав отповедь воспитательницы, дети ещё раз объяснили всё новенькому, чтобы из-за него не пострадать самим. Реми счёл за лучшее убраться с глаз людей в спальную комнату. Денёк выдался солнечный и холодный, но снова попадать в ту каморку из-за своей глупости, он не хотел. К тому же хотелось поболтать и поделиться своими последними наблюдениями с Симом.

– А что вообще такое? – сидя на кровати альбиноса, наконец-то не таясь и не шепча, спросил оборотень.

– Сейчас придёт кто-то из деревни, – слабый мальчик, несмотря на дневное время и отсутствие других детей, говорил тихо, почти шёпотом. – Начнут смотреть, как мы тут живём.

Альбинос закашлялся, а Реми с недовольной миной на лице пытался рассмотреть улицу в щель между скалой и неплотно прилегающей к ней деревянной стеной. В голове у него промелькнула мысль, что Сим мог кашлять и постоянно болеть из-за сквозняков, гуляющих вдоль каменной стены.

– Как мы тут живём... Я бы не назвал это место домом, ни за какие яства и богатства, – хмыкнул Реми, на что Сим кивнул. – Но может Марджи права? Может она права? Мы никому не нужны.

– Ей мы тоже не нужны, – прошептал альбинос и отвёл глаза. – Я точно не нужен.

Реми замолчал. Он сравнил Марджи со своим дядей, которому точно был нужен. Дядя любил его, учил, давал гулять и не заставлял работать на других. По дому – да, но это другое. И дядя никогда не посылал Реми воровать у людей, где его могла поймать и избить стража.

– А может она права, ведь мои родители бросили меня, – Сим всхлипнул и отвернулся к стене. Он сотрясался рыданиями, а Реми смотрел и не знал, как утешить друга. Дети во дворе кричали и ругались, девочки хотели качаться на качелях, но их заняли ребята постарше.

– Почему ты спишь здесь? – сменил тему Реми, не придумав ничего умнее. – Здесь же щель, в которую я, если буду продолжать, есть так мало, скоро смогу пролезть. – Сим немного успокоившись, хихикнул и посмотрел на щель, очень узкую, что и тощая Сенди вряд ли бы пролезла. – Ты же обледенеешь, когда начнётся зима.

– А кому-то есть до этого дело? – просто ответил Сим, и на его лице отразилась вся горечь от незавидного положения. – Когда придёт зима, снег заметёт домик и эту щель, тогда сквозняка не будет, – попытался обнадежить нового друга альбинос, чтобы Реми так сильно не беспокоился.

Реми кивнул, не понимая, что до того, как сугроб наметёт, они все околеют. Он хотел поднять другую тему и начал задавать другу вопросы:

– Почему все они пошли играть, как ни в чём не бывало? Неужели никого не волнует, что завтра мы опять отупеем и пойдём работать? Почему мы тупеем? Что происходит? – Сим, молча, пожимал плечами. – С этим нужно что-то делать. Нужно придумать что-то, – всё сильнее распалялся Реми. Дядя учил его замечать всё, думать, искать решения. Тогда в жизни ребёнка не было проблем, юный оборотень не понимал этих наставлений, но теперь до него стало доходить.

– Смирились, – просто ответил альбинос. – Все уже смирились. Все новенькие пытаются бороться, хотят что-то сделать, сбежать. Думаешь ты один такой умный? Просто это бесполезно.

– Но почему? – не унимался Реми.

– Ты попробуешь сбежать, а сторож тебя поймает. Он уже ловил нескольких умников, – шептал мальчик, закрыв глаза.

– И что было?

– Они визжали и обливались слезами, когда им вправляли кости, – проговорил Сим и зашёлся кашлем.

Реми представил себе, как его избили бы палками и сломали руки и ноги, а когда пришёл бы врач, кости уже успели бы срастись вкривь и вкось.оборотню стало страшно. Перед мысленным взором предстала картина, как он стоит на кривых ногах с кривыми руками и перекошенным лицом. Мальчика передёрнуло. К тому же все поймут, что он не человек и попытаются убить его. Как он побежит на кривых ногах? И лапы будут кривыми. Реми затряс головой, отгоняя жуткие картины.

– Охранник не щадит никого, – откашлявшись добавил Сим.

– Я найду способ сбежать! – уверенно сверкая зелёными глазами, прошептал Реми.

– Было бы здорово, если бы тебе удалось. Но что если Марджи права? Куда нам идти? Что есть? – оборотень молчал. – Мне кажется, я быстрее умру под пытками старухи, – ещё тише, чем обычно прошептал мальчик.

– Я тебя здесь не оставлю! Мы сбежим вместе! – уверенно заявил Реми. Сим улыбнулся, но потом покачал головой.

– Вот из-за этого все и смирились. – оборотень наклонил голову, совсем как щенок, альбинос разъяснил свою мысль: – Чем дольше ты здесь находишься, тем сильнее привязываешься к другим ребятам, заводишь друзей, а значит не можешь бежать один, хочется с друзьями. Так и получается. Может быть, одному это ещё возможно, а вот всем скопом – нет.

Мальчики поникли, проникнувшись смыслом слов.

В соседней комнате послышались приближающиеся шаги.

– Если это старуха, я тебя ей не отдам! – твёрдо выпалил Реми, едва не зарывчав.

– Это не старуха, у неё шаркающие шаги. – Симу улыбнулся, впервые кто-то о нём заботился, от осознания своей нужности другому его наполнило тепло. – Скорее всего, это врач из Белого Клыка. Редко они тут бывают.

И верно, спустя несколько мгновений в комнату зашла Марджи и несколько людей. Воспитательница скупым жестом показала Реми на выход, Сим кивнул другу, подтверждая намёк женщины. оборотень ушёл. Он доверял Симу, раз мальчик кивнул, значит, ничего плохого с ним не сделают.

Дети во дворе продолжали свои игры, Реми вышел к ним и позавидовал: они беспечно смеялись и веселились, а оборотню приходилось сдерживать щенка внутри себя. К тому же кроме Сима с новеньким никто не дружил, все считали его странным, молчаливым и скрытным. Непроизвольно Реми пытался отстраниться от людей и от игр, стать взрослым.

Ему не давало покоя оцепенение во время дневной работы. Дома с ним никогда такого не происходило, а здесь каждый день, исключая банные и выходные. Завтра он вновь погрузиться в транс, из которого выйдет не раньше ужина. Все дети, они пойдут, не осознавая самих себя выполнять непонятные задания. Завтра, послезавтра и на следующий день, изо дня в день, никто не знал, когда это прекратится. Прекратится ли вообще? Реми хотелось закричать на ребят, что они делают, как могут смеяться в этом проклятом месте, но вспомнил слова Марджи «вы только мне нужны». Что если она права? Больше всего оборотень боялся, что женщина окажется права.

Мальчик ушёл с площадки и сел в углу, под забором, он думал о положении, в котором оказался и мечтал вернуться к дяде, в беззаботные летние дни. Мысли его ушли в сторону голода и блюд, которые он хотел бы съесть. оборотень как наяву почувствовал запах, но вдруг всё прервал шум по другую сторону забора. Пытаясь сконцентрироваться на своей проблеме, Реми старался не обращать внимания на возню, но тут случилось что-то, из ряда вон выходящее – его окликнули.

– Эй, ты. Пс.

Реми не понял, кто его зовет, и стал оглядываться по сторонам.

– Наверху, я тут, – шепотом звал голос. оборотень сообразил, что кто-то взобрался на забор, от того он и слышал возню.

Подняв голову, мальчик увидел девушку, на вид лет четырнадцати, которая сидела на заборе. Вся в царапинах на руках и лице, дырках в одежде, она походила на оборотня, сбежавшего из леса. Мальчик бы сказал, что это лиса, она была такая же рыжая и вся в веснушках, только он не слышал от дяди о лисьих оборотнях.

Реми не ожидал увидеть кого-то на заборе, поэтому вытаращился. Девочка была страшненькая: длинный нос, маленькие глазки и отсутствие бровей – не украшали её веснушчатое лицо.

– Ты новенький? – смекнула девушка. – Привет. Слушай, болтать мне некогда. Вот лови, – и она кинула мальчику тяжёлый мешок, – передай остальным.

– Погоди, ты залезла на забор. Значит, с другой стороны есть спуск? – загорелись глаза Реми.

– Э-э-э, – заговорщицки протянула девушка, – а ты что, сбежать планируешь? – Реми продолжал смотреть на неё, ничего не говоря. – Да, тут есть спуск, для тебя высоковат, пока, – многозначительно добавила незнакомка. – Но с этой стороны, ты не заберёшься. – Девушка сильно перегнулась через забор, Реми подумывал, как бы она не свалилась прямо на него, и тут она сказала, – есть другой путь, – и принялась спускаться.

– Постой. А ты-то кто такая? Ты здесь друг или враг? – решил сразу расставить точки над «і» мальчик.

– А ты загляни в мешок, – девушка подмигнула и добавила: – Со всеми поделись!

Реми последовал совету и обнаружил в мешке хлеб, сыр, колбаски и овощи – всего понемногу, – но у оборотня слюнки потекли, он представил, как обрадуются ребята. Мальчик поднял глаза с намерением поблагодарить незнакомку, но той и след простыл. Ухватив, как следует мешок, чтобы ничего не вывалилось, Реми осторожно направился к приюту.

Постоянно озираясь и боясь, что кто-то из взрослых его увидит, оборотень добрался до спальни. Выдохнув, но не расслабляясь, он уже стал открывать дверь, как его окликнули. Душа ушла в мизинцы на ногах. «Это конец», прозвенело в ушах.

На деревянных ногах отойдя к шкафу у двери, пряча мешок себе за спину, мальчик обернулся. Его окликнул один из пришлых людей, пахло от него травами и микстурами, как от деревенского знахаря.

– Он твой друг, – знахарь кивнул за дверь, намекая на Сима. Оборотень кое-как кивнул, не отводя глаз от человека. – Хорошо. Ему нужен свежий воздух, тепло и покой. Позаботься о нём, – сказал мужчина и ушёл.

Реми ещё какое-то время стоял как вкопанный, но заставил себя выдохнуть и быстро юркнуть в комнату.

В спальне остался только Сим. Реми рванул к нему, вместе с мешком. Мальчик альбинос спал, лицо его было умиротворённым.

Не сыскав лучшего места, оборотень сунул мешок под кровать больного. Расправившись с этим делом, Реми решил всё же подумать над словами знахаря, а также попытаться найти причину странному поведению во время работы. Мальчику не давало покоя осознание, что каждый день он выходил за пределы приюта и каждый вечер возвращался. Почему он не мог сбежать? Почему он не мог подумать о побеге, когда уходил на задания? Здесь точно замешана магия!

Вечером все вернулись и легли спать, Реми окликнул ребят и, показав мешок, рассказал, что с ним случилось. Еде все обрадовались, хотя не обошлось без потасовок и тихого выяснения отношений, но кое-как еду поделили между всеми. В ту ночь у каждого был свой маленький пир, никто не лёг спать голодным. Оборотень подумал, что мог бы спрятать что-то и съесть позже, но ему досталось всего половинка колбаски, кусочек сыра и две морковки. Он заглотил их тут же, также поступили остальные дети.

Пока все грызли яблоки, морковки и огурцы, новенькому рассказали о рыжей девушке – Сизи – она тоже росла в этом приюте, но ей удалось вырваться. С тех пор она иногда приходила и подкармливала детей. Дети задавали вопросов о Сизи больше, чем оборотень. Они хотели знать, как она жила, как выглядела, плохо ей или хорошо. Каждый в мыслях вспоминал слова Марджи, и пытался найти в облике Сизи их подтверждение или опровержение. Реми, в свою очередь, хотел выяснить, как девчонке удалось сбежать, но ответа никто не дал. Все поспешили лечь спать, продолжая с закрытыми глазами дожёвывать овощи. Но после этого дня отношение детей к новенькому улучшилось. Дети перестали видеть в нём соперника, приняв за своего.

Спустя несколько дней, Сим вскользь упомянул, что Сизи пыталась сбежать не одна, а с друзьями – двумя мальчиками. В итоге только ей удалось сбежать. Её друзей поймали и подвергли наказанию, после которого один из мальчиков скончался. Что стало со вторым, Сим не сказал.

Зима подступала к окрестностям Белого Клыка с севера, покрывалась инеем трава, завывали ледяные ветры, скрипели деревянные стены сиротского дома, дребезжали стёкла в рамах, и дети кутались в тёплую одежду, которую Марджи всем недавно раздала. Старая, потёртая, местами изъеденная насекомыми, она грела и это радовало. Ребята продолжали каждый день выходить на холод и заниматься делами, подчинённый неведомой силе, которой не могли сопротивляться. Реми с каждым днём всё реже задумывался о самой работе, потеряв надежду перебороть память. Он пытался разгадать тайну дурмана в голове и рабской подчинённости словам Марджи. Посвятив разгадке все вечера последних нескольких недель, мальчик выдумывал небывалые теории. Но вместе с тем у него появились некоторые догадки о причине туманности разума, только проверить их случая не подворачивалось. Оборотень чем угодно занимал свой разум, лишь бы не думать о голоде и заставить волка внутри молчать, особенно белыми ночами, когда кровь бурлила.

Ветер зашёлся в истовом вое на улице, доски заскрипели, словно дом стонал под натиском стихии. Реми приподнялся на локтях, прислушиваясь и немного боясь, не рухнет ли эта развалина от следующего порыва. Из щели между стеной и каменной глыбой скалы разнеслось ледяное дыхание сквозняка и обрушилось на альбиноса. Сим сжался от холода, кутаясь в старое одеяло, что его не спасло. Мальчик зашёлся тяжёлым кашлем. Реми посочувствовал другу, он отдал Симу свои тряпки-одеяла, но это не помогало.

Может поменяться с ним? Я оборотень, я смогу выдержать сквозняк. Моя горячая кровь не даст мне замёрзнуть, думал мальчик и надеялся, хоть немного помочь своему другу.

Озвучив свою идею в один из вечеров Симу, Реми увидел неожиданную реакцию, альбинос наотрез отказался и уверял оборотня, что отлично себя чувствовал, и ему не мешали сквозняки. Оборотень разозлился, мальчики поругались, каждый настаивал на своём. Реми не понимал, почему друг ему врёт, он же слышал, как задыхается в кашле Сим каждую ночь.

Дядя утверждал, что Реми упрямством пошёл в мать, та тоже могла горы свернуть, если вбивала что-то в голову. Вспомнив дядины рассказы о маме, и его способ заделывать дырки, оборотень решил не отставать, и следующим вечером нагло залез на кровать Сима и принялся затыкать щель тряпками из своего ящика.

Альбинос наблюдал за другом, выпучив глаза, мальчик хотел что-то сказать, но слова застряли в горле. Не один Сим наблюдал за происходящим, остальные ребята тоже уставились на новенького. Никто из детей не ожидал такого поступка. По их мнению, больной мальчик был обузой детского дома – так говорила Марджи, – бесполезным, лишним ртом.

– Не будет щели, не будет дуть, вот! – выпалил Реми, спиной чувствуя взгляд альбиноса.

Кто-то дёрнул его за штанину. Оборотень посмотрел, рядом с ним стояла Сенди и протягивала пару тряпок. Она прошептала тоненьким голоском:

– Я не хочу мёрзнуть.

Реми кивнул и принял тряпье. С ним поделилось ещё несколько детей, тех, кто спал недалеко от щели и тоже мёрз на сквозняке. Те, кто спал ближе к печи, только ухмылялись и кутались в свои одеяла, среди них был Норн и его компания.

Оборотень не сумел заделать всю щель, под потолком осталась дырка – там могли достать лишь взрослые, а просить Марджи никто не осмелился. Лишившись всех своих одеял, Реми не жалел о своём решении, Сим стал кашлять значительно реже; а когда оборотню бывало холодно – мальчики спали в одной кровати, греясь, друг об дружку и не давая заledenеть своим конечностям. Не весь холод удавалось разогнать друзьям, оставался тот, что поселился внутри – ледяное прикосновение голода, вызванного постоянным недоеданием. Реми, как оборотню, не хватало даже порций обычных людей, а в приюте не докармливали всех детей.

Избавившись от щели и сквозняков, дети в приюте почувствовали себя лучше. Сим радовался, не теплу в доме, он с нескрываемым счастьем смотрел на Реми, который помог ему, помог просто так, потому что они друзья.

Несколько раз к ним приезжал знахарь из города и поил альбиноса лекарствами, мальчику становилось лучше, ненадолго; вскоре эффект пропадал, кашель возвращался, Сим бледнел и слабел.

Заглядывали в приют «сладко пахнущие» мужчины и женщины, о которых предупреждал альбинос. Перед ними ставили всех детей словно на показ, люди ходили, выбирали. Реми не знал, что происходит, но по наставлению Сима старался вымазаться в чём-нибудь, скривить лицо, чтобы его не выбрали. Иногда пришлые люди просили показать им только мальчиков, только девочек показывали редко.

Оборотень подумал, что возможно взрослые хотели забрать детей из сиротского дома и растить как своих. Могло ли быть такое, что Сим обманывал Реми, не желая лишаться друга, потому просил не нравиться людям. Оборотень не хотел верить этим подлым мыслям.

Ребят действительно забирали, но на следующий, или спустя пару дней возвращали обратно. Никто из детей, никогда не говорил, что с ним делали, куда отвозили и зачем. После этих поездок ребята вели себя очень странно, те, что помладше плакали и жаловались на боль, старшие молчали, на время замыкаясь в себе. Все вокруг понимали, что случилось с теми, кого забирали, но, как тайное общество, не выдавали свою тайну. Сим признался, что его никогда не выбирали, потому что он болеет, потому мальчик тоже не знал причину такого поведения ребят.

Реми хотел узнать правду, но в тоже время его настораживала реакция людей, поэтому он продолжал следовать совету Сима. Он мазал лицо и руки золой, землёй или грязью с пола. Он ерошил волосы, притворялся больным и строил кривые рожи. Его либо не замечали, либо уходили скорее прочь со словами «фуу, замарашка какой».

В полузабытье дневной работы, прерывающейся сном, прошло несколько оборотов Персефоны, давно минула праздничная ярмарка в честь Дня середины зимы. Приют замело снегом, только дорожку от ворот к входу расчистили ребята.

В редкие выходные дети играли в спальней комнате, а Реми, помня слова знахаря, помогал Симу совершать небольшие прогулки, хотя бы между кроватей и в коридоре сиротского дома.

Благодаря прогулкам, а также избавившись от холодных сквозняков, дующих точно на Сима, мальчик здоровел. Он почти перестал кашлять, и весь день оставался бодрим, не помышляя о сне. Его глаза светились жизнью, а на щеках изредка появлялся слабый румянец.

Реми обещал другу что, как только потеплеет, они будут гулять во дворе. И Сим, слушая заверения друга, совсем не боялся солнечного света, наоборот, мечтал почувствовать его тепло и дуновение ветра на щеках.

Сим очень хотел сделать что-то хорошее для Реми, но не мог придумать что. У мальчика ничего не было, оставалось делиться улыбкой и рассказывать всё, что знал о сиротском доме и его обитателях.

Одним вечером оборотень поделился с Симом своими идеями о туманном состоянии во время работы.

– Тебе никогда не было интересно, почему по утрам нас поят тыквенным соком. А теперь, когда пришла зима, наш чай тоже отдаёт тыквой? – шептал волчонок Симу, когда все затихли в своих постелях.

– Потому что у нас много тыкв, – пожал плечами альбинос. Он кашлял теперь совсем редко и мог говорить спокойно.

– Пф, – хмыкнул Реми, поражаясь не сообразительности своего умного приятеля. – Почему тогда они добавляют тыкву в чай? Есть уйма блюд из тыквы: тыквенные лепёшки, тыквенная запеканка, тыквенные булочки. Зачем добавлять тыкву в чай? – настаивал мальчик-оборотень, на что Сим только пожимал плечами. – И почему тогда, если у них так много этих дурацких тыкв, тыквенный сок нам давали только на завтрак? Почему бы ни поить нас тыквами вечером?

– Может, тыква на ночь вредна? – предположил альбинос. – Я больше морковный сок люблю.

– Да какой, . . . – начал было Реми, но решил смолчать. – Я бы молоко хотел на завтрак. Но не в этом дело! Что это за чай такой, с тыквой?! А из чая пасёт тыквой! – оборотень распалился так, что другие дети начали ворочаться. Заметив это, он замолк, и оба они стали с опаской поглядывать по сторонам.

– Я не чую никакой тыквы, – осторожно и очень тихо прошептал Сим.

Реми хотел сказать, что у него обоняние волка и вкус тыквы он тоже чувствует в чае, а его друг всего лишь человек, но вовремя осёкся.

– Короче я думаю, что это тыквенный сок, – многозначительно глянув на Сима своими изумрудно-зелёными глазами, прошептал Реми.

Сим удивлённо на него посмотрел, в красных очах альбиноса отразилось недоумение. Оборотень решил всё как следует объяснить другу:

– Посуди сам. Тыквенный сок только на завтрак, а вечером мы всё помним и понимаем, туман исчезает. Что же ещё может быть виной?

– Я не знаю. По-моему, всё как-то надуманно. Летом тыквенный сок, а почему бы и нет, ведь он полезный. А зимой чай. Я не чую никаких тыкв в чае, – пожимая плечами и почесывая затылок, шептал альбинос.

– А то кто-то здесь прямо думает о нашем здоровье, – констатировал факт оборотень. Его начинала злить скептическая позиция друга.

– А ведь ты прав, – тут Сим поник: кому как не ему знать, что никто в этом приюте и пальцем не пошевелит для благополучия детей, по крайней мере для него, альбиноса. – Знаешь, – припомнил мальчик, и поднял голову с напуганными глазами, – а ведь все тыквы с огорода забирает старуха.

– Кажется, мы подошли к разгадке, – заключил Реми. – Завтра я попробую не пить чай. Тогда и посмотрим, что будет. – Сим согласно закивал, ему понравилась затея друга. Если не от чая зависит пелена в голове во время работы, то какая разница, если вдруг один из детей откажется пить или есть. Наоборот, скупая Марджи должна обрадоваться экономии продуктов.

– Знаешь, я даже не помню, что мы едим на завтрак, и чем это всё пахнет, – вдруг прошептал белокурый мальчик, когда друзья уже завернулись в покрывала, готовые поймать интересные сны.

Реми ничего не ответил. Он и сам долгое время не мог вспомнить даже вставал ли он утром и настал ли другой день; но за несколько оборотов, он себя выдрессировал. Каждый

день, ложась спать, мальчик давал себе зарок, следующим вечером не лениться и вспомнить хоть что-нибудь из прошедшего дня. Сперва он мучился головной болью, но потом у него стало получаться. Оборотень не сдавался и пошёл дальше, по наставлению покойного дяди, вспоминая любые мелочи, чтобы разобраться в странном гипнотическом состоянии.

На следующий день, мальчик, как и решил с вечера, попытался отказаться от завтрака, а главное от чая, сославшись на то, что не хочет горячее, а выпил бы просто водички. Марджи воды ему не дала и принялась уговаривать. Горячий чай бодрил, согревал, насыщал – она говорила всё что угодно, лишь бы мирным путём заставить мальчика выпить чай. У Реми заканчивались идеи, как ещё отвертеться от тыквенного чая, но он сражался, как мог. Придумывал, что его мутит и тошнит, что у него аллергия, внезапно началась. Пока он пытался придумать правдоподобную ложь, он заметил, как движения детей стали затормаживаться, всякое выражение сходило с лиц, а глаза наполнялись пустотой.

Мальчику стало страшно, он много запинаясь и в итоге замолчал, с ужасом смотря на женщину. Терпение воспитательницы подходило к концу, и мальчик это заметил. Марджи всё настойчивее совала чай ему в нос. Она тоже заметила, как он озирался и терпение её лопнуло, она позвала на выручку сторожа, тот схватил Реми и держал, пока женщина вливала напиток в глотку ребёнка. Всё это произошло на глазах остальных детей, но те уже позавтракали и покорно несли тарелки к раковине. Они стали зомби, рабами, безвольными куклами; спроси вечером любого из них об утреннем происшествии, ответ был бы один – «не помню».

Зато Реми запомнил. Его догадка подтвердилась. Тыквенный напиток на завтрак причина их подневольного труда, без какой-либо возможности вырваться на свободу. Он запомнил, главное не забыть это к вечеру, рассказать Симу. Они должны помнить!

Теперь перед мальчиком встала новая задача, требующая скорейшего решения: найти способ не пить на завтрак туманящую разум отраву и сбежать, прихватив с собой единственного друга в этом адском доме – Сима.

После случая за завтраком Докси стала проявлять интерес к Реми, она пристально следила за ним во время каждой трапезы. Мальчик ёрзал на стуле, но больше отказываться от еды и чая не собирался. Он разгадал тайну тумана в голове и смог запомнить, что случилось во время злополучного завтрака. Оборотень при первой возможности поделился своим опытом с Симом. Альбинос несколько минут пребывал в шоке от услышанного, но смог осознать новость. Вместе друзья решили пока зима и холод оставаться в сиротском доме, и как следует обдумать план будущего побега. Пока они продолжали пить чай с тыквой, работать и стараться не вызывать подозрений у взрослых.

Вскоре Марджи обрадовала детей выходным днём и принялась прихорашиваться к приезду гостей. Кого она ждала дети не знали, и не забивали себе голову – чему быть, того не миновать. Реми вышел во двор, решив насладиться морозным днём. Он гулял и наслаждался хрустом снега под ногами, вдыхал полной грудью свежий холодный воздух и мечтал о том, как скоро перестанет быть подневольной куклой в руках воспитательницы.

Взгляд его привлекли сугробы, наваленные около забора при расчистке дорожек. Снег примялся, и местами достигал верхнего края изгороди. Забравшись на снежную кучу, Реми смог бы перелезть через забор. Но насколько сугроб надёжен?

Оборотень подошёл и наступил на кучу, снег под ним просел. Мальчик решил попытать удачу и вскарабкался, но провалился внутрь сугроба, где вымок в ледяной воде и замёрз, словно в прорубь упал. Кое-как выбравшись, он скрыл следы своей неудачной эскапады, забросав дыру соседней кучей. Это всего лишь снег, подтаявший и снова подмороженный снег, покрытый ледяной коркой, не настолько толстой, чтобы выдержать ребёнка. Он не мог служить надёжной опорой.

Зима близилась к завершению, в воздухе пахло приближающейся весной. Реми бродил по двору, думая, как сбежать, но в голову приходили только глупости, завязанные на магии. Мальчики решили, что лучше всего сбежать весной, когда в кустах можно спрятаться, а в лесу не холодно ночевать; поэтому оборотень старался найти способ, придумать план.

Мальчик торопил себя, зная, что уже через неделю, может быть две, снег начнёт стремительно таять, как это бывало в надгорном крае; мгновение и начнут появляться первые листики на деревьях. Останется подождать ещё немного, когда кусты покроются листвой, и мелкие зверьки вылезут из норок. Так и Реми хотел вылезти из сиротского дома, забрать Сима, и жить с ним в лесу. Они справятся, построят себе шалаш и всё будет замечательно. Осталось лишь сбежать и времени не так много, а выходные для детей всегда непредсказуемы.

Я должен придумать план сегодня! После туманного рабочего дня, вечером, я ничего не соображаю. Что бы дядя сделал? Он бы вмиг придумал, как сбежать. Обратился бы красавцем-волком и перегрыз горло этой толстухе, и старухе, и сторожу. И Норну, если бы он влез. Дядя был такой сильный и смелый... и умный. Реми отогнал прочь ненужные мысли. Дяди больше нет, теперь мальчик должен сам научиться преодолевать трудности.

Грустные мысли сменились воодушевляющими – Сим с каждым днём становился всё сильнее. Он уже ходил по зданию приюта сам, без поддержки, а любимым его развлечением стало окно, в которое он мог часами смотреть на лежащий во дворе снег или птичек, сидевших на высоком заборе. Альбинос мечтал о весне не столько из-за планируемого побега, сколько из-за обещания друга гулять с ним на улице.

Оборотень так сильно погрузился в свои мысли, что не заметил, как солнце скрылось за высоким забором. Мальчика вывел его из задумчивости оклик Сима, вновь устроившегося у окна и жадно смотревшего на улицу.

Альбинос помахал другу из-за стекла и засмеялся. Реми взял комочек снега, подобрал пару давно засохших листиков ивы и слепил нечто, напоминающее зайца. Прошлой зимой для оборотня дядя лепил маленьких зверят и ставил их на подоконник. Казалось, это было в прошлой жизни. Реми поставил своего зайчонка на слив с внешней стороны.

Слепленный зайчик ужасно понравился Симу, лицо его озарила улыбка от уха до уха. Мальчик сиял, его глаза светились, он легонько стучал по стеклу в том месте, где по ту сторону сидел снежный зверёк. Реми и представить не мог, что в этом жутком месте, чье-то лицо может осветить такая искренняя счастливая улыбка.

Может люди не так плохи, как говорил дядя? Впервые оборотень усомнился в наставлениях родственника.

К Симу подошла Сенди, и её лицо тоже осветила улыбка, стоило ей взглянуть на снежное чудо на подоконнике. Реми спохватился, что надо бы слепить ещё пару зайчиков, но не нашёл подходящих листиков. Снова вернувшись к окну, чтобы показать, что не сможет слепить других зверят, мальчик заметил шевеление в спальне, все дети занервничали и завертелись.

Сим махал руками, пытаясь, что-то показать Реми, но тот не понимал и только хмурил брови. Оборотень едва не подпрыгнул от неожиданности, когда его за руку схватил сторож, и, не церемонясь, волоком потащил в дом. Мальчик заметил в открытых воротах, мимо которых они прошли, дорогой, украшенный лентами, паланкин и смекнул, что к ним снова пожаловал «сладко пахнувший» мужчина.

Сторож швырнул ребёнка в дом и запер дверь. Реми опрометью бросился на кухню, но в ведре не осталось мусора, кто-то недавно вынес его. Оборотень направился к очагу и измазал лицо и руки золой, чтобы походить на грязного замарашку. Не успел он подготовиться, как его схватила Марджи и ввела в спальню, где все мальчики уже стояли в ряд, а богато одетый человек их пристально рассматривал.

– Ну, моя дорогая Марджери, – пропел мужчина сладеньким голоском, – всех их я знаю. Все они изученные. Нет ли чего новенького? Не объезженного, так сказать, – широкая ухмылка

расплылась на лице приезжего мужчины. – Плачу втрое больше, – шепнул он, ниже склонившись к воспитательнице. Глаза Марджи заблестели, рот расплылся в улыбке, ей слишком сильно хотелось получить деньги, чтобы заботиться о благополучии детей.

– А это у нас кто? – обратился человек к Симу, трясущемуся на своей кровати. – Молочная глазурь, сливки в чёрном чае.

– Скорее простокваша. Он весь больной, не думаю, что вас порадует, лотерон, – подбостранно пролепетала Марджи, обращаясь к мужчине по титулу. Лотеронами в Аэффисе-на-Ханаэш назывались влиятельные торговцы, владеющие несколькими крупными лавками по всему краю. Договорив, женщина осеклась и посмотрела на Реми, которого впихнула в спальню минутой раньше. – У нас появился новенький.

Глаза мужчины загорелись, он осмотрелся, пытаясь самостоятельно найти новое лицо; но не смог. Однако воодушевление не покинуло его. Взрослый мужчина выглядел как ребёнок, ищущий фей, стоило их упомянуть.

– Вот он, – Марджи предательски толкнула Реми в спину; от неожиданности мальчик не успел состроить кривую рожу.

– Просто прелесть! – восторженно заявил мужчина, от него сильно пахло цветами: лавандой и розой, – так что волчонок на несколько секунд даже потерял ориентацию в пространстве. От резкого и непривычного, одновременно горьковатого и приторно сладкого запаха разболелась голова. Мужчина протянул к Реми руки, но мальчик с яростью ударил по ним, после чего получил затрепину от Марджи. Голова заболела сильнее.

– Какой норов! Люблю таких. Берём! – подытожил мужчина и скупым жестом приказал слуге схватить мальчика.

После нескольких попыток вырваться, Реми понял, что все усилия тщетны и затих. Он хотел подождать случая, когда мужчины отвлекутся, и тогда попробовать вырваться.

Богач ещё несколько минут переговаривался с Марджи, кивал, соглашаясь, а затем пошёл к выходу. Слуга тем временем тащил мальчика к воротам. Реми бросил взгляд на оставшихся детей, они отводили глаза, и только Сим провожал его, сжав в белых ручках своё покрывало. В его красных глазах застыл страх, ещё больший, чем одолел самого оборотня.

Незнакомец вывел мальчика на улицу и повёл к паланкину. На секунду Реми поразился, что свобода так близка; он не под действием тыквенного сока и он вышел со двора сиротского дома. Если он сейчас вырвется, то обретёт свободу. *Но как же Сим*, словно молния, промелькнула мысль в голове оборотня, и он поник.

Рядом с паланкином отдыхали четверо крепких мужчин – носильщиков. Реми сообразил, что от всех людей ему не сбежать. Его посадили в дорогой паланкин и повезли, а точнее понесли, в неизвестном направлении. Слуга продолжал держать мальчика за рукав, он то и дело косился на Реми, готовый в любой момент помешать ребёнку сделать глупость. Богач уселся напротив и тоже принялся жадно рассматривать мальчика. Носильщики аккуратно подняли паланкин и понесли, пассажиры качались; Реми не привык передвигаться таким образом, он предпочёл идти пешком через лес.

Оборотень посмотрел сначала на одного мужчину, потом на другого, поймал на себе странный взгляд богача и потупился, уставившись в пол. Он сжимал кулачки на коленях и не знал, что делать и как себя вести, а главное, чего ждать. Ему никто не рассказывал о правилах игры с этими пахнущими цветами мужчинами. Единственное, что помнил оборотень, как все дети, которых забирали, по возвращении молчали и ничего не говорили. Младшие дети приходили в себя быстрее, а старшие несколько вечером не заговаривали ни с кем и лежали в кроватях, чаще всего на животе. Марджи не отправляла их на работу, сразу после возвращения, давала время отлежаться.

Может их закармливали до тошноты? Было бы неплохо, но вряд ли правда. Скорее их били. Но за что? Я их покусую, пусть только тронут, всех покусую. Реми решил, что будет бороться до самого конца, чтобы с ним не намеревались сделать.

– Такие яркие зелёные глаза, – сладким голосом промолвил богач. – Я никогда таких не видел.

Оборотень глянул на человека исподлобья, сладко пахнувший тип не внушал ребёнку доверия. Волчья интуиция подсказывала, что мужчина опасен.

– Какой сердитый, – иронично заметил богач.

Реми ещё больше насупился, страх он прятал за яростью.

Вскоре паланкин остановился, вздрогнул и водрузился на снег, стараниями носильщиков. Слуга крепко стиснул руку мальчика и повёл его ко входу в дом. Паланкин стоял у самой двери, так что Реми не смог рассмотреть сам дом. Проходя, оборотень услышал обрывок разговора богача со слугами.

– Помойте его, переоденьте, подготовьте, – говорил он совсем другим – властным – голосом. – Накормите.

Богач вошёл в дом следом за слугой и ребёнком и сладеньким голосом, обращаясь к сиротке, сообщил:

– Тебя приведут в порядок, и, если захочешь – накормят. Не бойся так, всё будет хорошо. – Мужчина протянул руку, норовя погладить мальчика по голове, но натолкнулся на взгляд полный страха, недоверия и злобы. Слуга крепче сомкнул пальцы вокруг плеча сироты, готовый удержать мальчишку от побега. Лотерон убрал руку и прошептал: «люблю непокорных».

Толпа слуг повела мальчика по коридорам в светлую душную комнату. Там его мыли, купали, оттирали въевшуюся грязь, приводили в порядок ногти, причёсывали волосы. Его тёрли, ополаскивали, кутали в полотенца. Реми терпел, но страх нарастал. С ним обращались в сотню раз лучше, чем Марджи во время банных дней, но оборотень продолжал бояться и нервничать.

Его отвели в другую комнату, где принялись наряжать, подбирая одежду. Детская одежда висела на вешалке, слуги подготовили её заранее, осталось выточками подогнать её под размер мальчика. Реми стоял, терпел, пока вокруг него сустились взрослые, то замеряя, то отрезая лишние нитки, что-то наметая и зашивая. Оборотня окружал стойкий аромат цветов и сладостей, голова болела, в живот скрутило спазмом.

Когда люди разошлись, встав в сторонке и умиляясь мальчику, Реми посмотрел на себя в зеркале и ужаснулся – так чисто и прилизано он не выглядел никогда. Сам себе оборотень напоминал чистюлю из богатой семьи, что боялся запачкаться от любой пылинки.

Ну нет! Мысленно запротестовал мальчик. *Я волк, дикий житель леса! Вы из меня девочку не сделаете.* Под разочарованные вздохи слуг, он растрепал себе волосы и увидел в отражении непокорного, дерзкого мальчугана, обряженного в девчачьи рюшки. Ему хотелось снять рубашку, в которой он выглядел как идиот, но оборотень побоялся разозлить людей. Он гость, а дядя говорил уважать чужие вещи больше своих.

Взрослая дама взяла со стола красивую баночку с распылителем и приготовилась брызнуть на сиротку. Несмотря на окружающий его аромат цветов, Реми сразу учуял концентрированный запах духов во флаконе. Стоило женщине подойти, как мальчик, точно дикий зверёк, юркнул к шкафу и забился в угол. Слуги сжалились и решили, что он и без духов пахнет хорошо – мыльными травами.

Реми еле выдержал приторный запах лотерона, пока сидел в паланкине. Весь дом благоухал сладкими ароматами цветов, оборотень еле переносил это амбре.

Сироту повели в следующую комнату, где оставили в одиночестве. Больше не толпились рядом с ним люди, не мучили его руки, ноги, волосы, не натирали до блеска и не наряжали в девчачьи тряпки. Реми мог спокойно оглядеться; первое, что он увидел, был стол, ломящийся от разных яств, при взгляде на которые у недоедающего оборотня чуть не потекли слюнки. На красивой ажурной скатерти стояли изящные блюда, в которых горой лежали фрукты и сладости, пестрящие всеми цветами радуги: медовые булочки, ром-бабы с зелёной глазурью, синяя и розовая пастила; фиолетовый и красный мармелад, посыпанный сахарной пудрой; марципановые конфеты, пончики, покрытые шоколадной и кокосовой крошкой. Леденцам не было счёта, петушки, яблоки, запечённые в сахарной патоке – лежали на столе, словно в магазине сладостей.

Лучше бы мяса дали, подумал оборотень и жадно сглотнул, пирожные манили аппетитным ароматом. Мальчик потянул руку к столу, но вспомнил наказ дяди – не брать ничего в чужом доме, без разрешения. Сжав кулачки, оборотень отвернулся от стола со сладостями.

Реми на ум пришла рассказанная дядей легенда о Персефоне, съевшей гранатовое зёрнышко в обители Хаоса, из-за чего девушка обрекла себя на заточение в царстве беспорядка. Легенда, в отличие от реальности в которой жил Реми, закончилась хорошо: за Персефой пришёл Плутон и спас её, сделав своей спутницей.

Вот бы за мной пришёл дядя, подумал маленький оборотень. *А лучше мама с папой.*

Затосковав по родному дому, Реми шаркающей походкой побрёл осматривать комнату. Окон в комнате сирота не нашёл, за большой, во всю стену, шторой оказалась самая обычная каменная стена. Рядом стояла софа, усыпанная подушками. Подушки были везде, валялись на ковре, на полу, на стульях и креслах, круглые, квадратные, в виде голов животных. Вместе с подушками всюду валялись мягкие игрушки. Реми поискал волчонка, но не нашёл, только страшную собачку с приплюснутым носом.

Оборотень решил, что в этой комнате не так плохо, девчонкам бы понравилось – игрушки, подушки, сладости. *Вот была бы праща. Ну а была, в кого стрелять? На улице веселее.* Он вспомнил детей, которые возвращались после таких поездок странными, подавленными и уставшими. *Наигрались и устали? Не хотели уезжать, потому грустные были? А что если поэтому они не рассказывали о поездках, потому что им тут так нравилось. Ну конечно!* И всё же что-то Реми настораживало, волчонок в нём чувствовал опасность. Слишком добрый человек. Если у него так много еды и игрушек, почему он не забирал детей навсегда? Почему возвращал Марджи?

Реми подумал, что нужно сбежать, не дожидаясь богача. *Но если окон нет. Значит дверь.* Сирота подошёл, дёрнул ручку – заперто. *Значит нужно юркнуть в дверь, когда её откроют. Подождём пока. Кто-нибудь же её откроет когда-нибудь. Меня же не запрут здесь на всю жизнь.* Мальчик загравлено стал оборачиваться. Паника накрыла его, дыхание участилось. Что делать дальше? Вырвется из этой комнаты, а потом что? Куда бежать? Как спастись? Дом большой, людей много, а он маленький мальчик, пусть и оборотень.

Реми переводил взгляд с дорогих ковров Муарака, в народе прозванного страной жары и пустынь, устилавших весь пол, на прекрасные картины, изображающие природу разных концов света; на игрушки зверей, среди которых была кошачья морда; на сладости, вызывающие слюнотечение, и заметил у стены балдахин. Он закрывал что-то, в оборотне проснулось любопытство. Паническое состояние отступило, дыхание стало ровным. Мальчик старательно обходил подушки и мебель, приближаясь к балдахину. При ближайшем изучении которого, Реми обнаружил огромную кровать, на которой могли уместиться все дети из сиротского дома.

Лучше в лесу жить, чем в этих странных мягких хоромах без окон и свежего воздуха.

Совершенно не представляя, что его ждёт, Реми вернул штору на исходное положение. – А ты любопытный, – раздался голос за его спиной.

Дверь не скрипнула, а ковры приглушили звук шагов, мальчик не слышал, как распахнулась и затворилась его единственная надежда на спасение. Подлетев от неожиданности, Реми

обернулся и увидел, как богач запирает дверь. Сироту обуял ужас. Зачем его заперли в комнате полной игрушек и еды со взрослым мужчиной.

– Всё здесь успел изучить? – ласковым приторным голосом говорил мужчина, попутно пряча ключ так, чтобы мальчик не увидел, куда именно.

Лотерон медленной поступью направился к мальчику. Он был приземист, обладал широкими плечами и тазом, ноги его выглядели короткими, а голова очень большой. Свободную рубашку с широкими рукавами и узкими манжетами мужчина не заправил в тёмные штаны. Средней длины тёмные волосы были стянуты в низкий хвост. Широкое округлое лицо выглядело одновременно взрослым и детским, властный взгляд не вязался с кривой улыбочкой на пухлых устах.

Лотерон указал на стол и снисходительно вымолвил:

– Совсем ничего не поел? Не голоден? Бери, что пожелаешь, не стесняйся. – Он взял самую большую клубничку, откусил, а остальное положил на стол. – В доме Марджери ты такого не попробуешь.

– Нет, – твёрдо сказал оборотень, а потом еле выдавил из себя вежливое, – спасибо.

Он хотел есть, хотел попробовать всё, волчий аппетит позволил бы ему заглотить всё и попросить добавки, но мужчина пугал и настораживал. Чем ласковее вёл себя богач, тем страшнее становилось Реми. Ничего он не возьмёт у этого странно человека. Что он вообще здесь делал? Зачем он тут нужен? Почему его помыли и раздели, а теперь хотели накормить? Мужчина тем временем подходил всё ближе, а мальчик пятился от кровати.

– Чистый ты ещё симпатичнее. Не разочаруй меня. – Кривая усмешка стала только шире, и мужчина в два шага преодолел расстояние, разделяющее их. – Давай поиграем.

Реми быстро юркнул от богача в другой конец комнаты, и поставил стул перед собой, как препятствие на пути человека. Мужчина последовал за мальчиком, он взял с пола игрушку оленя и притворился чревовещателем.

– Какой сладкий мальчик, поиграй с дядей.

Оборотень прятался за кучкой подушек и затравленно наблюдал своими яркими зелёными глазами. Приём с оленем не сработал, тогда мужчина взял игрушку котика и погладил её.

– Котик такой хороший, хочешь погладить его?

Реми отрицательно покачал головой из-за своего укрытия.

– Котик не оцарапает тебя. Правда? – обратился мужчина к игрушке и снова стал изображать чужой голос. – Правда, я добрый котик, и дядя добрый. Он хочет поиграть с мальчиком. Дяде очень одиноко, поиграй с ним.

Оборотень не представлял, как богачу, окружённому толпой слуг, может быть одиноко.

– Никто не хочет играть с дядей, – продолжал чревовещатель.

Реми не понял игры, дядя никогда не общался с ним, как с маленьким, и не сюсюкал, он говорил серьёзным голосом и воспринимал мальчика как личность. Оборотень продолжал смотреть на мужчину и прятаться в своём укрытия, но лотерон подошёл очень близко и схватил мальчика за руку. Из всех сил Реми вырывался, хватка у мужчины была крепкой. Богач, смеясь, отбросил мягкую игрушку и вытащил ребёнка из подушечной баррикады. Реми не прекращал попыток вырваться, но всё было тщетно; легче сломать собственную руку. Тогда оборотень вцепился зубами в «сладко пахнувшего» мужчину, от чего тот расхохотался, уже привычный к разной реакции детей, и сжал руку.

В маленьком оборотне разыгралась волчья кровь, звериные клыки удлинились под напором страха и проткнули человеческую плоть. Лотерон взвыл и свободной рукой отвесил ребёнку затрепину, от которой Реми пролетел не меньше метра и упал на мягкий ковёр.

– Ах ты, паршивец! – то ли со злостью, то ли с восхищением выпалил мужчина.

Всё вертелось перед глазами сироты, искры смешались со звёздами и устроили дикую пляску, голова пульсировала болью, особенно в том месте, куда угодила рука человека. Лотерон

тем временем подходил и протянул здоровую руку, желая ухватить мальчика. В последний момент, Реми шмыгнул под стол.

– Мне начинает это надоедать! – проревел хозяин дома. Он пытался выкурить мальчика из-под стола, но лишь ходил кругами. Лотерон резко остановился и наклонился, мальчик не терял бдительности и юркнул было в другую сторону, но там, откуда ни возьмись, сильная рука схватила его и вытащила из-под стола.

Оборотень не знал, что делать. Звёзды продолжали плясать перед глазами, болел ушиб, нос забил тошнотворный сладкий запах. Мужчина за грудки поднял ребёнка перед собой.

– Ты вынуждаешь меня, – сдерживая злость, но в тоже время расплывшись в жутковатой улыбке, произнёс «сладко пахнувший» богач.

Реми вырывался, мотал ногами в воздухе, иногда попадая человеку в живот, он боролся и не желал сдаваться. Дядя учил никогда не сдаваться, бороться или убежать, но не позволять другим себя бить. Оборотень рычал и скулил, как вдруг голова его легла на что-то мягкое, а сильные мужские руки прижали запястья.

– Я хотел поиграть, но ты сам виноват. Ты меня вынудил! – Одна рука разжалась и схватила Реми за горло. – Разве можно вести себя так в гостях? Я помыл тебя, одел, накормил и так ты платишь за добро.

Звериная сила в волчьей крови маленького мальчика уступала силе взрослого мужчины. В глазах оборотня темнело, только редкие звёздочки вспыхивали и тут же гасли. Воздух не поступал в лёгкие; силы покидали тело. Когда Реми перестал вырываться, стараясь лишь вздохнуть, мужские руки разжались, лотерон отошёл. Мальчик закашлялся, жадно глотая ртом воздух. Он сполз, как оказалось, с мягкого кресла, и не пытался встать.

– Сейчас мы поиграем по моим правилам, – тем временем сообщил мужчина. Вжикнула застёжка, но оборотень не смог посмотреть где, он лежал на ковре, не в силах пошевелиться. Сила, ловкость, острые зубы – ничто не помогло в схватке с взрослым человеком.

Лотерон ткнул мальчика лицом в ковёр и произнёс невинным тоном:

– Ты был плохим мальчиком, но теперь ты должен обрадовать дядю. Поиграем в лекаря.

Богач стащил с Реми штаны и погладил бедро и ягодицы. Его большая шершавая рука потянулась к промежности мальчика. Оборотень боялся мужчины, боялся того, что тот хотел сделать, боялся оставаться в этом месте. Он принялся отчаянно вырываться, когда грубая рука погладила, а затем подёргала маленькую писью.

Мужчина навалился на оборотня всем телом, зажав руки и ноги. Реми хотел заорать от отчаяния, но выдал лишь сдавленный то ли рык, то ли хрип. Узор ковра теперь был перед самым носом. *Кружочек, завитушка*, путаясь в мыслях и не желая оставаться в реальном мире, пытался отвлечься мальчик. Голову прижали так, что даже рот не открыть. Мужчина держал его очень крепко и сильно. *Откуда у него столько рук?* Мелькали в голове ребёнка редкие связные мысли.

– Моли о пощаде! Рыдай! – прошептал лотерон, склонившись к самому уху сироты, и обжигая дыханием шею.

Мужчина вынудил Реми скрючиться в неудобной позе и размазал в промежности мальчика что-то холодное и склизкое. Оборотень не видел мучителя, перед глазами его был дурацкий ковер, покрытый завитками и цветочками. Мальчик только чувствовал, как богач дёргался всем телом и тыкался, пытаясь запихнуть ему в попу какую-то здоровую штуку. Штука не лезла, но лотерон продолжал пытаться, дёргаясь, хрипя и посмеиваясь. Он бубнил что-то о лекарях и важности лечения таким методом.

Реми не слушал, он смотрел сквозь ковёр и кричал, устав кричать он стонал, ему было чудовищно больно, мальчик хотел плакать, но слёзы не лились, они все сгорели в том злосчастном пожаре.

Мужчина продолжал мучить ребёнка, он запихивал свою штуку и двигал ею туда-сюда, туда-сюда. Снова и снова, туда и обратно. Маленький оборотень кричал, хрипел, давился рыком, умолял прекратить. Силы быстро покинули сироту, он перестал кричать и только сто-нал и кряхтел. Дядя никогда не «лечил» мальчика таким способом.

Реми устал умолять прекратить мучения, он смотрел на ковёр и дёргался вместе с рыв-ками лотерона. Оборотень пытался отвлечься хоть на что-нибудь, но боль была слишком силь-ной и возвращала его в реальность с каждым новым толчком.

Обратную дорогу в приют мальчик не запомнил. После «лечения» его некоторое время не трогали, затем его ополоснули тёплой водой, всё это время Реми был ни жив ни мёртв. Он помнил, как лежал на сиденье в паланкине, свернувшись калачиком, и страдал от боли. Каждая кочка, на которой носильщики дёргали переноску, напоминала о толчках лотерона и причиняла страдание. Из-за шторок пробивался дневной свет, утро ли было или уже день – оборотень не знал. Он не обращал внимания на окружающий мир, пребывая в царстве боли, унижения и отчаяния. Реми не понял до конца, что с ним сделали, и думать об этом не желал. Забыть, как можно скорее эту ночь – всё что осталось в голове. Он лишь знал, что ничего хуже с ним никогда ещё не случалось. Чувствовал, как к нему прилипла какая-то мерзкая грязь, не на теле, а в самой душе. Он просил, умолял человека – своего врага – о пощаде. Разве так поступают сильные и свободные волки-оборотни? Нет! Реми предал их, предал всё во что верил. Он пал в собственных глазах и понял, наконец, что никакой не герой племени оборотней, а всего лишь жалкий мальчишка, слабый и никчёмный.

В приюте его провели к кровати, где он также свернулся на боку и уткнулся носом в тряпки. Реми не мог не то что сидеть, но даже трогать изувеченное тело.

Зарывшись лицом в тряпки, сирота смотрел сухими глазами в пустоту, пока чернота, разливающаяся по краям зрения, не закрывала весь обзор, тогда он мигал, и всё повторялось вновь. Слезы не шли, вся боль, все страдания застыли где-то внутри комом, без возможности выхода наружу с очистительной влагой. Слезы высохли, они сгорели с родным домом.

Над чем ему плакать? Дядя говорил: «слезами делу не поможешь». Дядя говорил быть сильным, быть стойким, но дядя никогда не говорил, что с Реми начнут творить такое. Ни один дядин совет не пришёл на ум, когда мальчик молил человека о пощаде. Ни один.

От работы оборотня освободили, как после поездки в гости к богачам освобождали всех детей, давая им возможность оклематься от боли и случившегося. Или наоборот усиливая эффект? Предоставляя время потонуть в собственной беспомощности, осознать тщетность любых попыток, признать поражение.

За окном стояла прекрасная весенняя погода. Снег на крыше под тёплыми лучами солнца таял, превращаясь в мерную, усыпляющую дробь, капающую на сугробы внизу. Весё-лые ручейки, разбегались от снежных куч и бежали вниз по склону. Реми не замечал ничего вокруг. Он смотрел невидящим взором в пустоту. Потом он возненавидит себя за слабость, возненавидит лотерона за силу, возненавидит детский дом и всех людей на свете; а сейчас, оборотень переживал внутри себя боль и страдание.

Он не мог забыть. Всё было тщетно. Сила, ловкость, ничто ему не помогло. Ничто не спасло. Дядя не учил его такому. И точно также ничто не поможет ему сбежать. Сбежать невоз-можно. Всё было тщетно. Тело болело, разум был подавлен, остались лишь боль и страх, что придётся пережить этот ужас во второй раз. Что случилось? Что с ним сделали? Хотелось помыться. Хотелось утопиться. Он не понимал, ничего не понимал. Он был сломлен. И про-должал угнетать себя мыслями о собственной никчёмности, трусости и предательстве волчьей воли.

Вечером с заданий вернулись ребята, но мальчик продолжал лежать в своём ящике. Он не мог подняться и не хотел видеть людей, маленьких или больших, никаких. Дети кидали на него понимающие взгляды, в некоторых ощущалась жалость, но оборотень их попросту не замечал.

Реми не говорил с детьми, даже с Симом, который пытался узнать, что произошло в доме «сладко пахнувшего» мужчины. Теперь Реми ясно понимал, почему никто из детей не рассказывал, что там происходит. Он и сам не знал, а потому не мог рассказать. Не мог, потому что это больно и страшно, и не понятно. Его «лечили», с ним хотели «поиграть», на столе лежали сладости – звучит как сказка для любого ребёнка, вот только на деле всё иначе, и Реми не мог найти слова, чтобы объяснить Симу, а потому не стал пытаться и просто молчал.

На следующий день возобновилась работа, но мальчик оборотень даже не пытался запомнить, что он делал. Стараясь не садиться, и избегать любых прикосновений к изувеченному телу, Реми ел стоя, а спал на боку. Утром за завтраком, и вечером, возвращаясь в постель, он выглядел также как за выполнением работы – без мыслей, без чувств, без жизни.

Весна всё сильнее нагревала воздух, погода становилась лучше, с каждым днём теплело. Несколько дней мальчик не мог сходить в туалет, потому что боялся, а когда, наконец, сходил, понял, что тело восстанавливалось быстрее разума. У Реми не осталось сил сопротивляться, он плыл по течению, работал и отбросил мысли о побеге. Лотерон сломал его, не своим «лечением», но своей силой, заставив оборотня молить о пощаде. Реми думал, что сильный и справится со всем, но в итоге визжал и ныл, как девчонка. Он не понимал, что с ним сделали, но чувствовал себя отвратительно. Лотерон сотворил нечто подлое, мерзкое и грязное.

Редко Реми перекидывался парой слов с Симом, который переживал за друга. Альбинос не знал, как ему помочь, а с приходом весны ожила старуха и вновь стала выводить больного мальчика на ночные прогулки. Здоровье у Сима ухудшилось, он держался, потому что хотел порадовать Реми и своим примером поддержать его. Оборотень не замечал ничего.

– Что же с тобой сделал этот «сладко пахнувший» мужчина, Реми? – как-то раз вечером, перед тем как лечь спать завёл разговор Сим. Его самочувствие оставляло желать лучшего. – Ты уже несколько недель молчишь. Как же наш побег? – очень тихо, чтобы никто не услышал, поинтересовался мальчик. Реми посмотрел на него, в тусклых посеребривших глазах отразилась вся тщетность любых попыток, так не свойственная сильному мальчику. – Ты сдаёшься? – в голосе альбиноса слышались досада, ставшая отчаянием.

– Я ничего не хочу, – коротко ответил Реми.

– Да как же?.. – начал было Сим, но разразился жутким кашлем. – Неужели ты хочешь, чтобы это повторилось? – наконец, откашлявшись, высказал другую мысль мальчик. На миг осознание, отчаяние и обречённость, промелькнули в глазах оборотня.

Конечно же, он не хотел, чтобы с ним ещё хоть раз случилось нечто подобное. Одного раза достаточно! Даже врагу не пожелаешь такой участи, этой боли, унижения и слабости. Но Сим был в чём-то прав. Других детей выбирали по несколько раз. Как они могли после всего этого играть, как ни в чём не бывало? Или они с богачами тоже играли? Если изначально играть по правилам богачей, то детей не «лечат»? И ему не сказали?

Нет. Просто для них это всё иначе, они же люди. А я опозорил весь клан волков! Мы разные!

– Я не знаю, что предпринять, – тихо промолвил оборотень.

– Я не знаю, что там с тобой случилось, может, это и правда было самым худшим на свете, но ты жив и живёшь дальше. Мне показалось, что ты сильный. Видимо, я ошибся, ты сдался, – негодуя шептал Сим.

– Да ты хоть знаешь, ЧТО там произошло?! Никогда ты не поймёшь меня! – яростно выпалил Реми, утверждаясь во мнении, что люди и оборотни совершенно не похожи.

– Завтра чёрная ночь и меня ждёт очередная «прогулка». Эта старая ведьма снова будет пытаться меня, а потом позовёт своих маленьких демонов, и они станут пить мою кровь, – Сим разразился кашлем, из глаз его потекли слёзы. Реми впервые услышал от своего друга, что с ним делали Чёрными ночами на ночных прогулках со старухой. – Не тебе говорить о страданиях! Ты обещал! – срывающимся голосом прохрипел альбинос. Он отвернулся, не мог больше выносить сломленный вид своего друга. В конце концов, ведь он, Сим, держался! Он терпел! всю жизнь! Превозмогал! Его пытки не легче, чем были у Реми, но он выдерживал их из раза в раз. Ночные прогулки повторялись каждый оборот Персефоны, а странными лекарствами старуха поила его ежедневно. Но мальчик терпел из года в год, все свои семь лет, сколько себя помнил. Но теперь, глядя на своего сломленного друга, смотря в его тусклые глаза полные отчаяния и покорности, Сим тоже захотел сдаться. Если такой сильный мальчик, как Реми, понял всю тщетность борьбы, то и ему, альбиносу, незачем бороться.

– Прости, – вот и всё, что сказал Реми. Он старался понять друга, и его слова даже всколыхнули что-то в сироте. Но для борьбы нужны силы, а их у оборотня не осталось.

Ночью Реми много думал над словами друга, пережёвывал их, вспоминал ночь у лотерона, свои обещания сбежать вместе с Симом. Он не спал до самого рассвета и ушёл на задания Марджи, еле волоча ноги. Вечером с мальчиком произошла перемена, он не собирался отдавать своего друга на ночную прогулку с ведьмой любой ценой.

Когда старуха пришла за Симом, оборотень вцепился в него и не отпускал, Реми не своим голосом кричал, что не даст увести своего друга. Остальные ребята смотрели на него с ужасом и непониманием. Если он продолжит орать и биться за альбиноса, наказать могли их всех.

Старуха хрипела, била Реми тростью, пыталась вырвать мальчика, но её сил не хватало, ребёнок оказался на удивление силен. Ведьма клялась с этого момента взяться и за Реми, но эту схватку проигрывала. Оборотня не пугали её угрозы, глаза его сияли изумрудами, он держал друга так крепко, что Симу стало больно от впившихся в кожу ногтей, но он молчал. Альбинос терпел боль, надеясь, что у Реми получится. *Если и, правда, получится, я буду бороться с новыми силами*, клялся самому себе слабый мальчик.

На помощь Докси пришёл сторож. Двух ударов его крепких мужских кулаков хватило, чтобы вырубить сопляка на полночи. Реми снова проиграл. Даже в борьбе за друга, силы его не выросли. Избитый оборотень остался лежать на полу, ненавидя свою собственную слабость.

Каким славным всё казалось в его мечтах, когда он жил с дядей, верил в свободный дух волков, считал себя самым смелым и ловким. Как много надежд он питал, когда только пришёл в детский дом. Реми был уверен, что сможет сбежать, что спасёт Сима, что при случае покусает всех своих врагов. Всё изменила одна единственная ночь. Ему показали, как обстоят дела на самом деле, что ребёнок ничего не может против взрослых людей. И он остался лежать на ковре, а теперь на полу, просто глупый, слабый мальчик. Будь он трижды оборотнем, ничего не изменится пока он слабый щенок. За одну ночь его вернули на грешную, грязную землю, разбили все надежды, разрушили мечты, лишили гордости. Его сломали.

Под утро, когда небо за окном немного посветлело, сторож принёс Сима – после ночных прогулок мальчика всегда несли на руках – и бросил на кровать, после чего ушёл. Проходя мимо Реми, мужчина окинул его презрительным взглядом и хмыкнул. Оборотень взглянул на кровать альбиноса, ему было стыдно смотреть в глаза Симу, после тщетной попытки спасения. Реми тошнило от самого себя, от своей слабости, он не хотел шевелиться, и просто продолжал лежать на полу.

Мальчик лежал и прислушивался, Сим не стонал, не кашлял и не кряхтел, как обычно во сне. Сопела Сенди, в дальнем углу похрапывал Норн, посреди комнаты мальчик перевернулся

на другой бок. Реми не спал всю ночь и не мог закрыть глаза сейчас. Он поднялся, облака за окном окрасились в розовый, первые лучи солнца показались из-за гор.

Мальчик пересилил презрение к самому себе и подошёл к кровати друга. Ещё с минуту он просто смотрел на спящего Сима, а потом взял его за руку. Рука оказалась такой холодной, что Реми испугался, как бы эта прогулка не довела альбиноса. Он залез в кровать, желая согреть друга своим теплом. Прижимаясь к Симу, оборотень не чувствовал, чтобы тот становился теплее, но мальчик не сдавался и растирал холодные руки и ноги, как делал дядя, когда Реми слишком долго гулял на морозе.

– Мы сбежим. Я тебе обещаю. Я что-нибудь придумаю. Мы оба сбежим. Сим? Ну, Сим? Что с тобой? – пытался растормошить друга Реми, но альбинос лежал неподвижно.

Чуткий слух волка уловил движение за дверью – Марджи шла будить детей. Мальчик аккуратно вылез из постели альбиноса, но пока вылезал, заметил, что грудь его друга не вздымалась. Сим не дышал.

Реми не знал, что делать, растерявшись, он взял руку Сима и уронил голову на его постель. Оборотень виноват, он не отбил друга у старухи, он ничего не смог сделать. Такой слабый, никчемный ребёнок. Его друг, больной мальчик, боролся. Боролся до самого конца.

Это я виноват. Я сдался первым. Как же так?... Что теперь будет?... Сим.... Прости меня, Сим...

И снова слёзы не покатались по щекам, печаль комом встала в горле. На оборотня вдруг накатила пустота. Весь мир померк.

Марджи будила детей и подгоняла их идти завтракать. Она заметила странное поведение новенького у постели больного мальчика. Не церемонясь, она за шкирку взяла Реми и попыталась оттащить, но тот как будто озверел и зарычал на неё. Воспитательница отшатнулась от сумасшедшего ребёнка, а тот вернулся на прежнее место. Положил голову на постель альбиноса и взял его руку в свои.

– Да что ты себе позволяешь?! – Женщина осеклась, заметив, что вечно больной альбинос не дышит, дотронувшись до его щеки, Марджи обнаружила, что он ледяной. – Чёрт! – вот и всё, что сказала она, а затем ушла.

Реми не обращал внимания ни на что, он лишился друга. Тот просил его помочь, а он не сделал ничего. Он ведь обещал. «Ты обещал!» прозвучали в мозгу последние слова Сима. Он обещал!

Вскоре Марджи вернулась, а с ней пришёл сторож. Вдвоём они оттащили разъярённого ребёнка от кровати Сима, а старуха забрала тело мальчика.

– Нет! Только не она! – во всё горло орал Реми и вырывался, – только не она! Не отдавайте ей Сима!

Марджи требовала, чтобы он заткнулся, но оборотень орал и орал. Стоило сторожу отпустить мальчика, как он тут же рванул за старухой и накинулся на неё. Докси завизжала, когда бешеный сопляк, сомкнул челюсти на её костлявой ноге. Реми грыз ногу и шепелявя требовал отпустить Сима. Старуха бросила тело мальчика Марджи. Тогда спятивший от горя Реми отпустил ногу и подчинился, он пошёл завтракать и затем работать, как все дети.

– С ним надо что-то делать! – пытая от усталости, после таскания тела мёртвого мальчика, верещала Марджи. – Он совсем чокнутый! Да что с ним такое?!

– Походу этот пацан был его приятелем, – высказался сторож.

– Да плевать я хотела, кто здесь, чей приятель. Этот мелкий сопляк – сумасшедший! – срываясь, вопила женщина.

– Я возьму его на себя. Есть в нём что-то интересное, – заключила старуха своим скрипучим голосом, почёсывая подбородок.

– Хочешь, чтоб он тебе ногу отгрыз? – съязвил мужчина. Докси наградила его взглядом с затаённой ненавистью.

– Жаль его тебе отдавать, он сильный в отличие от сдохшего альбиноса, – резко переменяла мнение и голос Марджи.

– Ты же сама его боишься, – пожал плечами сторож, старуха развела руками.

– Делайте что, хотите, главное, чтобы убытков не было!

В тот день, Реми решил не провоцировать взрослых ещё сильнее, и послушно съел завтрак. После рабочего дня он мирно лёг спать в постель Сима. Запах друга, оставшийся на тряпках, вселял в силы в оборотня; разжигал пламя ненависти к старухе, зажженное смертью альбиноса. Реми решил для себя: он сбежит! Больше его ничто не держало в этом проклятом месте. Он сбежит! Он обещал Симу. Обещал взять его с собой. Он нарушил обещание, и он будет жить с этим, жить дальше, но не позволит больше мучить себя.

План побега Реми придумал давно и был уверен, что у него всё получится. Он не мог больше сомневаться! Сомнения – роскошь. Реми сбежит и отправится в лес, к заброшенным развалинам древних деревень. Там он станет жить один, растить свой огород, охотиться на мелких зверей. Там он найдёт мирное пристанище. Там он будет свободен и сможет забыть свою слабость в дома лотерона. Осталось только придумать, как отказаться от зелья, которым пичкали детей на завтрак. Зелья подавляющего волю.

Медленно поедая завтрак, но, не притрагиваясь к тыквенному соку, Реми оценивал ситуацию, и примерялся, как избавиться от содержимого стакана, не выпив при этом ни капли. Куда бы его ни послали, он найдёт способ сбежать, главное не позволить зелью подавить разум.

Вылить под стол, это движение должно быть слишком явным, и воспитатели сразу увидят его.

Опрокинуть стакан, за место пролитого, тут же принесут новый, наполненный до краёв.

Мальчик лихорадочно соображал, куда можно деть целый стакан тыквенного сока, не вызвав подозрений.

Марджи посмотрела на Реми и его полный стакан сока, мальчик с невинным видом взял стакан и сделал большой глоток, от чего тот немного опустел.

Итак, зелье у меня во рту, что дальше? Глотать ни в коем случае нельзя.

Стоило женщине отвернуться и посмотреть на другого ребёнка, оборотень спустил половину содержимого себе на ладонь. Ладонь тут же спрятал под столом, дотянулся до дырки в штанине и по ноге слил маленькую пригоршню в такой же худой ботинок.

Он проделал так несколько раз, но влага не задерживалась в ботинке, а мокрое пятно под ногами вызывало подозрения. Стакан же опустел только на одну треть. Время завтрака ускользало, все дети уже доедали с тарелок.

Мальчик пошаркал ногой под столом, пытаясь запылить землёй мокрое пятно. Но куда девать ещё две трети тыквенного сока?

День обещал быть жарким, было ещё утро, а солнце пекло словно днём. Тогда мальчик решил разлить немного тыквенного сока на деревянной поверхности стола и лавки.

Его поползновений никто не заметил, а стакан опустел уже почти на половину. Тут мальчику пришла ещё одна мысль в голову. Как он растирал сок по лавке, также можно растереть его и на себе. Да, он начнёт вонять тыквой, да, он станет липким, зато разум его будет чистым!

Он принялся осторожно плевать соком на руку, а потом вытирать её о волосы, притворяясь, что чешется. На грязных невымытых волосах – последний банный день случился на позапрошлой неделе, – блестящих жирным блеском на солнце, никто не заметил влагу. Но тут в мальчика вперила взор Марджи. Как раз в тот самый момент, когда он набрал в рот новую порцию сока. Он никак не мог плюнуть соком себе на руку, а женщина пристально смотрела на него.

Отвернись, толстуха! Неужели заметила?

Она стала подходить к оборотню, когда заметила, что он уже довольно долго сидит с набитым ртом и не глотает.

Выхода не было, Реми сделал предательский глоток, а потом ещё один, чтобы воспитательница ничего не заподозрила. Затем он принялся собирать остатки с тарелки.

Марджи свернула и подошла к другому мальчику. В стакане ещё оставалась одна треть тыквенного сока. Реми уловив момент, пока женщина отвлеклась, пролил сок себе на руку, и растёр жидкость по телу, под рубашкой. Теперь главное, чтобы она не прилипла к влажному животу и не выдала его.

В стакане ещё оставалось совсем чуть, на пару глотков, а идеи маленького оборотня кончились. И время завтрака тоже. Марджи приказала всем допивать сок, Реми набрал его в рот, но глотать не стал, а попытался втянуть щёки так, чтобы выглядело, будто у него во рту ничего нет, просто он молчит.

Все ребята теперь встали и понесли тарелки на кухню, в раковину. Реми пошёл со всеми, неся пустой стакан, и пытаясь изобразить безвольность с угасшим разумом.

Когда дети вернулись, им раздали поручения на ближайший день. Оборотень стоял на палящем солнце, ему ужасно хотелось пить, проглотить сок – на завтрак ребятам дали яичницу и хлеб, после которых чудовищно хотелось пить. Свобода требовала жертв; Реми терпел, как мог. Жидкости было много, и держать лицо с втянутыми щеками, полными сока, требовало от мальчика усердия и сосредоточенности. Эти эмоции не присущи безвольным людям, так бедному сироте приходилось терпеть жажду, и усердно изображать безволие и пустой взгляд.

Марджи как назло говорила очень медленно, давала задания и направляла детей, каждого по очереди. Спустя вечность, по меркам оборотня, она обратилась к нему и поручила уборку в саду.

Реми надеялся на работу за пределами сиротского дома, но из сада он тоже попробует сбежать, не зря же он мучился и размазывал тыквенный сок. Главное, чтобы Марджи не заметила напряжённого лица оборотня с полным ртом напитка. Разум мальчика помутился – подействовали те несколько глотков, что он всё-таки сделал. Реми боролся с собой. Слишком много навалилось на него с утра пораньше – не поддаваться помутнению разума, изображая безвольное лицо, держа сок на языке, не оттопыривая щёки, да ещё терпеть жажду.

Разум подвёл оборотня, Реми опомнился, когда проглотил содержимое рта. Он вылупил глаза, понимая, что план провалился. Марджи крутилась рядом, и мальчик очнулся, придав лицу безвольное выражение. Пытаясь скрыть панику, ребёнок почувствовал, как зелье заполняет его разум, эмоции блекли, глаза потухли.

Калитка в сад открылась, Реми с двумя девочками отправились рубить сухие ветки и сажать на перекопанном участке овощи. Мальчику дали топорик, девочкам семена и лейки. Спустя несколько мгновений подружки ковырялись в земле, раскапывая лунки, бросая семечко, поливая и забрасывая землёй. Их окружил мерный стук топора по веткам. Монотонная работа началась по плану.

Сложив пальцы и приставив козырьком, Реми посмотрел на солнце. Оно жарило по-летнему, несмотря на то что весна только наступила. Он поволочил топорик к следующему дереву, где приметил сухую ветку. Осенью мальчик срубил несколько некрупных веток, так что теперь ему оставалось избавиться от мелочёвки.

Остановившись перед деревом, оборотень снова посмотрел ввысь, где медленно плыло белоснежное облако, единственное на всём синем небе. Оно скрыло солнце, и разум на мгновение вернулся к работнику – всё же он выпил не весь стакан тыквенного зелья, а лишь половину.

Борясь с туманом в голове, оборотень припал к дереву и, засунув палец в рот, пытался вытошнить весь завтрак. Как он ни старался, у него не получалось. Отчаявшись с завтра-

ком, который уже переварился, но продолжая борьбу с самим собой, Реми побрёл к дальнему дереву, которое стояло у самого забора.

Вот так, подумал сирота, по дороге схватив сухую ветку, он потащил её в угол сада, где лежало ещё несколько. Подтащив ветку поближе, мальчик заметил трясогузку, сидевшую на сухом суку. Птичка посмотрела вокруг, заметила юного оборотня и вспорхнула, а затем уселась на высоком заборе, где закачала хвостом вверх-вниз.

Как высоко, наверно и видно далеко, думал Реми и смотрел на забор. Собственное сознание вернулось из-под давления зелья. *Залезть на забор*, промелькнуло в голове.

Как же так! Я должен выбраться отсюда. Дотащив сухую ветку и бросив в кучу, оборотень пошёл к следующему дереву. *Залезть на него*, подумал мальчик. *И срубить ветку*, подсказало влияние зелья на разум.

Чудовищная жажда мучила ребёнка в столь жаркий день. Затуманенные мысли были поглощены работой, но стоило разуму проясниться на секунду, как голову занимало лишь одно желание – пить. Дойти до кухни за стаканом воды, ребёнку не удавалось; на половине пути он терял рассудок и вновь погружался в работу. Но затуманенный разум не давал мальчику дойти до кухни, так долго ясным сознание не оставалось. Не задерживались в голове мысли и о побеге. Несколько раз оборотень пытался добраться до дерева у забора, чтобы перелезть ограду, но каждый раз погружался в транс, и вновь обнаруживал себя за работой, стоило прийти в себя.

В последний раз, мысли Реми прояснились, когда он собирал мелкие ветки в тени забора; его окутал ледяной ветер и прояснил разум. Мальчик увидел, что солнце уже прошло зенит и опускалось. Девочки усердно сажали семена, не отвлекаясь ни на разговоры, ни на что бы то ни было ещё. Зелье полностью подавляло их волю.

Разум Реми прояснился вновь, на этот раз он шёл к дереву за следующей веткой. Мальчик посмотрел на топор. *Я постоянно теряю мысль. Что же делать? Срубить ветку.... Нет! Побег! Побег. Побег.*

Оборотень принялся, как заговор, шептать себе под нос «побег, побег», но мысли всё равно путались. Он мог шептать что угодно, приказ работать оставался сильнее.

Побег, побег, побег, побег, почти в голос произносил сирота, но тщетно. На последней искре своего разума, он взял топор и острым краем проткнул себе ладонь. Потекла кровь, мальчик давил сильнее, корча гримасы от рези. Разум прояснился, зелье сдало позиции под натиском боли.

Реми огляделся по сторонам, никто за ним не следил, девочки занимались своим делом. Он хотел бы помочь им, но понимал, что не сможет спасти больше никого. Получилось бы вернуться самому, некогда думать о других.

Позабыв обо всём на свете, он рванул к нужному дереву, но вовремя опомнился. Скорее всего, в дома осталась Докси, и она могла заподозрить неладное, если не услышит стук топора.

Мальчик взобрался на дерево, перелез на нужную ветку, взял топор, заткнутый за пояс, и стал рубить ветку, на которой сидел. Дядя советовал никогда так не делать, но Реми не собирался заканчивать дело, он планировал сбежать.

Ранка на руке срослась благодаря волчьей регенерации и больше не болела. Резь не отвлекала и мысли снова направились в рабочее русло. Ветка затрещала, ещё несколько ударов и она обломится, а вместе с ней упадёт и неудачливый беглец – о чём неоднократно предупреждал дядя в прошлом «не руби сук, на котором сидишь».

Сирота пытался удержать собственные руки от очередного удара, но они не поддавались. С меньшей силой, чем обычно, топориче рубило ветку, которая с каждым новым толчком скрипела и наклонялась всё сильнее. Мальчик рычал, не в силах остановить жестокий поворот судьбы. Мысли путались, побег перемешивался с работой. Наконец Реми выбросил все мысли из головы, и швырнул топор на землю. Встав на ломающийся с чудовищным треском сук, оборотень прыгнул за забор.

Ветка сломалась от рывка ребёнка и полетела вниз, мальчик схватился за забор и повис на нём. Скользя ногами по доскам, Реми кое-как взобрался наверх и сорвался. Точно, как ветка мгновение назад, падал мальчик по другую сторону забора.

По ту сторону, забор оказался так же высок, мальчик сильно ударился головой и плечом, упав в колючие кусты и нацепив на одежду прошлогодних сухих репьев; вся боль и ушибы меркли, в сравнении с той радостью, что он испытывал. Он свободен!

Однако Реми прекрасно понимал, что если будет и дальше валяться в кустах, его найдут, и он больше никогда не выберется из проклятого дома сирот. Поднявшись, он со всех ног припустил вниз с горы к лесу.

Зелье продолжало давать о себе знать, и ноги мальчика вели его порой вновь по направлению к дому Марджи. Поломанный и ушибленный после падения, он итак спотыкался и отклонялся от заданного маршрута, но всё же теперь, ощутив свободу и холодное дыхание весеннего ветра в тени скалы, разум сироты не поддавался тыквенному соку. Оборотень упорно двигался к лесу.

В какой-то момент, мальчик понял, что в виде человека привлекает к себе слишком много внимания и, спрятавшись в ближайшие кусты, выпрыгнул из них в обличье волчонка.

Редкие люди, что встречались на пути, принимали его за грязную дворняжку и кричали проклятия, редко кидая вслед камни. Волчонок шарахался и быстрее бежал к лесу. Знакомые ивы, ясени и берёзы окружили щенка со всех сторон, но он не останавливался, бежал дальше к развалинам старых деревень – это его секретная база. О развалинах никто не знал, там мальчик спрячется, и будет жить.

Когда Реми добрался до поросших мхом камней, последние отсветы солнца гасли, окрашивая западный край неба в малиновые и фиолетовые тона. Оборотень нашёл норку под одним из валунов, уставшим и голодным он улётся, продолжая радоваться своей свободе.

Его совершенно не интересовало, что взрослые подумали и устроили в назидание или наказание остальным детям, заметив его отсутствие. Что стало с ребятами, Реми не волновало, он был слишком уставшим чтобы думать о ком-то. Оборотень смог выбраться. Потаци он за собой остальных, и поймали бы всех, как это произошло с рыжей девчонкой, Сизи.

Реми заснул с мыслями о свободе. Ни за что на свете он не вернётся в сиротский дом Марджи. А что случится с остальными детьми, его не касалось. В этом жестоком мире, каждый сам за себя.

Проснувшись ужасно голодным, но счастливым и свободным, Реми отправился на охоту. Не так всё оказалось просто, как рисовал он в своих мечтах. Птицы разлетались, мыши разбегались, рыба ускользала из рук и лап, а на деревьях молодые листики недавно начали проклёвываться из почек. Волчонок не сдавался и радовался каждой пойманной многочасовыми стараниями съедобной букашке. Он жевал мух и комаров, кузнечиков и мокриц. Долго отплёвывался от вони клопа, которого тоже проглотил с голоду.

Реми вспомнил все приёмы, уловки, ловушки, тонкости охоты, которые рассказывал ему дядя. Оборотень изо всех сил старался применять их на практике, но ему удавалось в лучшем случае поймать двух мышек за день. Теперь количество пищи зависело только от стараний ребёнка, но он был ещё более голодным, чем в сиротском доме. На попечении Марджи оборотень стабильно получал завтрак и ужин. На воле, он мог несколько дней оставаться без завтрака или вовсе голодать. Очередная мечта мальчика разбилась в прах – ребёнку не прожить без взрослых. Реми не так силен и ловок, как считал, и он очень плохой охотник.

Вспоминая, как оборотень ходил с дядей, он не мог понять, почему раньше у него всё легко получалось, а теперь не получалось ничего!

Реми обрёл свою свободу! Разум принадлежал только ему, он помнил всё, что с ним происходило за день, и тратил время по своему усмотрению: неважно, что всё время уходило только на добычу пропитания; неважно, что у него не было семян, и просто вспахивать огород было глупо. Он обрёл свободу!

Жизнь в лесу оказалась вовсе не интересным приключением, а ежедневной пыткой. Он забредал дальше, чем когда бы то ни было и натёкался на страшные тайны незнакомых лесов. Приходилось спасаться бегством не только от больших хищников, что также, как и оборотень, охотились, но и от странных растений: некоторые пулялись шипами, некоторые стрекались; другие обжигали кожу, стоило дотронуться до них. Дядя что-то рассказывал о растениях, но Реми запоминал лишь интересные приключения, а не названия и скучные подробности.

Как-то Реми забрёл на поляну, полностью покрытую голубоватым мхом. Мох выглядел мягким и красивым, но всё волчье нутро протестовало, когда мальчик захотел его потрогать. Уже собираясь уходить от странной поляны, волчонок вдруг заметил движение – на поляне копошилась мышь, вся её шерсть была покрыта голубым мхом. Реми показалось это очень странным и пугающим. Он удрал подальше от мховой поляны и счёл за лучшее никогда туда не возвращаться.

Много чего волчонок встречал в лесах, пока блуждал и учился охотиться. Стоило ему попасть в переделку, как он мотал себе на ус горький полученный опыт. Лес беспощадно учил юного оборотня.

Всё приходит со временем, так и волчонок со временем научился использовать голодное состояние, когда обострялись все чувства. Он вылавливал рыбу, ловко выбрасывая её на берег прямо из ручья, наострился хватать мышей и сбивать камнями трясогузок. Голод сделал щенка резким, стремительным, быстрым, прозорливым и диким. Тощий, вечно голодный волчонок, сверкал дикими глазами и терял человечность. Лес не прощал ошибок, учиться приходилось быстро, схватывать налету, в прямом и переносном смыслах. Результаты дикого обучения не заставили себя долго ждать.

За освоением науки выживания в лесу, Реми не заметил, как пролетело лето, задул холодный ветер, всё чаще небо заволакивали низкие тучи, проливающие осенние дожди. Холода и промозглая сырость вынуждали птичек и зверей прятаться в норках, отчего волчонку приходилось охотиться днями и ночами, чтобы добыть еды. Густой подшёрсток спасал его от непогоды, но не от голода. Волки не делали запасов на зиму, в отличие от мелких грызунов, которые могли сидеть в норах и пережидать подступающую зиму.

Реми уходил глубже в лес, в поисках новой добычи, но во всю властвующая на вершинах гор зима, стала спускаться, выпадая первым снегом и замораживая ручьи. Рыбу приходилось доставать со дна ледяных речек, после чего долго отогреваться в норе. Вскоре волчонок лишился рыбалки, ручьи замёрзли.

Отсиживаться где-то было глупо, он не медведь, чтобы спокойно спать в какой-нибудь берлоге, ему нужно есть каждый день. В итоге оборотень двигался вперёд, находя тропы зверей или прокладывая свои собственные. Он не знал, куда держал путь, просто шёл. Ветер трепал шерсть, корка инея на земле морозила лапы, вновь полил ледяной дождь, замораживая всё, к чему прикоснётся.

Голодный волчонок шёл, периодически набредая на пустое и относительно сухое прибежище, где обращался человеком и грыз кору – ничего другого ему не оставалось. Он давно не ел, обессилел. Птицы сидели по гнёздам, маленькие зверьки забились в норы, редко кто показывал нос. Стоило им лишь показаться, как они становились пищей голодного оборотня или других хищников, от которых Реми старался держаться подальше. Мальчик привык есть зверят сырыми, без соли, с шерстью и перьями; сперва они казались ему мерзкими, но оборотень быстро привык. Лучше так, чем умереть от голода.

Дожевав кору, мальчик обратился волчонком, но не торопился убежать, хотел ещё немного посидеть, и вдруг увидел лисицу, начавшую менять шерсть с рыжей на бурую. Он позвал её, но она напугалась и спряталась.

«Хочу есть», – проскулил голодный волчонок. Лисица высунула нос из укрытия, повела им и прощуршала что-то в ответ. Реми с трудом разобрал: «ты не наш, уходи».оборотни, немного понимали язык зверей – только близких к своей второй сущности – и могли приказывать им. В звериной ипостаси, они отличались от настоящих животных размерами – были крупнее и опаснее, – и лисица сразу почуяла в щенке силу взгляда Персефоны. «Куда?» проскулил волчонок скорее себе под нос, и спрятал его в лапах. Лисица осмелела, видя, что с ней говорил малоопасный детёныш, подошла ближе, и встала в северном направлении. «Там люди, еда», твякнула она и тут же скрылась из виду, махнув напоследок сереющим хвостом. Реми наострил уши, принялся в указанном лисичкой направлении и, шатаясь, пошёл туда.

Уставший и голодный оборотень не знал, как долго шёл, он просто передвигал лапами и двигался на север. Ледяной дождь стихал, а порыв ветра принёс с собой запахи еды, людей и домов. Реми понимал, что не переживёт зиму в лесу. Он слишком маленький и слабый для охоты на крупную дичь, а мелкую ему не сыскать в сугробах. оборотень не хотел и боялся идти к людям, но выбора у него не осталось, голод был сильнее страха оказаться в неволе. Впереди забрезжил свет. Высокие деревья расступились, и перед волчонком предстал большой город.

Крутую гору, напоминающую клык, усеяли трёх-четырёхэтажные домики из белого дерева и камня с острыми конусообразными крышами из тёмной черепицы, с широкими выносами, на которых стояли кадки с кустами и деревьями. Каждая улица города, выстроенного на крутой горе делилась на верхнюю и нижнюю. Иные крыши были плоскими и служили верхним уровнем улиц. Дома соединялись между собой сверкающими в холодных лучах осеннего солнца стеклянными мостами, служащими переправой между верхними улицами и арками для нижних. Каждый клочок земли архитекторы использовали с умом, что мешало городу выглядеть воздушно, свободно и прекрасно. Постройки казались лёгкими, парящими и невесомыми. Вершину скалы оборудовали под станцию дирижаблей, соорудив плоскую платформу. Отовсюду с горы спускались навесные мосты, соединяющие её с другими скалами, где город получил своё продолжение в виде небольших областей с такими же белокаменными домами.

Что ж, подумал мальчик, ухватившись рукой за ствол дерева, чтобы не упасть. Лето прошло весело, но быстро, а зима в лесу слишком сурова для маленького мальчика. Город позволит ему пережить зиму, а что он будет делать весной – решит завтра.

Реми, пройдя школу выживания в лесу, и проведя зиму с людьми, понимал, что в городе его, оборвыша, сироту, оборотня, не встретят с распростёртыми объятиями, ему придётся снова бороться за свою жизнь. И всё же найти еду в городе, таком большом и богатом, должно быть легче, чем в покрытом снегом лесу. Надежда вспыхнула в зелёных глазах Реми.

В сиротском приюте оборотень научился притворяться и жить среди людей, он узнал их правила и повадки. Мальчик твёрдо решил, что сам будет добывать себе еду и не попросит о помощи или милостыни вражий народ. Марджи преподавала ребёнку урок: если что-то нужно – отбери, этим Реми и планировал заняться. Он станет вором.

Вор

Воровал мальчик только еду, не зная, что делать с остальным. Он действовал как на охоте, брал ровно столько, сколько нужно для восполнения затраченной энергии. Сперва дела его обстояли также плохо, как в лесу, но вскоре Реми научился прятаться в ногах прохожих, в их длинных одеяниях, ловко хватать товар с прилавков и шустро убегать. Пройдя путь ошибок и не редких избиений за воровство, сирота запомнил, как торговец хлебом заглядывался на юных девушек; знал, что продавец колбас лично проверял содержание каждой партии, и на это время выставлял забитого пугливого подмастерья; выучил расписание молочника и смену стражи возле склада. Оборотень пользовался любой уловкой и слабостью людей, чтобы стащить еды.

Другие ребята объединялись в группы по десять и даже пятнадцать человек. Реми знал одну, промышлявшую на тех же улицах, что и оборотень. Вместе детям легче удавалось воровать: пока один отвлекал внимание торговца, другие незаметно утаскивали товар. Реми завидовал их добычи, но присоединяться не решался. Свора детей напоминала мальчику дом Марджи из которого он едва сбежал и живших там сирот. Чем больше народа, тем больше нужно воровать, а стоит оплошать и подведёшь всех. Кто мог поручиться, что эти дети не подчинились кому-то из взрослых, не пили зелье на завтрак, или что ещё похуже. Реми боялся скопления людей, его пугали несвобода, подчинение кому-то, обязательства и ответственность, которые непременно на него возложат. После не сдержанного перед Симом обещания, оборотень боялся сближаться с людьми. Он не заводил друзей, всегда слонялся по улицам один, или вовсе сидел в какой-нибудь дыре, где его никто не видел.

Помимо всего прочего Реми пугала мысль, что кто-то узнает о его волчьей сущности. Дядя постоянно говорил мальчику об охоте на оборотней. Если стражники его поймут, то выпустят только мёртвым. Осознав в сиротском доме своё бессилие в схватке с взрослыми людьми, Реми сдерживал волка внутри себя, но использовал с умом те возможности, которыми наделила его природа.

Оборотня не раз спасала животная интуиция, ловкость и волчьи инстинкты. Частенько мальчик, убегая от взбешённого кражей товара торговца, прятался в тенях зданий, тележек, тёмных закутках и углах. Тень окутывала Реми, как родная мать, чей ласки он не знал, принимала мальчика в свои объятия, и он становился недосыгаемым. Оборотень не понимал, почему люди не видели его, и радовался своей удачи, не забывая каждый раз благодарить тень за помощь.

Поначалу Реми переживал о том, что брал чужое без разрешения, ему плохо спалось, мучили кошмары, в которых он платил по долгам, отбывал наказание и был обречён в тяжёлых кандалах вечно работать на людей, дабы расплатиться за украденные товары. Время шло, воровство вошло в привычку, живот требовал еды, и совесть замолчала, оставив мальчика в покое.

Иногда, глядя на других брошенных детей и их коллективную работу, Реми представлял, как они вместе с Симом работали бы в паре. Природную бледность альбиноса они бы использовали чтобы растрогать прохожих, а ловкий оборотень выуживал бы кошельки с монетками. Реми быстро отбрасывал эти мысли, использовать друга в таких низких целях, ребёнок считал гадким. Сам он, проходя мимо побирающихся стариков на нижних улицах Белого клыка, воняющих как выгребная яма, обмотанных лохмотьями, клялся себе, что никогда не станет просить милостыню.

Может я и слабый маленький оборотень, нищий, уличный вор, но волчью гордость я больше не предаю! Думал мальчик и ускорял шаг, чтобы не задерживаться рядом с попрошайками.

Одежда оборотня едва пережила его жизнь в лесу, истрепалась так, что выглядела как лохмотья. В лесу он грелся шерстью в обличье волчонка, но в городе, хоть и было теплее от топящихся в каждом доме печей, большого количества людей и лавок, проходя мимо которых мальчика иногда обдавало горячим воздухом; в городе он не мог обратиться. В дырки задувало, тонкая, протёртая рубашка не согревала, от снега вмиг промокала, и стоило дёрнуть рукой, трещала. Ставшие короткими за лето штаны вовсе сыпались. Реми представить не мог, что одежда могла износиться до такой степени, что осыпалась. Помимо еды, Реми пришлось озаботиться одеждой и как можно скорее, пока он не замёрз холодной ночью в своих гнилых обносках.

Пришлось долго высматривать детей подходящего роста, выслеживать их, запоминать, где они живут и ждать, когда их вещи постирают, а затем повесят сушиться. Реми едва не околел, пока дожидался сумерек, чтобы стать незаметным для случайных прохожих. Несколько раз его постигала неудача, мало кто с наступлением холодов сушил вещи на верёвках. Пришлось искать ниже, ближе к подножию, где жили бедные люди, зачастую не имевшие своего места в тесных комнатах.

Голодая несколько дней, оборотней раздобыл себе длинные штаны и драную, не по размеру большую, зато тёплую кофту. Мальчик подвязывал её верёвкой, кое-как сплетённой из старой рубашки, и радовался, пряча ледяные пальчики в длинных рукавах.

Обживаясь тёплыми вещами, Реми был вынужден скитаться по городу, спускаться к самому подножию горы и подниматься почти до самой станции дирижаблей. Он многое слышал, видел и начинал понимать.

Белый Клык, за этим красивым названием скрывалась настоящая выгребная яма, где людей оценивали лишь по количеству блестящих монет в их карманах, и сами жители давно примирились с этой системой. Богатые слои общества жили в прямом смысле выше нищего сброда. Улицы, пролежавшие по балконам, террасам и крышам, чистые, с ухоженными деревьями в красивых кадках, с прозрачными мостами, отражающими блики солнца, принадлежали лотеронам, магам и богачам. Чем ближе улица располагалась к станции дирижаблей, тем престижней считалось на ней жить. Простому вору попасть туда было недопустимо, стража, которой ближе к вершине становилось больше, пристально следила за порядком.

На земных улицах существовали все остальные, на верхних улицах открывали свои лавочки пекари, ремесленники, чуть ниже мясники и пивовары, ближе к подножию процветали лавочки, предлагающие услуги сомнительного характера. Реми в виду своей незрелости, не знал, чем торговали мужчины и женщины, и старался держаться от них подальше, предпочитая улицы выше. В ущелье простёрся базар для бедняков, где свои товары продавали пришлые с окрестных деревень крестьяне, там же, чуть глубже начинался чёрный рынок, где на продажу выставляли оружие. Реми никогда не доходил до конца чёрного рынка, но слышал, что с другой стороны был спуск и специальные прилавки для богачей, любителей охоты и иных жестоких развлечений.

Ущелье жило своей жизнью, а на земных улицах находились свои «бароны» и «короли», как они именовали себя. Выросшие в банде дети, создавали новые, играющие по взрослым правилам. Воровать еду для них стало мелочью, группировки хотели большего – добывать деньги. Насмотревшись снизу на жизнь богачей, бедняки хотели ощутить роскошь, которой были лишены и создавали её по своему усмотрению. Они стремились добиться признания и жить богато, но с криминалом не так легко завязать. Молодые люди вырастали и продолжали, пока кто-то из молодых не оканчивал мучение главаря. Чаще всего убийцей главаря становился приближённый из окружения. Все «короли» формировали вокруг себя группу из сильных ребят, которые избивали тех, кто не платил дань, за существование на определённой улице.

Добывая одежду и еду, Реми забредал на подвластные группировкам улицы, чаще всего это были кварталы ремесленников и мясников, реже травников и лекарей. На своём горьком

опыте оборотень узнал, на какие улицы лучше соваться пореже, а какие обходить стороной. У каждой банды имелись свои правила о наказании вора, имевшего наглость сунуться на их территорию. Чаще всего, мальчика избивали, иные отбирали добычу, но встречались и садисты, стремившиеся порезать, искалечить или морально унижить. Как-то на избитого мальчика хотели помочиться, чтобы доказать его ничтожность. Реми укусил парня, стоявшего рядом, получил ещё несколько болезненных пинков, но дерзость воришки позабавила людей. Спустя некоторое время оборотень получил признание от Аазира, главаря одной из шаяк, на чьей улице был вынужден в итоге обосноваться мальчик.

Аазир пообещал воришке протекцию от стражников, взамен на исполнение услуги главарю по необходимости. В то время Реми не знал, почему иные ребята предпочитали из кожи вон лезть, но платить еженедельную пошлину добычей, чем обещаться выполнить неизвестное поручение.

Оборотень жил, сам не замечая, как всё глубже погружался в грязь Белого Клыка, погрязшего в преступности от подножия и до самой вершины. Здесь частенько пропадали люди, и стража отчаялась вести поиски всех исчезнувших. Стены домов и афиши в несколько слоёв покрывали розыскные листовки, ветер срывал их и бросал людям под ноги. Реми не раз слышал, как пропавшие люди иногда возвращались, но вели себя иначе, словно побывали в Аду и знали, что их ждёт после смерти. Особенно часто исчезновения происходили возле мрачного здания бывшей гильдии кукловодов.

Оборотень отрывками слышал городскую легенду, повествующую о красновласом мальчике, который похищал людей и творил из них кукол. В легенде чётко упоминался мальчик, но люди остерегались связываться с любым красновласым незнакомцем, ибо всех без вести пропавших, в последний раз встречали в компании девушки, парня, мужчины или ребёнка с волосами насыщенного красного цвета.

Само по себе здание гильдии кукловодов не внушало доверия, и люди, чей страх приумножала тьма ночи, окутали зловещее строение паутиной легенд. Чёрными ночами здание обходили дальними улицами, ибо стоило пройти мимо, как не отпускало ощущение будто кто-то преследует, смотрит в спину, иные прохожие клялись что слышали цокот сотни каблучков. Чего только не рассказывали после захода солнца в нищих кварталах.

Говорили, за городом приглядывает некий мастер Кукловод, один из членов Кровавого Звездопада, организации, созданной Разрушительницей в начале Смутного Времени. Члены Звездопада помогали Сильване – Разрушительнице тридцати миров отвоевать территории старого Ханаэша у захватчиков из трёх объединившихся в то время стран: Земи, Касмедолии и Муарака. В одиночку Сильвана не смогла справиться с армиями союза, и призвала на помощь себе самых отъявленных негодяев. Реми слышал, что Разрушительница привела себе подмогу из других миров – Ада и мира духов, – именно поэтому ей хватило десяти подчинённых дабы отвоевать земли.

После смерти Разрушительницы, члены Кровавого Звездопада стали тайно править страной. Ауру – их глава, остался в Башнях, резиденции Поднебесного Правителя, и продолжал внедрять идеи Сильваны. Остальные члены разбрелись по стране и тайно, скрывая себя, управляют городами. На смену им приходят их потомки, но поговаривают некоторые из собранной Разрушительницей свиты бессмертны и живы по сей день. Кукловод мог быть одним из них, никто не знал, как он выглядел, но люди утвердились во мнении, что именно он тайно присматривал за Белым Клыком по приказу Разрушительницы.

Реми старался поменьше слушать байки горожан, его больше волновали проблемы настоящего дня, а не призраки старых домов. Конечно, он не совался чёрными ночами к заброшенной гильдии, которую не смели снести, но и красновласых людей оборотень никогда не встречал. Он помнил лишь то, что позволяло ему выжить и не перейти случайно чью-то дорогу, и не забивал голову легендами.

Спустя пару оборотов о Реми, который в Белом Клыке решил на всякий случай представиться Джеком, вспомнил Аазир. Настало время исполнить просьбу «короля» Шестой Поперечной улицы, для чего мальчика вызвали ко «двору».

– Здравствуй, Джек. Ты так быстро пришёл, – обратился к мальчику мужчина лет тридцати, с небритой щетиной. Оборотень едва отличал Аазира от его вышибал. У большинства из-под бандан выбивались тусклые тёмные волосы, голодные жадные глаза на свету казались серыми, а в тени карими. Мужчины были примерно одного роста, жилистые, с сильными покрытыми шрамами руками. Аазир среди них выделялся особенно наглым взглядом и одеждой: старая шуба, из шерсти медведя, выдавшая множество лет, и короткие штаны. «Король» задавал свою моду и расхаживал зимой в сандалиях, натянутых поверх толстых, шерстяных носков. Сверкая открытыми голенищами, мужчина ни разу не поморщился от холода. Реми поражался, как ноги модника не посинели.

Мальчик кивнул. Он не привык слышать имя Джек, но решил, что верно поступил, скрыв настоящее, когда вернулся к людям.

– Ты уже давно живёшь на моей улице, и не платишь дань. Поэтому я позвал тебя, – мужчина выглядел как царь помойки, и вёл себя также. Он пытался сойти за знатного человека, обрядившись в шубу, восседая на старом, истёртом кресле под криво сколоченным навесом из досок. По обеим сторонам от Аазира стояли верные стражи, вооружённые дубинками. Рядом валялись битые ящики из-под овощей, рыбы скелеты, косточки, огрызки, бумажки и битое стекло. Несмотря на морозец в этой подворотне стоял дурной запах и посреди всего этого мусора выделяющийся «король» напоминал шута.

– Что я должен сделать, Аазир? – Реми, в данный момент, именуя себя Джеком, решил быстрее перейти к делу, чтобы убраться из вонючей подворотни. Он не сомневался, что люди разбойных банд представлялись не настоящими именами, дабы произвести должный эффект. Лидера группировки Седьмой Поперечной улицы звали Шрамодел, он кичился своей любовью оставлять на всех жуткие шрамы. Аазир хоть и было больше похоже на настоящее имя, но мальчик недавно подслушал разговор дамы и торговца на стеклянном мосту и узнал, что имена с двойной «А» давали лишь знатным людям.

– Ха, а ты сразу к делу, – посмеялся Аазир, почесав грудь, – деловой подход. Ладно, не буду томить. Знаешь, – начал свой рассказ мужчина, с наигранно тоскливым взглядом, устремлённым в низкое серое небо. – Я живу здесь уже давно. Управляю Шестой Поперечной улицей. – Оборотень подавил желание усмехнуться. *Было бы чем править, а то улица без тебя не проживёт.* За пару оборотов, проведённых в городе, мальчик разуверился в необходимости уличных «королей». – Но я устал от этого. Я всегда хотел отправиться куда-нибудь ещё, но ты же понимаешь, я не могу просто взять и бросить дела.

Реми был другого мнения. Все это напоминало отмашки человека, который боялся что-либо менять в своей жизни. За несколько оборотов проведённых в одиночестве в лесу, надеясь лишь на себя, и после, выживая в толпе людей, но оставаясь никому не нужным, оборотень набрался опыта и немного повзрослел, несмотря на семь лет от роду.

– Но вот момент настал, и я решил исполнить мечту, во что бы то ни стало, – мужчина ударил кулаком по подлокотнику кресла, подтверждая своё твёрдое намерение. – Однако я очень занят, и у меня нету времени, чтобы провернуть одно дельце. Вот потому я посылаю тебя. Итак, ты должен подняться в верхний город на улицы крыш и раздобыть мне билеты на дирижабль. Конечно, не так важно, куда именно он будет лететь, но всё же я б хотел в Озон. Раздобудь билеты и возвращайся. Дело не такое сложное, я же понимаю, что ты ещё ребёнок, – ухмыльнулся в конце мужчина и почесал бок.

– Хорошо. Это будет плата за то время, что я прожил на Шестой Поперечной? – переспросил Джек, хмурясь.

– Да. Знаешь у меня сегодня хорошее настроение, так что если раздобудешь билет именно до Озона, то это будет плата и за будущее твоё проживание на улице, на целый оборот вперёд, – разведя руки, празднично подытожил Аазир, но быстро закончил жест, так как у него зачесалась спина. В шубе похоже завелись клопы, но «король» не желал расставаться со своей одеждой.

– Ладно. На сколько человек билеты нужны? – задумавшись о подробностях предстоящего дела, поинтересовался Джек.

– На меня и двоих моих приятелей, – Аазир махнул на своих верных стражей.

– Хорошо, – кивнул юный вор и ушёл.

– Похоже, парни, я от него избавился, – проговорил «король», когда мальчик скрылся из виду.

Это должно быть просто. Всего-то надо спереть пару билетов. Я смогу. А этот глупый король помойки засчитает мне ещё несколько оборотов вперёд! Будет ему его Озон. Пусть катится отсюда, думал Реми, пока шёл к лазейке в верхний город, где ошивалось меньше всего стражи и можно было, прячась в толпе, добраться до станции дирижаблей.

С каждым следующим шагом вверх по наклонной улице, с городом происходили перемены в лучшую сторону, становилось светлее и чище; только взгляды прохожих, бросаемые на мальчика, менялись с озадаченных на пренебрежительные и высокомерные. Нищий замазашка забыл, где его место и нарушал идиллию верхних улиц своим грязным видом.

Чем выше в гору поднимался Джек, тем больше вокруг становилось стражников. Об этом мальчик не подумал, когда соглашался на задание. Стараясь привлечь как можно меньше внимания, притворяясь посыльным, или прячась в тёмных закутках, оборотень не оставлял мысли, что в два счёта раздобудет билеты и Аазир отстанет от него надолго. Джек глядел в оба, не расслаблялся и двигался быстро.

Скоро юный вор достаточно приблизился к станции дирижаблей, чтобы на улицах ему встречались люди с билетами. Дело осталось за малым: не привлекая к себе внимания стражи, найти жертву.

У вершины горы, недалеко от станции Реми то и дело наткался на торговцев из других городов: из Озона, с чёрными волосами и тёмным загаром, плотными одеждами с запахом моря; из Искры, чаще всего со светлыми волосами, иногда крашеными в яркие цвета, жёлтой кожей и лёгкими, не по погоде, одеждами. Все они носили балахоны тем длиннее, чем богаче был торговец, с красивыми вышивками, узкими рукавами и широкими манжетами. Стоило бросить один взгляд на ткань, чтобы понять какая она дорогая, с отливом, двухцветная, или однотонная, атласная или бархатная. Джеку попадались торговые представители деревень, их выбирали крестьяне, чтобы не ехать в город толпой. Одежда крестьян отличалась дешёвизной по сравнению с богатыми лотеронами, а глазки их не бегали такими заговорщицкими кругами, как у городских торговцев. Иногда попадались маги, этих Джек сразу узнавал по фиолетовому цвету одеяний. Оборотень не раз спрашивал у дяди, почему маги Воздуха пользовались дирижаблями, им же подвластна воздушная стихия, почему они не летали? Мальчик никогда не мог запомнить ответ дяди, но в Белом Клыкe заметил, что маги Воздуха встречались всегда только в верхнем городе. Ребёнок посчитал, что им претило заходить на нижние улицы и блуждать среди нищеты. Конечно, не обошлось у станции без стражи, наблюдавшей за улицами, не мешая мирным жителям но, привлекая к себе внимание лёгкими доспехами, украшенными перьями.

К этим лучше не приближаться, подумал Реми и юркнул между двух торговцев, чьи пышные одеяния, развевающиеся на ветру, прикрыли его отступление. Проскочив в ногах между полами длинных одежд лотеронов, вор наткнулся на зазевавшегося мага, из кармана которого торчал билет на дирижабль.

Вот это удача, пришёлкнул мальчик языком и незаметным движением вытянул билет, тут же спрятав его за пазуху. Он решил не злить стражу и ретировался на нижние улицы, где, забившись в лаз между пустым ящиком от картошки и стеной, рассмотрел свою добычу. Кое-как разобрав буквы на билете, мальчик прочитал слово Озон и ниже цифру два. Память с трудом выдавала уроки грамоты, преподанные дядей, словно в прошлой жизни.

Так круто не бывает. Неужели мне, и правда, сегодня настолько везёт? Глаза Реми сияли зелёным радостным светом. За долгое время, это, пожалуй, самый счастливый его день. Большая удача, да ещё с самого утра! Может где-то был подвох? Но какой? Задание не такое сложное, к тому же небо улыбнулось оборотню, послав навстречу мага-зеваку? Это удача. Определённо!

Радостный оборотень принялся выбирать из-за ящика, чтобы быстрее бежать к Аазу, как взгляд его упёрся в ноги. Да не просто ноги, а обутые в высокие сапоги на шнуровке с защитой у подъёма и перьями по бокам – ноги стражника.

Вот тебе и удачный день.

– Пройдём-ка с нами, мальчик, – предложил один из стражей, второй тем временем, показавшийся из-за ящика, схватил воришку за руку.

В сторожевой башне, куда хранители порядка – в бандитских шайках прозванные пернатыми – привели оборотня, его поджидал тот самый маг-зевака.

– Этот парень? – страж толкнул Джека магу.

– Да-да, тот саменький. Какой плохой мальчик, – погрозил маг пальцем в воздухе. Он был высоким и тощим, как все маги, с яркими жёлтыми глазами и уложенными на бок светлыми волосами. – Эти билетки ведь не для меня, а для моей милой жёнушки и её младшенькой сестрёночки. А ты так бесцеремонненько их украл. Ты знаешь, как мы торопимся? Это дело государственной важности.

– Ничего я не крал! – попытался оправдаться воришка, но маг смотрел на его рубаху так, будто взглядом просвечивал насквозь. Мужчина подошёл, протянул руку и достал из-за пазухи мальчика свои билеты.

– Зачем же ты привираешь, мальчик. Я чуть не поверил, не зачаруй я небесный взор.

– Теперь всё в порядке? Это ваши билеты? – поинтересовался один из стражников, его отличал аксельбант, идущий от груди к правому плечу, и отличные от остальных нашивки на вороте мундира. Знаки присущие старшему, в подчинении которого находилось четверо стражников.

– О, да. Спасибо вам преобластующие. Я бы сам не справился, – лепетал маг, продолжая коверкать слова.

– Отлично. Не стоит благодарности. Воришку мы оставим, он должен понести наказание за воровство, – посулил стражник, рапортую перед магом.

– Не просто за воровство. Он мне миссиюшку мою сорвал, словно знал заранее, что я здесь буду. Из-за него мы теперь страшненько опаздываем! – не унимался маг.

– Хотите сказать, мальчика подослали к вам? – предложил не понимающий страж.

– Кто его знает?! Вы стражнички, вот и выведите! – приказал маг Воздуха. – Никто не должен знать, что Правитель тяжеленько болен, – он тут же выдал государственную тайну. – Потому мы летим со всеми на дирижаблике. Никто не должен ничегошеньки заподозрить.

Старший стражник поправил воротник мундира, многозначительно поглядывая на своих людей. Этот маг только что выдал секретную информацию и, похоже, даже не понял.

– Под угрозой союз с пиратами, и Поднебесный сейчас тамочки, налаживает обстановку.

– Хотите, чтобы мы допросили воришку? – предположил один молодой ещё парень в форме, косясь на Джека. Тот стоял, не понимая, какой приговор ему вынес маг за глупую кражу билетов.

– Мне некогда с вами беседочки болтать. Делайте, что должно, вы же стража! Мне никтошеньки не должен помешать! Все хотят предать Правителя, – разъярился «странноватенький» маг развернулся и пошёл прочь. Воровской глаз Джека приметил, как билеты опустились в тот же карман, и того и гляди, без помощи воров, выпадут.

– Ну что, парень. Вот ты и попался. Теперь не сбежишь. Не посмотрим, что ребёнок. Сгниёшь в тюрьме, – нагнетал обстановку молодой страж.

– Он работает на сепаратистов, нужно допросить его, – напомнил стражник с кривым носом и жутким шрамом на лице. Остальные посмотрели на него с непониманием. – Так маг сказал.

– Этот маг немножечко того, – продемонстрировав жестом помутнение разума, высказался молодой стражник.

– Отставить! Это ещё что за вольдумство? – рявкнул старший.

– Простите! – отрапортовал младший по званию, вытянувшись по струнке. – Но неужели будем пытаться ребёнка?

– Тот, кто его нанял тоже надеялся на нашу мягкость. Маг бы врать не стал! – хрипел мужчина со страшным лицом.

Старший переступил с ноги на ногу, посмотрел на неудачливого воришку, потёр шею, пытаюсь принять правильное решение. В его глазах читалась жалость к ребёнку, но раз маг Воздуха заподозрил его, нужно принять меры.

– Для начала проверьте на нём гильдейскую метку, – приказал старший. – Потом устроим допрос.

Молодой стражник сглотнул, но не решился спорить со старшим, а мужчина со шрамом ухмыльнулся и схватил мальчика. Его раздели догола, всего осмотрели, но не нашли никаких меток.

Швырнув ребёнка в камеру и бросив вдогонку его вещи, стражи заперли решётчатую дверь. Комната отличалась от каморки в приюте размерами – всё же преступники редко дети, чаще взрослые – и каменными стенами, где наверху, под самым потолком располагалось небольшое отверстие с решёткой.

Отлично. Вот я и в тюрьме. Хоть не избили, подумалось мальчику.

– Эй! Мы что его так и оставим? – спросил стражник со шрамом на всё лицо.

– А что ещё? Розовых лепестков ему туда насыпать? – Все снова засмеялись.

Стражник с кривым лицом бесцеремонно отнял ключи у молодого, открыл решётку камеры и вошёл к мальчику.

– А наказание? – Мерзкая ухмылка растянулась на его губах, шрам на щеке пошёл буграми, остальные двое засомневались. Они не видели необходимости мучить ребёнка. – Пусть знает, что магов трогать нельзя, – уговорил их мужчина со шрамом.

Налаял, пролетела последняя мысль в голове Реми, а затем последовали пинки.

Боль. Она приходила раньше, чем возвращалось сознание и длилась долго. Боль. Она не обманывала, она предупреждала о повреждениях и лжи. Только боль всегда честна, даже слишком честна, от чего становилось ещё больнее.

Разум медленно возвращался в избитое тело мальчика. Стражнику достаточно пару раз пнуть воришку, и мальчик ощутил всю тяжесть высоких сапог. Ни единого живого сантиметра, всё охватил огонь боли. Реми попытался шевельнуться, но лишь издал протяжный стон.

Больно. Как же больно. Всё тело болит. Кости целы ли? Что делать, если они не правильно срастутся?

– Эй, пацан, живой? – послышалось из тёмного угла.

– Эх-кхэ... – попытался подать голос оборотень, но издал лишь неопределённый звук.

– Живой, – протянул мужской хриплый голос. – Мразь эта кривомордая тебя так отпинала. Я думал, ты помрёшь. Потом и мне тумачков надавали.

К Реми подполз старый мужчина, тощий, измождённый, с одной рукой, вторая отсутствовала до самого локтя.

– Эй, да на тебе всё быстро заживает, – прищёлкнул языком мужчина. Реми забеспокоился, что соврать и оправдать свою волчью регенерацию. – Вот вам и молодость, – неожиданно добавил старик.

– Главное... чтобы рёбра... целы были, – кое-как произнёс мальчик.

– Тык вроде целы, – потыкал старик по рёбрам мальчика, от чего тот чуть не задохнулся. – За что тебя так отделали?

– Украл... билеты... – еле выдавил из себя Реми, и, отдышавшись, добавил, – у мага.

– Эх тебя понесло! В своём уме ли, у мага воровать? – всполошился калека и всплеснул целой рукой.

– Он растяпа,... – буркнул мальчик, пытаясь подняться и сесть на пол, усыпанный старой соломой, но застонав, вновь упал.

– Все они выглядят, как растяпы. Да только стража за магов порвёт! Они же на службе Поднебесного, гордость и сила нашего края. Послушай совет старика, с магами не связывайся, – прищёлковая языком и покачивая головой, молвил старик.

Джек попытался приподняться, чтобы сесть. Тело болело всё меньше, регенерация творила чудеса.

– Такой маленький, а уже вор. Эх, куда мир катится, – причитал старик, и протянул мальчику миску с водой. – На, попей. Не артезианский источник, но пить можно.

– Спасибо. – Ребёнок принял миску и жадно припал к воде.

– И куда гильдия смотрит. Тебя что не учили, что у магов воровать – последнее дело. Не дорос ещё!

– Какая гильдия? – еле оторвавшись от воды, пробубнил Джек.

– Эй-эй-эй, – просипел старик, – ты что же, без гильдии воровать пошёл? – Джек кивнул. – Тогда и ясно, с чего на мага тут же кинулся, – опять покачал головой однорукий мужчина. Мальчик пожал плечами, и подумал, о странной манере старика качать головой, не отвалиться ли она у него со временем?

– Слушай сюда, пацан. Для каждого преступления в нашем мире, есть своя гильдия. Если ты в гильдии, считай как под заботливым крылом. Если ворует, будь добр, вступи в гильдию воров. Не дело вот так шататься и мастерство воровское, неумением своим позорить.

– Мне нет дела до этого всего. Я сам по себе. Не нужна мне никакая гильдия! – воспротивился оборотень.

– Дурак ты! Ещё как нужна. Будь ты сейчас в гильдии, тебя бы из тюрьмы достали. А так, сиди тут! За мага целый оборот сидеть будешь! – и старик отвернулся от мальчика, продолжая причитать себе по нос, что молодёжь нынче совсем безмозглая пошла.

Так они и сидели по разным углам маленькой камеры, каждый со своей бедой. Когда принесли ужин, представляющий некое подобие пищи в странных ёмкостях, поднос швырнули к тёмной стене точно в портал, где всё исчезло. Избиений не последовало, но молодой стражник предупредил воришку о завтрашнем допросе.

Когда решётка закрылась, и послышались удаляющиеся шаги стражника, Джек сообразил, что не слышал звука падения подноса.

– Ну что, пацан, не передумал ещё с гильдией? – послышался бодрый голос старичка.

– Если я всё равно сгнию здесь, проведя остаток жизни, какой смысл теперь говорить о гильдии? – обняв колени сильнее, чтобы заглушить чувство голода в пустом животе, тихо пробурчал мальчик.

– Эко же ты быстро сдался, малец. За оборот-то не сгниёшь, но можно и быстрее. Скажи-ка мне одну фразу, и тогда я посмотрю, что можно для тебя сделать, – заговорщицки молвил калека. Во мраке угасающего дня, Реми разглядел лишь силуэт его ног у окутанной тенью стены.

– Какую фразу? – непонимающе уставился на мужчину Джек, на то место, где по логике должно быть его лицо.

– А вот это ты должен понять сам.

Всю ночь Реми, назвавший себя вором Джеком, мучился и не мог заснуть. В окошко лился свет, полуобернувшегося лика Персефоны. Небесное светило он не видел, и не мог дотянуться до окошка под потолком, из-за чего ещё больше нервничал.

Джек всё думал, какую же фразу нужно сказать старику, и чем он мог помочь? Ведь из камеры не выбраться – окошко слишком маленькое, под самым потолком, да ещё закрыто железными прутьями; решётчатую дверь запирали на ключ, а пол выложен ледяными камнями.

Мальчик не мог придумать план побега, но обещал себе не сдаваться. Если он выбрался из гиблого сиротского дома, значит сможет сбежать и из тюрьмы. Он мог бы попробовать задержать стражника, открывающего дверь, отвлечь и пробежать у него между ног. Как отвлечь? Как задержать? К тому же стражники ходили по двое или трое.

На следующее утро, придя спозаранку, стражники забрали воришку в пыточную, где пытались выяснить, кто надоумил его обокрасть мага. Его достаточно было побить палками, и Джек тут же выдал им Аазира, «короля» Шестой Поперечной. Стражников этот ответ не устроил. Они продолжали спрашивать, кто приказал ему задержать мага? Мальчик не знал, чего хотят добиться стражники и продолжал рассказывать им об Аазире и других «королях» улиц, которых знал.

Мрачные стражники твердили своё, ответ, что Джека отправил красть билет какой-то король помойки, Аазир, возомнивший себя хозяином улицы, их не устраивал, и пытки продолжались день за днём. На третий день Джек сдался и орал, что ничего не знал, он стонал, когда его растягивали на дыбе, и бился в агонии, стоило оказаться подвешенным к потолку.

Джека, практически приговорённого к смерти, били и испытывали на нём разные пыточные устройства. Большинству стражников не нравилось пытаться ребёнка, но маг сказал, чтобы они выбили признание. «Странноватенький» маг мог вернуться и потребовать у стражников отчёт, посему пытки продолжались. И только мужчина с уродливым шрамом на всё лицо испытывал радость причиняя боль воришке. Он всегда измывался над ребёнком с особым пристрастием, и любил оставлять мальчика одного, забывая отвязать от пыточной машины. Этого стражника Джек боялся больше всего. Боялся и ненавидел. Мужчин – прозванный одноруким стариком Страшилой – спрашивал что-то, хотел услышать признание в сотни преступлений, которых ребёнок не совершал; а когда слышал, продолжал свои зверства. Ему нравилось, что слабый мальчик не в состоянии дать сдачи. После всех издевательств Страшила любил привязывать Джека к стулу, туго притянуть ремнями к спинке, подголовнику и подлокотникам, чтобы мальчик не смог изменить положение. Стул, рассчитанный на взрослых людей, мальчику был великоват, и на сидение приходилось подкладывать деревянные спилы. Стражника это не останавливало, закрепив жертву, он уходил, оставляя Джека один на один с его пыткой.

Сперва оборотень терпел неудобные спилы на которых сидел и не мог дёрнуться, волчья интуиция молчала, и ребёнок считал, что пытка заключалась в простом одиночестве, но вскоре на голову его стала капать вода. Стражник выбрил маленький кружочек в волосах воришки, капля воды не задерживалась на волосах и с лёгким ударом падала точно в проплешину.

Оборотень не видел установленную сверху бочку с водой, и не знал, что капля и была тем пыточным орудием, кое сводило с ума самых крепких мужчин. Джек думал подвал протекал,

и он просто неудачно сидел, прямо под течью, но спустя несколько часов до него дошёл ужас пытки.

Пока стражники занимались своими делами: совершали обход улиц, патрулировали проспекты, дежурили при заключённых, – преступник медленно сходил с ума. Необязательно постоянно находиться рядом с пыточным устройством, мерная дробь капель причиняла невыносимые страдания.

Реми вспомнилась каморка в приюте, где вода капала на голову, а потом холодной струйкой стекала за пазуху. Не самые радостные воспоминания в его короткой жизни, на ум пришла осень в лесу, когда он пытался выжить и лежал голодным под ледяным дождём. Капля ударяющая о голову оживляла самые отвратительные картины из памяти семилетнего ребёнка, успевшего насмотреться ужасов за последние полтора года.

Тишина. Звуки приглушены. Покой. Ровное дыхание. Уставший Реми сидел на стуле. И вдруг БАБАХ. Точно на темечко упала капля. Маленькая паскуда, она отдавалась волной во всём теле; как жало она впивалась в кожу, казалось, сам череп трещит под этим ударом. И вновь тишина. Звуки затихли. Дрожь в теле угасла. Миг покоя и блаженства. И вновь БАБАХ. Следующая прозрачная, чистая, острая, мерзкая, тяжёлая капля падала на голову. Душа разрывалась, мозг вскипал. Волна мурашек пробежала по телу, как электрический разряд. Только он прекратился и снова – Бабах. Новая капля, новая пытка. И всегда один и тот же интервал. Звук падения капли отражался от стен и других пыточных устройств. Реми сидел в комнате один, и только капля, верная его спутница ударяла в голову – Бабах, через определённый подсчитанный промежуток времени. Каждые десять ударов сердца и вновь гладь тишины пронзает капля, отдаваясь вибрацией в мозгу. Мальчик пытался считать удары собственного сердца, но вскоре сдался, он потерял восприятие пространства и времени. Он жил в мире тишины и мерной дроби капель. Он жил от одного толчка и вибраций до другого. До падения следующей капли, от которой в глазах темнело, плавали круги, голова болела и от пытки не спасала регенерация – тело оставалось целым, страдал рассудок. Несколько часов, проведённых на адском стуле, казались мальчику веками. Он чувствовал как что-то в нём ломалось под давлением капли, а из воображаемого разлома в черепе на свет появлялось что-то новое – страшное и опасное.

Он орал. Он проклинал всех и всё. Он вырывался. Не мог больше терпеть этот Ад. Но капли падали. Воля гасла. Гас разум. Он сходил с ума. Его жизнь заполнили удары капель в мозгу.

Иногда в башню заглядывали лучники, пару раз сменяя стражников на посту. Эти ребята приглядывали за заключёнными, но общались только между собой. Они никого не пытали, не мучили людей в камерах, исполняли свои обязательства и весело уходили. Иногда, подшучивая над болтающими заключёнными, лучники целились в них из своих красивых орудий, украшенных рогами оленей и перьями, и делали ложные выстрелы, после чего потешались над реакцией напросившегося заключённого. Среди лучников, в отличие от стражников, встречались девушки.

Джек знал, когда приходили стрелки, его не подвергали пыткам, потому что привычная охрана патрулировала улицы. Чаще всего один из стражников оставался в башне и вечером производил допрос, в сопровождении старшего или без него. Оборотень молился чтобы в патруль как можно чаще отправляли Страшилу.

Спустя седмицу остальным стражникам надоело пытать мальчика, они продолжали, иногда пропуская дни, перенесли процедуру на вечер, потеряли мотивацию, понимая, что если не добились от ребёнка правды на первых допросах, то не добьются больше ничего. Но только не Страшила, тот продолжал всем напоминать о долге перед магами. Его глаза сияли фанатичным блеском, когда он говорил о законах и власти Поднебесного. Другие стражники без особого фанатизма исполняли свой долг, как-то старший признался в этом.

– Ты думаешь, нам нравится всё это? – кивнул мужчина в доспехе на разные пыточные устройства, которые находились ещё ниже этажом, пока пристёгивал мальчика к дыбе.

– Да, – еле слышно выдохнул маленький вор.

– Думать надо было, когда к магу в карман полез, шкет, – злобно выпалил молодой стражник.

– У меня дома дети твоего возраста. Избалованные, чертята, но дети. Глупые, что с них взять. А тут ты, и все эти пытки, – вздохнул старший стражник. – Не нравится мне это. Как представлю, что моих детей, вот так бы мучили.

– Ну а что поделаться-то, а у меня младшие такого же возраста, но закон есть закон, – успокоил его молодой.

– Отпустите меня, – стараясь подавить предательскую дрожь в голосе, и сделать тон менее жалостливым, что удавалось с трудом, простонал мальчик.

– Нас уволят тогда и на что нам жить? – вспыхнул старший. – Выбирая сопляка в камере, который сам напросился, и своих детей, которых обреку на голод и нищету в подворотне, я предпочту, ... – мужчина резко оборвал свою пыльную речь. Он предпочтёт убить чужого и спасти своих детей. Настолько ли он жесток? Старший задумался, смог бы он действительно убить ребёнка, зная, что от этого зависит благополучие родных. Понимая, что любой выбор станет чёрной незаживающей раной на его душе, стражник нашёл виноватого и рявкнул: – Ты сам виноват, а у нас служба!

Молодой поддакивал, готовый привести механизм в действие. Мужчина посмотрел на него и снова взглянул на мальчика, столь неуместно смотрелся ребёнок на пыточной установке для взрослых. Когда служба народу превратила его в мучителя беззащитных?

– Ты слышал, что маг сказал? Ты не просто билеты утащил, а задержал врачей к Поднебесному. Да ты хоть представляешь, ЧТО ты натворил? Если Поднебесный преставится, это будет твоя вина. Твоя и того ублюдка, который тебя надоумил, и не надо нам дуть в уши про шваль из подворотни, – резко ответил второй стражник, стоя у рычага, он поправлял перчатки на руках, стараясь не смотреть ни на мальчика, ни на пыточное устройство.

– Ты думаешь, стражники хорошие, мы выполняем долг. Дети тоже считаются хорошими, но ты не видел эту гильдейскую шпану, попрошаек, что несут монетки твоим «королям» улиц. У Поднебесного много врагов, – покачал головой старший.

– Взять хоть оборотней, – вставил своё второй стражник у рычагов. Джек дёрнулся в путах, боясь, что его раскрыли. – Ты встречал их? – продолжал молодой стражник. – Мы до сих пор всех не нашли. Эти твари притворяются людьми, только и ждут момент вонзить клыки в наши шеи. Ты не представляешь какие они кровожадные твари, таких как ты они едят на завтрак. Ещё этот неуловимый красновласый упырь здесь в городе, – посетовал юноша и поправил наносник короткого шлема.

Реми закрыл глаза, морщась не от боли в затянутых жёсткими ремнями запястьях и щиколотках, а от заблуждения людей на счёт оборотней. Мальчик знал какие они на самом деле, он сам имел вторую сущность, и никогда дядя не ел детей, не убивал людей и не нападал. Наоборот, люди, стражники, убили лесника всего лишь за то, что тот был оборотнем.

– У людей множество врагов, и только маги могут нас уберечь от всего этого зла – закончил мысль парня старший стражник, покончив с ремешками, но подал сигнал пока не начинать. *Вы же сами себе их наживаете. Вы сами себе враги!*

– Вот именно. В этом мире столько всяких мерзавцев. И все хотят сожрать, покалечить, или убить нас, людей. И только маги стоят на страже и защищают нас от всей этой пакости. Не всех монстров возьмёшь простым железом или кулаком, а маги могут наказывать другим способом, используя всякие заклятия. Они защищают нас. Но их так мало. Каждый год рождается всего несколько магов Воздуха, в то время как в Земье их сотни и тысячи. Государство не может лишиться ни одного мага Воздуха. Они сдерживают зло и защищают народ.

– Не будет магов и сразу поднимут голову оборотни, гарпии вцепятся в нас когтями, пришлые устроят войны, – констатировал старший, взял со стула планшет и перо и снова подошёл к мальчику. – Мы должны защищать магов и Поднебесного от любых посягательств и от дураков.

– Таких как ты, – вставил своё слово молодой стражник у рычага и слегка надавил. Ремни больно впились в запястья, натягивая руки и ноги, вор охнул от неожиданности, но пока терпел боль.

– Да. Мы, стража, защитим магов от воров, разбойников, обманщиков и разных подлецов. А маги защитят народ и Поднебесного Правителя, нашего величайшего короля. Что мы будем делать, если Правителя не станет?

– Эй, не каркай, – шепотом произнёс парень у рычагов.

– Не каркаю, но. Надо же донести до мелкого смысл. Никто не хочет повторения безвременья, когда земли старого Ханаэша поделили меж собой три державы и не существовало надгорного края в принципе. Не было его. А сейчас, слава небу и Поднебесному Правителю есть. И маги хранят нашу новую страну от демонов, вампиров и другой жути.

– Даже от самой погоды! Да все на свете хотят нас с миру сжить, – добавил стражник и потянул кольцо, верёвки затрещали, натягиваясь сильнее. Мальчик захрипел.

Может за то, что вы сами хотите всех сжить со свету. Реми всё больше запутывался в своём отношении к людям. Некоторые, такие как Сим и мужчина из камеры, ему нравились; некоторые, как эти стражники, просто подчинялись странным законам и делали то, что написано, не сопротивляясь; а некоторые, и их было большинство, по крайней мере, на жизненном пути мальчика, озлобились и получали удовольствие от унижения других. Видимо странные законы, заставляющие, обычных стражников, допрашивать и пытаться детей, писали люди последней категории. Оборотень решил, что эти люди и становились магами, потому как именно маги имели власть и придумывали законы и об уничтожении других рас, таких как оборотни.

– Маги ценнее людей, поэтому они выше по рангу. И мы обязаны исполнять, что нам приказал маг, – пожал плечами стражник. Оборотень начинал ненавидеть магов, из-за которых попал в тюрьму. – Придётся тебе терпеть это всё. Или, наконец, сказать правду, кто тебя послал.

В камеру Джек возвращался после пыток и допросов ни жив, ни мёртв, он тут же валился на пол и лежал так некоторое время, приходя в чувство.

– Парень, за что тебя так пытаются? Ты же всего-то билеты украл. Не убить же ты того мага пытался? – подполз к нему старик и принялся поить водой измученного ребёнка.

– Они считают меня послал кто-то ужасный, – прохрипел, даваясь влагой, воришка. – Маг летел к Поднебесному, а я его задержал.

– И всего-то? Что-то не укладывается. Ладно тебе скрытничать, скажи как есть. Я-то никому не выдам, – пообещал калека, помогая парню сесть и облокотиться на стенку камеры.

– Я не знаю. Я ничего не знаю, – в подобию истерики завопил Джек и забился в угол, прижав к себе колени, а голову закрыв руками. Все пытались узнать, что он делал, зачем, кто его послал, какие планы при этом вынашивал? Но он, Джек, Реми, он не знал. Не понимал, что все от него хотят. – Маг болтал, что Правитель болен, и он опаздывает. Он так глупо говорил, я не помню, что ещё. Он сказал, я миссию ему сорвал. А там пираты что-то удумали и правителя надо лечить, – бессвязно бормотал оборотень, плохо помня о чём болтал маг.

– Погоди-погоди. А в какой последовательности он говорил? – враз стал серьёзным одноруким мужчиной.

– Ты издеваешься, старик? – не выдержал Джек.

– Постарайся парень. Надо же понять, что к тебе пернатые пристали.

– Кажется сперва, что я сорвал миссию, и меня подослали. Потом про больного Правителя. Потом про пиратов, и чтобы ему не мешали, – задумался оборотень. – Нет, про пиратов он сказал, а потом молодой стражник что-то спросил про допрос и тот ответил, не мешать ему и самим разбираться. А потом, что все хотят предать его или Правителя, не помню уже как, – морща лоб, вспоминал Джек.

– Вот ведь. Он же даже не слушал, что стражники спрашивали, всё о себе трепался, – после недолгого молчания выдал мужчина. Джек посмотрел на него, не улавливая сути. – Он ничего не говорил про допрос, эти стражники не поняли ни черта.

– Что с того? Это мне уже не поможет, – повесил голову мальчик.

– И то верно. А раз маг сказал, эти идиоты не успокоятся. Они люди подневольные, – старик умолк. Странно называть подневольными людей, которые сажают других в клетки, и всё же старый калека понимал, государственная служба вынуждает забыть мораль и следовать исключительно букве закона. Он посмотрел на мальчика, замученного, тощего, грязного и понял, что его не отпустят. Только маг признавший вину, или любой другой мог отменить допрос и снять подозрения с ребёнка; а маги не заглядывали в башни стражи, им не было никакого дела до простых людей и тем более мелкое ворьё в камерах.

Старик посмотрел на оконце под потолком и причмокнул. Он знал, что пытки долго не длились, чем дальше, тем будет хуже, а после всех мучений мальчика ждала смерть.

Джек отвернулся, улёгся у стены и закрыл глаза. Лучшее, что он мог делать после пыток – это отсыпаться, тем более что солнце давно закатилось за край земли.

Мужчина отсел и устроился у другой стены, сон не шёл, его терзали противоречивые мысли.

И ведь надо же. Маг криво не пойми что наговорил, а бедный малец теперь страдает. Не стал бы он прикрывать этого загадочного сепаратиста. Мал ещё. Свою шкуру бережёт. Не мог маг отдать приказ пытать и допрашивать ребёнка. Маги же адекватные люди. Эх, парень. Зря я тебе свои мысли выдал. Но ведь ты ж магов возненавидишь, а маги-то не причём. Ох, и что же делать-то? Помочь бы пацану. Негоже ему до конца дней своих в тюрьме гнить из-за ложного обвинения в заговоре.

Да и выберется, куда он пойдёт? Опять влипнет. И без гильдии никто ему не поможет.

Мужчина так задумался, что не сразу услышал оклик сокамерника.

– Старик, эй старик, ты не спишь? – шепотом воззвал мальчик, но ответа не последовало.

Реми тоже обдумывал слова калеки, он вспоминал приют и заточение. Тогда он сумел придумать план, сумел преодолеть действие зелья, но что делать здесь, в тюрьме. Стражу не проведёшь, как мерзкую воспитательницу или старую ведьму. Стража не отпустит мальчика без присмотра никуда, или вовсе не выпустит из этой камеры.

– Я не хочу сгнить здесь, ... – через какое-то время снова начал Джек, но ответа вновь не услышал. – Ты говорил про гильдию. Не слышал я не про какие гильдии, – упрямо начал оборотень, но всё же сдался: если старик правда поможет ему выбраться, какая разница, вступит мальчик в гильдию или нет. Не так высока цена, как ужасно заточение и пытки со Страшилой. Джек ведь и покинуть её сможет потом. – И про фразу. Ты, правда, поможешь? – И снова лишь молчанье в ответ. Однако оборотень не услышал и мерного сопения спящего человека. *Он слушает!* – Я бы вступил в эту твою воровскую гильдию...

– Молодец! Конечно не совсем то, что я ожидал, но тоже сойдёт, – наконец, подал голос старик. – Тогда, первым делом, как выберешься, дуй в Искру, и вступай в гильдию воров! Скажешь, что тебя послал Николас. Понял?

– Угу, – кивнул мальчик. – Выбраться бы только...

– Да делов-то! – тут старик схватил мальчика за голову, и со всей силы впечатал между железных элементов решётчатой двери. Голова от толчка проскочила, зато остальное тело осталось в камере.

– Вот дела. Прошёл! – удивился старик, по-видимому, он не рассчитывал на успех. – Ну, давай, остальное просовывай, – спокойно посоветовал он.

– Ты спятил? Ты мне мог голову разнести! – заорал шокированный Джек. В других камерах зашевелились люди.

– Чего ты орёшь? Щас все стражники сбегутся. Давай, задницу свою просовывай, да драпай быстрее! Как говорила моя покойная мамаша, куда голова пролезла, туда и остальное втиснешь.

– Какая к чёрту голова?! Я застрял! Стражники убьют меня за такую дурацкую попытку побега. Я не могу протиснуть плечи. Я застрял! – шепотом ругался Джек, и, поворачиваясь всеми возможными сторонами, пытался протиснуться между прутьев. Через некоторое время упорных стараний, не без помощи старика, ему удалось пропихнуть плечи, но на этот раз застряли рёбра.

– Да что ж ты толстый такой? С виду вроде кожа да кости, – сетовал калека. – Ты смотри, какое расстояние большое между прутьев. Выдохни! Давай выдыхай, а я подтолкну.

– Не надо! Хватит с меня твоей помощи. – Уклоняясь от рук старика, Джек так заёрзал, что сам себя протолкнул. В итоге, мальчик наполовину вырвался из клетки. Последним якорем на пути к свободе стала тазобедренная кость. К несчастью для несложившихся беглецов, раздались шаги стражников, услышавших подозрительную возню на этаже камер.

Джек не успел полностью протиснуться между прутьев клетки, когда стражники вошли в помещение. Глаза людей в форме чуть не вылезли из орбит, при виде открывшейся им картины: мальчика, застрявшего между прутьев на полпути к свободе.

– Ты только посмотри на это! – завопил один из стражников.

– Чёрт! Мы даже не подумали, что кто-то может между прутьев пролезть.

– Чёртов сопляк! Вытащите его оттуда! – рявкнул старший. Двое стражников взяли мальчика за руки и стали тащить на себя. Джек орал, он думал, ему вырвут руки из плечевых суставов, но всё обошлось, и его достали.

– А что теперь делать-то? Он же может опять попытаться... – уточнил один из мужчин.

– Просто так его в камеру не посадишь, – подытожил Страшила и посмотрел на старшего.

– А наденьте-ка на нашего проворного выползня ошейник, – приказал мужчина, остальные поддержали его ехидными улыбочками.

Отныне на шее оборотня красовался железный ошейник толщиной в три пальца, от него шла цепь, которой его на ночь приковывали к стене, чтобы больше не пытался сбежать. Со своим новым «ожерельем» мальчик не мог протиснуться между прутьев, он голову с трудом поднимал. С внутренней стороны ошейника были маленькие выпуклости, раздражающие и царапающие кожу, так что хотелось почесать. Джек просовывал палец между шеей и железом и царапался тем самым ещё сильнее. Чаще всего оборотень сидел на корточках и спал также, потому что от лежания болела шея и спина. Как сказал Николас, ошейник предназначался для иных целей, чем те, что преследовали стражники.

После не сложившейся попытки побега, вора стали чаще отдавать Страшילה, который в свою очередь продолжал выпытывать признания ребёнка, используя все подручные средства. Он продолжал периодически сажать Джека на стул с капающей на темя водой, отчего разум ребёнка погружался во тьму. Оборотень начинал радоваться тем дням, когда мерзкий стражник со шрамом на лице испытывал на нём другие пыточные устройства, приносящие реальную боль, а не сводящие с ума мерными ударами капель.

Как-то вялый после избиений оборотень услышал обрывок разговора старшего стражника со Страшилой.

– Может покончить уже с этим воришкой. Попытки ни к чему не ведут, – сетовал мужчина, сомневаясь. – Он же ребёнок.

– Сопляк достаточно большой чтобы соображать, что делал. Расколется рано или поздно, – заявил Страшила и хлопнул сослуживца по плечу.

В голове оборотня оборвалась последняя надежда на спасение.

После пыток с изувеченным стражником, полумёртвого Джека возвращали в камеру, где Николас, по возможности, вправлял мальчику кости, ловко управляясь одной рукой. Чтобы отвлечь ребёнка от боли, калека рассказывал ему о многочисленных воровских премудростях, заодно обучая его. Тогда мальчик слушал и соображал, когда же его приводили после пытки с каплей, глаза Джека горели дичайшим салатovým цветом, и Николас боялся приближаться. Калека таился в тени и вжимался в стену, так сильно его пугал зверский огонь в глазах ребёнка. Через несколько часов покоя и сна мальчик приходил в себя и снова становился грустным, заточённым сиротой.

Николас подбадривал Джека, рассказывал истории из жизни, как сам вступил в гильдию воров. Он умолчал о причинах, что вынудили его покинуть воров, и вскользь упомянул как был схвачен стражей. Старик не переставал убеждать мальчика вступить в гильдию, рассказывая о весёлом обучении, в том числе самозащите, и о новых друзьях, которых Джек непременно там встретит. После чего оговаривался, что с друзьями из числа воров следует быть начеку, так как все они в первую очередь думают о своём благе.

Джек не раз спрашивал калеку о побеге, на что тот просил выждать нужный момент и заверял мальчика, они обязательно выберутся из тюрьмы.

Оборотень с каждым днём всё больше привязывался к Николасу. Калека напоминал дядю, у того тоже в запасе имелся миллион историй из жизни весёлых, грустных, интересных. Старик не был болтлив, говорил по делу, рассказчик из него вышел отличный, он не сбивался и не отвлекался на ненужные мелочи.

Реми клялся самому себе никогда не привязываться к людям, он помнил, как смерть Сима отложилась в его душе неподъёмным грузом, сидела в груди острым камнем и резала, стоило вспомнить альбиноса. Оборотень пытался не поддаваться очарованию историй и навыков Николаса, но не мог никуда деться в небольшой камере. Постоянно сравнивая старика с дядей, мальчик как мотылёк летел на те знания, которыми делился калека. Иногда он учил Джека очень интересным вещам: как воровать, не глядя; куда люди кладут дорогие вещи; как по глазам понять, какую сумму носит с собой человек; где прятать деньги, чтобы их не украли вору. Неспешно оборотень узнавал премудрости воровского дела. Он не мог испробовать всё на практике, но как мог старался запоминать. Иногда заключённые проводили эксперименты над стражниками: сперва следили за их поведением, а потом получали тумаки за наглые просьбы, показать, где стражники хранят деньги и какие суммы носят. Несмотря на боль в отбитых боках старик смеялся над стражей и продолжал отвечать шуточки. Реми, глядя на весёлого Николаса, хмурился и решил для себя не смеяться больше, потому что жизнь его тяжела, и нет места радости после всего того, что видел и пережил юный вор.

Только одного не могли отнять у оборотня – Персефону. В белую ночь, сидеть в квадрате света ночной хранильницы, проникающего через маленькое оконце. Реми обнимал колени руками и сидел, раскачиваясь взад-вперёд, всё больше теряя надежду обрести свободу.

– Лучше бы спал, чес слово, – проворчал старик, открыв один глаз, до этого притворяясь спящим.

– Не хочу.

Реми держал тяжёлый ошейник плечами, железо больно тёрлось о нижнюю челюсть втянутой головы и резало мочки ушей.

– Да, романтика. Весна, даже тут теплее становится. Погулять бы, под взглядом Персефоны, с любимой, держаться за руку, – мечтал Николас.

– С девчонкой что ли? Фу-у-у! – поёжился оборотень, а старик недоумённо поднял бровь. Джек заметил и принялся объяснять: – девчонки все дуры, трусихи, всего боятся, ничего не умеют. От них одни беды.

Внимая мальчику, старик сел, а дослушав, залился хохотом, но затем закашлялся, прошедшим днём он разозлил стражников и получил от них пинков по рёбрам.

– Ты прям знаток женской натуры, как я погляжу, – выдохнул Николас, справившись с собой.

– Да это все знают! – в детской манере заверил Джек.

– И всё же дурак ты, дураком помрёшь. Куда же без женщин-то? Встретишь ещё девчонку, предназначенную тебе судьбой. Вот тогда начнется... головная боль, – вдруг скривился старик, до того флегматично вздыхая.

Джек ничего не понял и только пожал плечами, но железный ошейник сдвинулся и больно задел натёртую до крови кожу. Мальчик скривился и схватился за оковы. Железо сильно натирало шею, даже регенерация оборотня не помогала, и боль не утихала.

– Болит? – участливо спросил старик, ребёнок кивнул. – Эх, снять бы с тебя эту штуkenцию, да ведь стражники тут же ещё что придумают.

– Это мелочь, по сравнению с остальным, – грустно ответил Джек.

– Ничего. Выберемся, – не так уверенно, как раньше, сказал Николас.

– Как? – хмыкнул оборотень и покрепче обнял колени.

– Есть у меня идея! – растянул в улыбке сухие губы калека. – Скоро праздник как раз. Всё получится.

– А праздник тут при чём? Сколько ты уже сидишь в этой тюрьме? Почему же раньше не сбежал? – разозлившись из-за незаживающих ран на шее, напал на собеседника Джек.

– Потому! Ждал! – отмахнулся старик.

– Чего ждал? – скептически спросил оборотень.

– Тебя!

Джек уставился на сокамерника. Зачем ему маленький мальчик?

– Короче, слушай. – И Николас рассказал ребёнку свой план вкратце: он рассчитывал, что во время праздника любования цветущими деревьями, стража уйдёт в город следить за порядком и не допускать нищету на верхние улицы. Тем же самым будут заняты и лучники. Невольников они оставят в камерах без присмотра, либо с одним дежурным наверху, которому вряд ли захочется спускаться к заключённым. В это время можно не бояться внезапного появления стражи, поэтому Николас хотел попытаться подобрать отмычки к замку. При этом мальчик нужен для того, чтобы следить за входом и караулить дежурного охранника. Поскольку стоя рядом с дверью в камеру, лестницу наверх скрывал угол другой клетки, и Николас не мог следить за стражей и вскрывать дверь одновременно.

– Где ты найдёшь отмычки? И что если не удастся? – пессимистично начал Джек.

– Хэ, на этот случай, у меня есть план Б.

План «Б» заключался в том, что перед салютом в честь праздника, стражники должны принести заключённым выпивку. Этой традиции много лет, праздники подобные цветению плодоносных деревьев, дню Мира и Ёкайёру празднуют все, в том числе заключённые и приговорённые к смерти, поэтому стража подносит небольшой подарок невольникам. В праздники не совершают смертных казней, отменяют пытки и вынесение приговоров.

Николас об этой традиции знал и хотел ею воспользоваться, если не сработает план с отмычками. Когда стражники приходят с выпивкой, они открывают дверь камеры, тогда парочка воров планировал их вырубить и сбежать. Но в этом случае старику требовалась вся сила и ловкость Джека, однорукый калека понимал, что один не справится.

Оба плана показали оборотню простыми, и в некотором роде наивными, но именно на их простоту и обыденность полагался Николас. Он посчитал, что стражники не примут в расчёт

старика и ребёнка, ослабят бдительность, будут весёлыми после пьянки на природе, и потому не сразу осознают типичных, при побеге, действий парочки заключённых. «Глупый план – самый действенный план», говорил Николас. Ведь мальчик почти выбрался, когда калека пропихнул его голову между прутьев, а план был идиотский.

Выдерживая пытки каждого нового дня на последнем дыхании, воры жили надеждой на весенний побег. Почти каждый вечер они перешёптывались в своей камере, раз за разом обдумывая все подробности побега и просчитывая каждый вариант. На улице теплело, снег стоял и подсохли ручейки на мостовых, солнце проникало в подвальную комнату через зарешёченное окно, искорками летали пылинки по тесной каморке. Воры ждали весны и мнили себя подготовленными, но не все их надежды оправдались.

Выдался замечательный, солнечный денёк; деревья белели и розовели, покрытые весенним цветом. Мир благоухал ароматами яблонь, груш, вишни и персиков, от которых кружилась голова.

Лёгкий ветерок доносил запахи до камеры, в которой сидели Джек и Николас.оборотень чихал и периодически тёр нос, когда сладкое амбре отбивало нюх. От смешанных и резких ароматов, у оборотня кололо в голове и мысли путались.

– Хватит нос тереть. Деревья от нас довольно далеко, а ты весь извёлся, аллергик хренов, – ворчал старик. Он был не в духе с самого утра, как только узнал, что на праздник отправились лишь двое стражников, старший вместе с лучником болтались неподалёку и постоянно заглядывали, а одного оставили стоять на посту. Этого надзирателя подменяли друзья из лучников и стражников, так что в башне всегда оставался хотя бы один пернатый, но чаще двое, болтающие и шумящие.

Николас развалился под окном и грелся в пятне света, обдумывая свои возможности.

Реми промолчал, решив, что аллергия – отличное прикрытие для чувствительного обоняния оборотня. Он, стараясь не привлекать к себе внимания, следил за лестницей, ведущей наверх, и ногами оставшихся охранников, мелькающими на пролёте. Мальчику мешала решётка, если бы он мог сделать ещё шаг к выходу, то увидел бы людей целиком.

– Эй, охранник, куда все разошлись то? – выкрикнул рослый мужик из камеры напротив, ближе к лестнице.

– Куда-куда? На праздник! Деревья в цвету, – стражник встал и медленно спустился по лестнице, поравнявшись с говорившим.

– А нас отпустишь? Я тоже хочу, чтобы в мой напиток, упал лепесток. Знаете, это же приносит удачу, – ёрничал заключённый.

– Лепесток упадёт на твой хладный труп, если сейчас же не заткнёшься! – Стражник ударил сапогом о решётку, стальной щиток звякнул о прутья, раздался громкий звон, словно ударили в колокол. Металл задрожал, заключённый отпустил вибрирующую решётку и слегка поутих, но заметил нервно ходящего по камере мальчика и переключился на него.

– Эй, как же так, пацана сегодня пытать не будут! А мне так нравится слушать его писклявые вопли. Как будто девица кричит в порыве, – мужчина изобразил из себя невинную жертву, спустив грязную рубаху с плеча. – Эй, а может ты не пацан вовсе, а?

– Хэ-хэ-хэ, то-то старик такой довольный лежит, – подхватил идею другой заключённый, который сквозь решётку видел скрюченного у окна Николаса.

– А ну заткнулись все! Не портите мне праздник! Я итак тут с вами вынужден время терять. Будете шуметь, ночью сами станете вопить, как девицы! – осадил всех стражник.

Джек сел у двери и привычным жестом ссутулился, зажимая плечами тяжёлые оковы на шее. Он, как мог, терпел все мучения в пыточной, но в какой-то миг стоны и вопли сами раздавались из его рта. Страшила знал своё дело и не отпускал мальчика, пока не удовлетворялся криками. оборотень представил, как стоит у рычагов, а на дыбе растянулся старший страж-

ник; как бы наслаждался Джек его «пением». Как к стулу с подголовников туго притягивают Страшилу, и мерная дробь капель пробивает дыру в голове мужчины, с каждым новым ударом уничтожая сознание. Уголки губ дёрнулись, мысли о мести пришлось отбросить, первостепенной целью был побег. Возможно, когда-нибудь Реми станет достаточно сильным, чтобы всем отомстить, но не сейчас. Оборотень подумал о животных, с которыми мог бы сравнить стражу, но не нашёл. Только кошки играют с едой, обучаясь охоте, но лишь люди издеваются над другими, такова их натура, самоутвердиться за счёт чужих страданий.

Николас поманил мальчика к себе, и тихо прошептал:

– Как там дела?

– Он совсем притих, может, читает? – предположил Джек.

Осмотревшись по сторонам, старик заметил, что все притихли, отвлеклись на свои дела и думы, или просто дремали. Заключённых, помимо мальчика и Николаса, было трое: одного из соседней камеры старик не видел; двое других, дразнивших Джека, сидели напротив, мелкий дремал, а бугай наблюдал за улицей через крохотное окно под потолком.

– Сапоги пропали, не вижу его, судя по звуку, они поднялись выше, – прошептал мальчик.

– Отлично! Приступим. – Старик потёр руку о поясницу и жестом фокусника вынул откуда-то тоненькие железные палочки. – Помнишь, как выглядел ключ?

Джек пытался понять, откуда Николас достал отмычки, и где он их всё это время прятал. В голову успела прийти лишь одна мысль, вынуждая оборотня нахмуриться. Не желая дальше размышлять об этом, мальчик принялся рисовать на грязном полу очертания ключа. Николас просил его запомнить, как выглядит ключ, сразу после того, как они договорились о побеге и обсудили план «Б».

Нарисовав по памяти ключ, оборотень занял своё место и пристально следил за входом. Если стражник вернётся, он должен был подать знак Николасу, тем временем старик тихо ковырялся в замке. Джека поразило, как ловко калека управляет со всеми отмычками да ещё одной рукой.

Дверь не поддавалась, она была своего мнения об их побеге, и праведно стояла на пути преступности.

Когда кто-то из других заключённых начинал двигаться и смотреть по сторонам, двое незадачливых бегунов прерывались и притворялись играющими в крестики нолики на грязном полу камеры. Стоило другим людям отвернуться и отвлечься на свои заботы, как Джек занимал наблюдательную позицию, а старик возвращался к замку.

Сколько бы приёмов и отмычек не использовал Николас, замок не щёлкал. Калека скрутил точную копию – насколько позволяло мастерство – ключа с рисунка, и всё безрезультатно. Старик шёпотом ругал мальчика, обвинял в невнимательности и неправильном рисунке, но Джек упрямо всё отрицал; он был уверен, что нарисовал в точности ключ стражника.

Заключённых стали терзать нехорошие мысли, что им не суждено выбраться из тюрьмы. Первый план терпел крах на глазах. Джек понимал это и, погружаясь в пучину отчаяния, всё меньше верил в успех плана «Б».

Старик заметил тусклый, потерявший надежду взгляд мальчика, и подумал, что уже смирился бы с проигрышем, но ему очень хотелось, чтобы ребёнок выбрался на свободу. Не важно, что с ним будет потом; не важно, схватят его ещё раз или он умрёт через неделю от голода, Николас хотел очистить свою совесть, хотел искупить этим добрым делом свои грехи. Он так много сделал в жизни плохого и хорошего тоже, а мальчик так мало. Калеку ужасно злили обстоятельства, из-за которых ребёнок попал в тюрьму и обречён был терпеть пытки – глупые, брошенные на эмоциях слова бестолкового мага, и дурацкая преданность законам стражников. *Спаси бы только пацана*, продолжал повторять про себя Николас, ковыряя неподатливый замок.

Их время вышло. Джек поднял тревогу, когда почувствовал возвращение стражи. Вниз спускалось по меньшей мере три пары ног. Пришло время раздать кубки и отпраздновать День любования цветущими деревьями.

– Ну что, соскучились, уважаемые преступники? – смеялся старший стражник, поддевая заключённых наигранным уважением. – А мы к вам даже не с пустыми руками. Представляете?

– Ура!

– Отметим, наконец, праздник!

– А может, выпустите нас, в честь такого события? – оживились заключённые.

– Аха-ха, даже не мечтайте, – рассмеялся мужчина, пребывавший в приподнятом настроении, в ответ на наивное предложение бугая.

Примечая каждую мелочь, однорукий старик порадовался весёлому нраву стражников. Они хорошо отпраздновали День цветущих деревьев, и выпили не мало. Николас надеялся, что сможет справиться с парочкой пьяных пернатых.

Стражники начали свой поздравительный обход с дальней камеры. *Что ж, остальным ребятам повезло, без выпивки они не останутся. А сейчас ещё и зрелище будет*, думал старик.

– Эй, а щенку тоже полагается? Он же мелкий ещё. Давай его порцию нам! – продолжал фонтанировать гениальными идеями разговорчивый бугай.

– Без тебя разберёмся, – рыкнул на него старший.

Стражники отправились дальше.

– Благодарствую, – послышался тихий голос из соседней камеры.

Пока стражники возились с ключами и дверью соседней камеры, старик подтянул к себе Джека, который в это время ногой стирал изображение ключа с пола, пытаясь казаться непринадлежащим.

– Джек, стой позади меня. Когда я справлюсь с первым пернатым, ставь подножку второму, – очень тихо, прямо в ухо мальчику прошептал Николас. Джек кивнул и занял свою позицию.

Когда стражники подошли и зазвенели замком, открывая дверь, старик обратил внимание на резьбу нужного ключа, и прищёлкнул языком, понимая, что мальчуган нарисовал точную копию, не учтя лишь ширину железных зубцов. *Неплохие задатки у парня*, подумал калека.

Стражники открыли дверь и зашли в камеру, загоразивая выход своими телами. Старший протянул старику чашку с напитком, когда в лицо ему полетел кулак, одной единственной руки. В тот же миг среагировал молодой стражник, почти сразу протрезвевший; он хотел продвинуться и ударить старика, в ответ за сослуживца, но полетел вниз. Джек успел оказаться на пути ног парня, со своей подножкой.

Казалось бы, путь свободен, но старший стражник слишком быстро пришёл в себя и, достав короткий меч, нацелил его на старика. Молодой, справившись с равновесием, поднимался.

В голове оборотня промелькнула сотня мыслей, об обречённости плана, о невозможности побега, о предстоящей каре и возобновлении пыток. Он подумал о том, что возможно не переживёт следующую неделю и умрёт, избитый и измученный стражниками или сойдёт с ума окончательно от долбящих капель; о том, что никто его не вспомнит. Реми подумал о старике, ставшем ему другом, он тоже скончается в ближайшем будущем, за попытку побега и нападение на стражу. Он всего лишь хотел свободы, но видимо это слишком много. Оборотень не знал, где успел провиниться, но судьба мстила ему во всей полноте.

Неожиданно для всех Николас сделал шаг вперёд, насадив себя на меч старшего стражника, второго он схватил рукой и под восхищённое улюлюканье заключённых проорал Джеку:

– Беги, парень!

Джек ещё секунду колебался: как он мог оставить старика здесь, своего друга, он ранен, он умрёт. Как же так? Почему снова он терял друга по своей глупости. Что же делать? Чем помочь Николасу?

– БЕГИ! – на последнем дыхании, еле-еле удерживая мужчину рукой так, чтобы он блокировал своим телом второго стражника, и всё сильнее пропуская меч в тело, прокричал Николас. Пернатый вырывался и дико озирался по сторонам. Старший не выпускал рукоять меча, не хватало ему вооружённого полумёртвого вора на участке.

Реми вздрогнул и, таращась на жертвующего собой друга ради него, направился к выходу.

– Хоть ты будешь свободным, – одними губами напоследок произнёс старик и улыбнулся.

– Щенок сбежал! – кричали заключённые. – Старик-то не промах оказался!

На лестнице стоял лучник с выпученными глазами, оборотень пролетел мимо него со скоростью стрелы, пока пернатый ловил, выроненный от изумления лук.

Мужчины справились с Николасом, скинули его тело с меча, но мальчика и след простыл. Молодой парень выскочил на улицу, растерялся и таращился во все стороны, своим видом заставляя прохожих нервничать. Лучник бросился за ним, но получил нагоняй от старшего и понуриив голову вернулся в башню. Вдохновлённые примером воров остальные заключённые могли выкинуть нечто похожее.

Старший стражник, неторопливо вытер меч, вышел из башни, отчитал подчинённого за устроенную суматоху и приказал предупредить остальных о побеге. Сам мужчина посмотрел по сторонам и про себя порадовался, что ни одного мага поблизости нет. Не в его привычках было пытаться детей, и, хотя получать отметку о побеге на своём посту в личное дело старший не хотел, поднимать город на уши из-за сопляка не собирался. Решив напустить на себя грозный вид, стражник решил провести посредственный поиск, расклеить бестолковые листовки и на этом с делом покончить.

Реми о решении стражи не знал и в панике выбежал на улицу из сторожевой башни, свет залил глаза и слепил, но мальчик быстро пришёл в себя. Он рванул, было вниз, однако там, на дороге возвращались на пост Страшила и четвёртый стражник, они тут же заметили ребёнка. Тогда оборотень рванул наверх, в богатый верхний город. Реми хотел добежать до леса и спрятаться там, но пришлось бежать в противоположную сторону. Последняя надежда – дирижабль. Удалось бы проникнуть на платформу, а на борту мальчик верил, что сумеет спрятаться, если нужно прибегнет к помощи теней. Только сперва он должен скрыться от стражников, иначе жертва Николаса будет напрасной.

Никогда в жизни Реми не бегал так быстро, как сейчас. Он маневрировал между жителями города, и ловко уворачивался от ног прохожих. За ним гнались двое лучников и трое стражников, среди которых с гневным лицом распахивал людей Страшила, но они проигрывали в ловкости вору, – пернатые задевали горожан, сбивали с ног женщин, после чего на бегу извинялись, кроме бугая, тот шёл напролом, наплевав на приличия.

Реми лишь раз поднимался к станции дирижаблей и редко заходил так высоко, он плохо ориентировался и юркнул в нагромождение ящиков. Втиснувшись между деревянных коробов, оборотень затих в темноте, притянул колени к самому подбородку и сжал их руками, больно впившись пальцами в кожу. Реми мысленно молился Персефоне и Тени о помощи:

Только бы не нашли. Пожалуйста, только бы не нашли. Персефону отведи глаза людям. Тень, прошу, спаси меня. Защити. Укрой. Я не хочу обратно в тюрьму, думал маленький вор и крепче сжимал колени.

Солнце садилось, тени сгущались, весенний вечер затоплял улицы, ночь подступала. Стражники не успокаивались и продолжали поиски, осматривая каждый закуток. Они спрашивали горожан и просили их содействия. Старший стражник задумчиво отдавал приказы своим людям, а также мобилизовал лучников. Лейтенанта мужчина не хотел ставить в известность,

чтобы не превращать побег сопляка в конец света, улицы города поблизости от станции дирижабля и без того напоминали растревоженный муравейник.

Реми тарачился перед собой, покачиваясь взад-вперёд и нервно сжимая колени. Он дрожал и мысленно упрашивал тень скрыть его.

Всё что угодно, только не обратно. Образы пронеслись перед глазами оборотня: Николас с мечом в животе; Страшила, толкающий людей, с кривой рожой преследующий беглеца; пытки и ужасы заточения. Реми не успел осознать смерть старика, его мыслями владел страх и желание спрятаться, оказаться где угодно, лишь бы подальше от стражников, от тюрьмы, от Белого Клыка.

Оборотень услышал шаги стражников, а вскоре заметил отсвет их фонарей. Свет становился ярче, а цокот сапог по камням мостовой громче, люди приближались.

Мальчик вжался в ящик, к которому прислонился. С каждым вздохом мучители приближались; Реми затаил дыхание и закрыл рукой рот и нос.

Умоляю, пройдите мимо. Здесь так темно, не светите сюда. Здесь только тень.

От страха оборотень весь сжался, стал таким маленьким, словно ему не семь лет, а только три. Он спрятал голову в коленях, не хотел видеть своих мучителей. Если не видеть беду, беда минует.

Стражники поравнялись с узкой щелью между ящиков, они не смогли бы протиснуться между ящиков, тогда лучник протянул руку и осветил. Ящики стояли плотно, свет факела доставал до противоположного края и должен был раскрыть убежище ребёнка.

Реми поджал пальцы на босых ногах, чтобы занимать ещё меньше места. Он уже не дышал, не думал, не моргал. Обвив одну руку вокруг коленей, а другую вокруг головы, мальчик смотрел, расширившимися от ужаса глазами себе под ноги. Он выглядел в этот момент как маленький, жалкий трясущийся комочек страха.

– Ну? Что там? – спросил стражник.

– Да, не видно ни хрена... – огрызнулся лучник.

– Ну и пошли тогда. Я уже задолбался! Какой-то тупой сопляк, а полгорода на ушах, – причитал пернатый, стоявший позади.

– Ладно, пошли, – согласился мужчина, державший фонарь.

Шаги стали удаляться, Реми не верил своему счастью. Его не нашли! Не увидели, когда он сидел под носом! Мальчик поднял голову и посмотрел вслед меркнувшему отсвету фонаря. Спасён!

Расслабив пальцы, затёкшие от напряжения, и слегка вытянув ноги, оборотень выдохнул. Он ждал рассвета, боясь сомкнуть глаза. Дядя учил не полагаться на удачу дважды, значит завтра Джек должен выбраться из города и бежать как можно дальше.

Ещё несколько раз группы из стражников и лучников проходили вблизи от укрытия оборотня. Свет их фонарей замирал в миллиметре от фигуры вора, но тень не давала своего подопечного в обиду, обволакивая и закрывая мальчика от пытливых глаз. Каждый раз Реми замирал и переставал дышать, боясь быть обнаруженным, каждый раз про себя молил о помощи Тень. Судьба была на стороне Джека, стражники тихо переговаривались и ругались на сбежавшего сопляка, но так и не нашли его в ящиках.

Реми с замиранием сердца ждал рассвета. Новый день сулил новые опасности.

Небо светлело, и солнце, подступающее из-за гор, всё ярче освещало окрестности. Тень рассеялась и более не укрывала беглого воришку. Ребёнку следовало покинуть укрытие, пока стража рассеялась по городу и двигаться в сторону спасительного леса.

Реми сконцентрировался на своих врождённых способностях оборотня. Прислушиваясь к каждому звуку, улавливая взглядом каждую мелочь, он стал медленно выползать из укрытия. Стража всё ещё сновала по округе, мальчик перебежками от ящика к мусорному ведру, от

тележки к сумкам одного из пассажиров дирижабля, от куста к дереву, с набухшими почками, двигался в некоем направлении.

Не совсем понимая, куда бежит, Джек продолжал перемещаться. Дядя учил не стоять на месте. «Движение – жизнь», повторял он. *Главное не останавливаться*, про себя твердил мальчик. Если он не будет стоять на месте, то обязательно куда-нибудь придёт и сумеет улизнуть от стражи.

Проползая практически под прилавком одной из торговых палаток, мальчик не устоял и прихватил с собой булку. Продавец сперва не обратил внимания на воришку, но затем узнал свой товар в грязных руках бродяжки и поднял шум, на который сбежались стражники.

Заткнув добычу за пояс, Джек рванул в направлении людей, толпящихся у трапа. Бесстыдно толкаясь в толпе мужчин и женщин, проползая у них между ног и перепрыгивая сумки, воришка залез по трапу на открытую палубу, где тут же схватился за канат и залез выше, прячась от людей в форме.

Толстые канаты уходили вверх, к огромному воздушному шару и крепились на небольшой деревянной платформе. От платформы вбок тянулись длинные деревянные балки, удерживающие рулевой механизм, и стальные тросы, приводящие в действие двигатель – огромные ветряные лопасти, как у мельницы. На тонкой платформе под самым брезентовым шаром располагались небольшие крючки, поршни, валы, пружины и маховики, натягивающие железные тросы и канаты. Среди всего этого механического ужаса, пропахшего железом и маслом, решил спрятаться Джек, пролезая между верёвками и стараясь ничего не задеть. В щели между досок, он видел нижнюю палубу, куда прибывали люди с багажом.

Вскоре раздался свист и все механизмы вокруг оборотня пришли в движение, закрутились зубчатые колёса, сжались пружины, натянулись стальные тросы, задвигались поршни, всё это сопровождалось скрежетом, от которого сводило зубы, свистом и скрипом. Грохот стоял чудовищный, Джек заткнул уши руками, зато он мог не бояться, что его найдут по шороху.

Подул сильный направленный поток воздуха, позади воздушного шара активировались и раскрутились огромные вентиля, приводящие в движение гигантские полости. В разум оборотня пробила мысль о том, куда его привела нелёгкая. В тот же миг, конструкция затряслась и закачалась, Джек не удержал равновесия и шлёпнулся на задницу, схватив при этом свою драгоценную булку, чтобы не упала ненароком.

Мальчик хотел бы увидеть, что происходило в Белом Клыкe, стояла ли на станции стража, посещала ли их мысль, что вор покинул город, но весь обзор закрывало брезентовое полотно. Казалось, оно было повсюду, от него исходило тепло и даже жар, воздушный шар нависал над конструкцией. Наполненный горячим воздухом он поднимал платформу.

Это был дирижабль! Покачнувшись он оторвался от земли и стал плавно плыть на волнах воздушных масс. Реми впервые летел на дирижабле, дядя рассказывал об этом во всех смыслах интересном транспортном средстве, но мальчик и вообразить себе не мог ощущения на борту. Жуткий шум поутих, когда все механизмы пришли в движение и тросы зафиксировали в одном положении, жар от брезента обжигал голову, а сквозняк продумал спину, вонь масла и железа вызывала тошноту.

Оборотень улёгся спиной на доски, устроившись между маховиком и поршнем, а ноги задрал к брезенту, грея промёрзшие пятки. *Что ж, дирижабль – это не тюрьма. Всё сложилось не так плохо.* Реми, а ныне вор-преступник Джек, хотел повидать мир, а теперь он на дирижабле, улетит так далеко, как и не снилось. Остался один вопрос: куда он летел? *Куда прилечу, туда прилечу. Дядя говорил «загад не бывает богат». Куда бы не прилетел, всё лучше, чем Белый Клык, на деле оказавшийся чёрной язвой.*

Пригретый жаром от брезента, обласканный свежим воздухом сквозняка, убаюканный шелестом шестерёнок и свистом тросов, мальчик не заметил, как задремал. Глаза его закрывались сами собой, после напряжённой бессонной ночи в ящиках. Здесь, среди механизмов,

воздушного шара и шума, оборотень почувствовал себя в относительной безопасности и смог немного отдохнуть.

Дирижабль поворачивал, натянулись тросы слева от мальчика, заскрипели, зажужжали железные зубцы, механизмы пришли в действие. Джек проснулся и сжался на свободном клочке платформы. Съев сухую булку, оборотень посетовал, что не украл больше; в животе бурлило от голода. Дремать дальше ребёнок побоялся, натянутые тросы и канаты, остановившиеся на время поршни – всё это не внушало доверия. Что если в следующий раз ему не повезёт, механизм заденет его, затянет между зубцов шестерёнок край рубахи.

От нечего делать Джек ползал по платформе и разглядывал пружины, поршни, валы и маховики. Назначения их мальчик не понимал, строил теории, но вскоре это ему надоело. Ближе к вентилям он не решался подходить, сильный ветер сдувал всё, заставлял жмуриться и цепляться за катаны. По краям располагались самые опасные зубчатые кольца и пружины, к которым Джек счёл за лучшее не приближаться, в итоге лишив себя обзора на землю с высоты полёта.

Оборотень нашёл местечко, где сквозняк был не таким сильным, а брезентовая оболочка шара располагалась достаточно высоко. Усевшись там, мальчик некоторое время через щели в досках наблюдал за пассажирами на нижней палубе. В памяти ожила картина: Николас, пронзённый мечом, кричал ему бежать. Зачем человек пожертвовал собой? Реми хватило смерти Сима, зачем ещё и старик убится, и всё ради него, оборотня. Если бы знал Николас, что ребёнок рядом с ним имел вторую звериную сущность, стал бы он жертвовать собой? Реми не хотел думать об этом, но продолжал, пока голова его не опустела от усталости. Тогда воришка полез шарить по своим карманам, в несбыточной надежде найти что-нибудь пожевать, но наткнулся на кое-что поинтересней.

Отмычки! В одном из его карманов оказались отмычки Николаса, железные палочки разных форм и толщины.

Но когда он успел? Неужели, когда подтянул к себе и прошептал наш план? Но зачем? Он что знал, что погибнет? Знал и всё равно...

Мальчик сжал отмычки и закрыл глаза. Старый вор сделал для него так много, для чужого ребёнка. Почему он был так добр? Напряжение и лишения последних дней накатило на оборотня, из горла вырвался хриплый стон, грудь сдавило тяжёлой болью. Если бы только Джек мог выплакать всю эту муку. Дядя говорил, что мужчины не должны разводить нюни, но он также говорил о спасительной силе слёз, помогающей унять боль. Джек прохрипел «пожалуйста», но слёзы не желали появляться в его глазах. Они сгорели в том ужасном пожаре. Ребёнок не мог выдавить из себя ни слезинки.

Я просто вырос. Ага. А мужчины не плачут. Вот и всё. Я теперь взрослый, уговаривал себя мальчик, сжимая грудь.

Отмычки – прощальный подарок его друга и учителя. Рука поднималась выше и коснулась ошейника. Мальчик настолько привык к нему, что не замечал боли, приносимой внутренними клёпками.

Нет! Ошейник нужно снять! Николас, ты помогаешь мне даже после смерти...

Обретя цель на ближайшее время, Джек пытался снять ошейник. Он надолго занял руки и мысли.

Несколько часов он возился с ошейником. Не видя замочной скважины, на ощупь пытаясь попасть в неё, трясущимися от голода и усталости руками подбирая отмычки, зачастую руководствуясь наитием, Джек всё же смог снять железные оковы. Заветный щелчок, который не заглушил шум работающих механизмов, стал мелодией для ушей мальчика. Звук свободы!

Позабытая лёгкость в плечах, прекратившаяся боль и зуд шеи, оборотень несколько минут просто двигал головой и плечами и наслаждался. Ногой он отпихнул железные кандалы подальше, словно они приносили неудачу и были прокляты. На миг мальчик позабыл даже чувство голода, но вскоре снова сжался и скрючился на досках.

Больше ничто не оправдывало ту боль, что поселилась в его груди, после смерти старика. Волна отчаяния захлестнула мальчика. Дядя, сгоревший живьём в родном доме; Сим, замученный ведьмой и опустошённый демонами; а теперь Николас, пожертвовавший собой, ради свободы Джека. Сколько ещё смертей близких и дорогих людей должен он увидеть? Сколько ещё страдать? Почему это случилось именно с ним? Люди, которые стали для оборотня больше, чем просто лицами из толпы, покидали его. Он обещал себе не привязываться ни к кому, после смерти Сима, но старик заботился о воришке, проявлял доброту. Он был слишком добросердечным, и поэтому пожертвовал собой ради мальчика. Ради кого? Оборотня! Реми ведь даже не человек, и ведь именно люди убили его дядю. Так какие же они, эти люди? Хорошие или плохие? Почему человек пожертвовал собой ради оборотня? Но ведь Николас не знал, что Джек – оборотень. Поступил бы он так, зная, о волчьей крови мальчика? *Нет*, прозвучало в голове Реми.

Как бы Николас, да и Сим тоже, относились к нему, знай, что рядом с ними оборотень? Были бы они добры к нему, или стали бы врагами?

За что убили дядю? Только лишь за то, что он был оборотнем. Значит, и Николас с Симом тоже не стали бы дружить с Реми. Другое дело Джек, он просто грязный мальчик, но человек. И не важно, что Джек обворовывал честных людей, он человек, ему всё прощается, не то что оборотню Реми. Люди все одинаковые. Подлые, жадные, жестокие. Они прощают себе любые пороки, главное быть с ними одной крови. И будь оборотень в сотню раз добродетельней человека, он будет виновен за ту дикую суть, что носит в своей крови. И почему он, Реми, должен жить среди людей? Неужели это его наказание?

Лишения придали ясность уму, оборотень внезапно прозрел. Раз другого выбора нет, и мальчик вынужден жить среди врагов, нельзя привязываться к людям и страдать. Мучиться от боли из-за так называемых друзей, которые, скажи Реми им правду, видели бы в нём лишь чудовище.

Мальчик притянул колени и сжал их пальцами, в щель наблюдая за богато одетым торговцем, отчитывающим слугу. Дядя говорил – одинокий волк – слабый волк, но дядя не говорил, как тяжело терять друзей. Дядя знал и молчал. Он лгал! Он ошибался! Только оставаясь в одиночестве можно вытерпеть этот кошмар. Не дружить, не привязываться, не любить, – а потеряв не страдать. Своими мыслями и выводами оборотень обрекал себя на одиночество, но не видел иного пути. Люди – враги, а в стане врагов нужно вести себя как враг. Оборотень будет лгать, будет воровать, будет драться за себя. Он забудет своё имя, пока не сможет открыться перед другими.

Реми подумал бы о мести, всем людям, что досадили ему, и в особенности тому, «сладко пахнущему» лотерону, старухе и стражникам, но ребёнок был таким голодным, что сил ненавидеть весь мир, просто не осталось.

Мысли оборотня прервала тряска и жужжание тросов, все механизмы пришли в движение. Платформа слегка покачивалась, люди внизу быстро ходили, прильнули к бортам, подобрали свои сумки. Невольно вспомнился взлёт. Джек решил, что дирижабль прибыл в пункт назначения и спускался для посадки.

Оборотень затаился, выжидая, пока тряска не закончилась, и дирижабль полностью не приземлился. Спустившись по верёвкам, стараясь быть незаметным, мальчик покинул транспорт.

Перед ребёнком предстал огромный город, куда привёз его дирижабль. Юный вор стоял на вершине горного хребта, где располагалась станция, и смотрел вниз, где в долине дома стекались к центру, точно сливки в тарелке. Столовая вершина, с которой оборотень взирал на творение рук человеческих, не шла в сравнение с высокой острой скалой Белого Клыка, она отличалась широкой и достаточно плоской поверхностью. Рядом возвышались низкие горные массивы с острыми пиками, с вершинами, напоминающими пирамиды, конусы и башни. Каждая гора соединялась мостами с другими. Мосты висели или выгибались дугами по краям небольшой котловины, в центре которой обосновалась площадь.

Реми бросил взгляд по другую сторону скалы: довольно резкий спуск вёл в низкие долины и ущелья, чуть дальше начинались предгорья и горные кряжи, тянущиеся по всему Аэфису-на-Ханаэш. Лишь несколькими путями пеший путник мог попасть в город, узкими проходами между скал и выдолбленным тоннелем. Город скрылся от глаз в центре небольшой горной группы, а крутые склоны стали неприступной оборонительной стеной. Оборотень восхитился – настоящая военная крепость. Взгляд его вернулся к площади в центре котловины. Она располагалась выше, чем внешние подножия гор, но ниже чем их вершины. Словно лопата, воткнутая посреди выкопанной ямы, в центре города возвышалась неимоверно длинная башня; постройку из тёмного камня украшали стеклянные и зеркальные платформы, напоминающие шипы; они отражали свет и светились. На середине башни, вокруг арочных сводов медленно вращались полукруглые прозрачные мосты. Реми уставился на них, не веря собственным глазам; мосты кружили в воздухе и никак не соприкасались с шипами башни! Венчала постройку острая конусообразная крыша, пикой пронзавшая небеса.

Ни один мост не вёл к этой башне, так же как не нависали они над площадью. Мосты словно расступались и висели лишь по краям, соединяя между собой избранные горные вершины. По наклонным склонам гор тянулись дома, выстроенные в одном стиле; они спускались изящными, тонкими, арочными строениями и замыкались в круг. Один круг шёл по центру склона, другой у самого подножия, а третий окружал высокую башню в центре котловины. Башня, построенная в том же стиле, что и весь город, сверкала в последних лучах догорающего солнца.

Ребёнок застыл на станции дирижаблей, рассматривая город, пока его не толкнул неуклюжий прохожий своей огромной сумкой. Джек стряхнул оцепенение и рванул вниз с горы. Он не особенно хотел провести лето в лесу, как делал в прошлом году, город открывал гораздо больше возможностей, и добывать еду здесь было легче. Тем более, что мальчик научился у старика многим хитростям, которые должны помочь ему выжить среди людей. Не забыл Джек и обещания, данного Николасу, вступить в гильдию воров. На дирижабле оборотень принял решение держаться особняком, но подлая задумка воспользоваться людьми и научиться у них всему, что они знали, терзала разум сироты.

Отложив выполнение обещания на потом, и занявшись добычей еды, а также более детальным изучением города и его правил, Джек осознал, что первое впечатление оказалось ошибочным. Город выглядел очень красивым, но стоило спуститься и пройти по улочкам, как вся грязь вылезла наружу. Здесь собирались самые опасные люди, находили приют убийцы, воры и разбойники. Стражи в этом городе было больше, чем в прошлом – такое впечатление сложилось у Джека, запуганного тюрьмой – но многие преступления пернатые не видели в упор. Возможно, они сами имели сношения с преступниками, или боялись поймать кого-то важного в бандитском мире.

В этом городе Джек тоже пару раз слышал о членах Кровавого Звездопада, что якобы по велению Разрушительницы тридевяти миров приглядывали за столицами надгорного края. Молва ходила о высоченном парне с волшебным мечом, которым он никогда не пользовался – откуда тогда слухи, что он волшебный не ясно. Огромный меч он носил за спиной, но и с любым другим оружием в руках мог дать фору мастерам. Но давно уже люди не видели ни меча,

ни члена Звездапада, ни его напарника. Зато породил о себе новые народные легенды другой парень, темнокожий вулканец с синими волосами, который якобы, как в сказках, мог отбить все капли, что обрушивались ему на голову во время бури, и остаться сухим. Этот же парень постоянно бахвалился своим мастерством и искал себе соперников среди горожан и приезжих воинов. Когда вулканец демонстрировал своё мастерство люди застывали с открытыми ртами, не в силах отвести взгляда, не веря собственным глазам, такие чарующие движения исполнял боец. Рассказы горожан заинтересовали мальчика, он бы хотел стать учеником такого сильного воина, но сколько Джек не ходил по городу, не встречал никого похожего. В городе дрались только за деньги и за проход в какое-нибудь заведение, обычно это было избиение босняка или пропойцы. Никто никого не вызывал на дуэль, да и высоких людей вокруг хватало, все они отличались тёмной, загорелой кожей, но не чёрной.

За несколько недель пребывания в новом месте, Джек обзавёлся одеждой, поношенной, но более подходящий для здешних мест, он поселился в заброшенном доме на окраине, и нашёл несколько красивых мест, в которых любил бывать и наблюдать за городом. Достать обувь оказалось задачей не по силам мальчику, стоила она дорого, воровать кошельки Джек боялся. Всё что он смог, это украсить сандалии, оставленные под дверью чужого дома.

Одно в новом городе повергало юного оборотня в недоумение – сколько бы он не пытался, ему не удавалось побывать на центральной площади у основания огромной башни. Казалось бы, что сложного, обойти дом и попасть в центр, но стоило свернуть за угол, где виднелся проход, Реми попадал в тупик, или ещё хуже – лабиринт, и радовался, когда находился выход хотя бы куда-нибудь. Центр был закрыт, изолирован. Мальчик мог поклясться, что с высоты столовой вершины видел людей, бродящих около башни.

Мистика какая-то, твердил оборотень сам себе, и всё равно периодически пытал счастье, но каждый раз безрезультатно. Может, это защита от оборотней? Люди могли такое придумать!

По запаху, распространяемому далеко за пределы центральной площади, мальчик знал, что в центре располагался рынок. Скорее всего самый большой базар в черте города. Рынок всегда сопровождала невыносимая для обоняния волка вонь, запахи перемешивались, а здесь, в жарком климате, еда, фрукты и овощи тухли на глазах. Пот, портящиеся продукты, тухлые отбросы в ящиках, запахи людей, выпивки, мочи и фекалий, непонятно, откуда исходившие – всё это смешивалось и создавало непередаваемо тошнотворное амбре. Впервые посетив небольшой рынок на окраине, Джек еле устоял на ногах, чтобы не грохнуться в обморок. Вонь разъедала глаза, приставала к одежде и волосам, просачивалась сквозь тряпицу, если он пытался прикрыть ею нос, люди тоже морщились, но сделать ничего не могли. Самые дешёвые продукты продавались исключительно на базарах, устраиваемых крестьянами из соседних деревень. Здесь всегда было полно людей, покупателей и продавцов, тележки и ящики с товаром лежали тесно, а потому так легко неопытному вору скрываться и лазить между ними. Джек постоянно ошивался около рынка или между лотков, не раз он замечал, как сами продавцы обчитывали, обманывали покупателей, подсовывали порченный товар, незаметно глазу доставали из сумок часть овощей, после того как взвесят, или подкладывали на весы лишние грузила, проделывали сложные махинации со стрелками, цепочками и чашами. Что взять с воришки, если люди сами себя дурачили. Мальчику оставалось лишь в толчее рынка незаметно подворовывать еду с прилавков.

И всё же, Джек старался проводить на рынке ровно столько времени, чтобы накормиться. По возможности мальчик обходил базары дальней дорогой, только бы не нюхать смрадную вонь. Но изо дня в день ему приходилось снова окуна́ться в мир пакостных резких запахов, чтобы найти пропитание. Со временем, оборотень приспособился контролировать обоняние, или в самых крайних случаях задерживать дыхание и быстро проходить особо вонючий участок.

Жизнь шла своим чередом. Здесь в отличие от города-клыка улицами не правили самопровозглашённые короли на подобии Аазира. Видимо близость воровской и разбойничьей гильдии не позволяла заводиться всяким наглецам. Здесь все улицы были общие, и принадлежали гильдии воров, которую мальчик не нашёл, и искал спустя рукава, пока у него всё получалось без помощи посторонних. Уроки Николаса не пропали даром, всю теорию, Джек смог не без труда применить на практике и наслаждался результатами.

Недолго радовался своим успехам мальчик, вскоре его заметил человек из гильдии воров.

Лето в Искре – городе на границе с Муараком – начиналось рано и вступало в свои права резко и беспощадно. Ещё несколько недель назад в Озоне распускались на деревьях первые почки, а в южной столице уже жарило настоящее летнее солнце, не оставляя надежды выжить никому живому. Жителей города спасали деревья на улицах, в зелёных двориках и кусты в больших кадках, а также фонтаны, чего не доставало в стране пустынь, с их бодрствующими вулканами и лавовой, огненно-чёрной землёй. В самом южном городе Аэфиса в особых магазинах по непосильным для маленького вора ценам продавали касмедолийский десерт – мороженое, лёд с добавкой фруктовых и ягодных варений.

Зная, что добыть деньги на мороженое у него не получится, а своровать десерт, предусмотрительно спрятанный за стеклянным прилавком в магазине, невозможно, Джек внушил себе, что не любит сладкое. *Всё это для детей*, с гордым видом проходя мимо, думал он про себя, всё глубже заталкивая ребёнка, желающего насладиться лакомством. На ум приходил стол, заваленный сладостями, в доме «сладко пахнущего» мужчины, и сам мерзкий лотерон, ярость к которому перерастала в ненависть к сладкому.

Джек научился притворяться, играя роли и обманывая торговцев. «Надевая маску», он мог спокойно стоять около прилавка, с задумчивым видом выбирая товар, словно вспоминая, что просила купить мама, в то время как, хорошо замаскированная вторая рука воришки, ловко набивала едой карманы. Затем мальчик в растерянности, такой же наигранной, как и весь его образ, убегал за советом к родителям. Дважды один и тот же приём на одном торговце Джек испытывать боялся, и потому каждый раз искал новые прилавки, чередовал рынки и базары на окраинах, старался менять одежду, мыться и выглядеть домашним, что у уличного вора получалось не всегда.

Торговец хлебом не раскусил подвоха, и оборотень, попросив прощения за свою ужасную память, припустил прочь. Только на этот раз не далеко он успел «в растерянности» убежать, как натолкнулся на девчонку подростка, лет двенадцати или четырнадцати. Джек хотел извиниться и незаметным движением проверить, не выронил ли булочки из карманов, как увидел, что она ела его добычу и спесиво ухмылялась.

– Хорошо сыграл, малявка, – надменно заметила девочка.

– Сама ещё малявка, – огрызнулся оборотень.

– Ах ты, мелкий гадёныш! Так со старшими разговаривать! Да я постарше тебя буду, да и повыше, малявка! И вообще я по делу, – разъярилась незнакомка.

– Я с девчонками дел не имею, – выплюнул Джек.

– Я здесь, как представитель... кое-кого, – замаявшись, добавила девочка. – Пойдём, дело есть.

– Куда? Я никуда не пойду, – насторожился, ожидая самого худшего, мальчик.

– Ну, камнем в глаз! Потом ведь скажут, зачем всё выдала. А, ладно, была, не была, – говорила сама с собой девочка, не стесняясь ругаться, но потом вновь переключила внимание на Джека. – В гильдию воров, – многозначительно промолвила она.

Оборотень напрягся. Гильдия воров. Он обещал Николасу, а теперь его отведут в гильдию воров. Что ж, стоило попробовать.

– Вижу, ты передумал. Пойдём. – Девочка схватила Джека за руку и повела в направлении центральной площади. Вскоре они прошли странными проулками, и вышли прямо около башни. Оборотень вытаращился. Сколько бы он не пытался, он не мог попасть на площадь, а эта странная девчонка прошла напрямую.

– Удивлен, что ли? – Джек ничего не ответил на вопрос девочки. – А-а-а, так ты новенький в Искре. И никогда не был на площади, угадала?

Оборотень посмотрел на неё, но снова ничего не ответил.

– Это волшебство Искры. Ты не сможешь найти дорогу в центр, пока хоть раз там не побываешь, – со знанием дела, рассказывала незнакомка.

– Но как там побывать, если дорогу найти нельзя? – недоумевал мальчик.

– А вот так, – воровка подняла свою руку, сжимавшую ладонь Джека. – Кто-то должен тебя проводить.

– Но зачем это нужно? – нахмурился оборотень.

– Не знаю. Может, чтобы всякая шваль по площади не таскалась, или меры от захватчиков. Знаешь, Искра ведь стоит рядом с границей Муарака, – высказывала свои предположения девочка, пока они пересекали площадь.

Джек смотрел на башню в центре, со станции дирижаблей она казалась очень длинной и высокой, а теперь при взгляде снизу, выглядела съежившейся, но продолжала поражать красотой. Лёгкая, воздушная, и в тоже время клином впивающаяся в центр котловины, она возвышалась надо всем, сияла в свете солнца, отражала блеск. Её конструкция походила на дома вокруг и в тоже время разительно отличалась. Высокие арочные своды терялись и казалось секции башни парят в воздухе, стеклянные и зеркальные узоры на платформах-шипах отражали людей на мостах, тёмный камень с перламутровыми прожилками мерцал и переливался. Резкая лепнина с острыми концами придавала башне воинственный вид, в то время как другие постройки скорее походили на праздничные беседки.

– Ясно, – пробубнил Джек, не в силах оторвать взора от башни. – Хэй, но тогда как же первые люди могли посетить площадь? Их же некому было проводить, – вдруг сообразил нестыковку в рассказе спутницы мальчик.

– Ха-ха-ха, ну ты и дурак, – посмеялась она, а Джек зло сощурился. – Город же построили люди. Значит, при строительстве они были в центре, выходит, они провели туда остальных.

Оборотень задумался, рассказ девочки внушал сомнения, но доля правды и смысл в нём присутствовали, хотя оставалось загадкой – зачем заколдовывать город.

По кругу центральной площади на нижних этажах домов разместились разные магазинчики и лавочки, чем только не торгующие: и одеждой, и едой, и оружием. Если на окружающих улицах торговали доступными товарами, дешёвыми и простыми, то на прилавках лежали, висели на рамах и стояли на полу замысловатые и непонятные приспособления, книги и свитки, флаконы с разноцветной жидкостью, качественное оружие, заграничные яства, ювелирные украшения и ткани дивной красоты. Запахи от иных магазинов резко били по чуткому обонянию волка, от чего тот периодически морщился. Здесь же стояли шатры, рядом с которыми зазывалы обещали погружение в другие миры, пророчества будущего, гадание на картах, шарах, руках, глазах и много чего ещё. И посреди этого карнавала палаток возвышалась башня. Для чего она использовалась, оборотень не знал, но стоило пройти под арочным её сводом, мимо многоступенчатой лестницы, спиралью, уходящей в глубины длинного строения, как по телу его волной пробежали мурашки, а волосы на затылке встали дыбом.

Девочка провела Джека к противоположному краю площади и завела в неприметное с виду здание, на вывеске которого изображалась чарка, покрытая паутиной. Оборотень не понял, паутина была настоящей или тоже нарисованной. За дверью расположилась самая обычная мрачная забегаловка, энергетические лампочки под потолком светили тускло, облепленные мухами и чёрными жучками. Бедный оборотень чуть не задохнулся в дыму, что туманом

стоял в помещении, скрывая детали интерьера. Подавившись кашлем, чтобы казаться более взрослым, мысленно Джек десять раз проклял чертовку, что притащила его в это жуткое место. За столами сидели парни и девушки бандитской наружности и бросали на него недоброжелательные взгляды. Мальчика удивило, что в основном здесь находились одни подростки, да несколько стариков.

Воровка быстро подошла к одному из стариков, и сказала, что привела его, кивнув в сторону Джека. Старик открыл проход в тёмной нише рядом со стройкой, девушка повела мальчика внутрь.

Оставив позади себя удушливый трактир и тёмный коридор, проводница открыла следующую обшарпанную дверь, за которой располагалась хорошо обставленная комната, без каких-либо признаков обветшалости, но с очень тёмным освещением. В ней проводница не остановилась и повела спутника дальше, по лабиринту из коридоров, лестниц и комнат. Очень редко на их пути встречались другие люди, и Джек решил осведомиться у незнакомки о причине своего визита:

– Зачем я понадобился гильдии воров?

– Ха! Нельзя воровать, как ни в чём не бывало и при этом не состоять в гильдии, – взяла поучительный тон девочка.

– Но я же ворую и без гильдии, – осёк её оборотень, желающий казаться старше и наглее, чем был на самом деле.

– Ты думаешь, гильдия ничего не видит? Мы давно приметили тебя. Сперва хотели сдать страже, но потом передумали. Ты делаешь успехи и немалые для своего возраста. Вот гильдия и заинтересовалась, – девочка пожала плечами.

Джек ничего не ответил. Он не знал, что сказать, и что делать. В конце концов, как бы он ни хотел казаться умным и сильным, он оставался всего лишь семилетним сиротой.

Девушка отворила очередную дверь и втолкнула туда Джека, прошептав «не оплошай» напоследок.

Комната, в которой оказался оборотень, по меркам сироты, жившего в тесноте, показалась огромной. Из мебели здесь стояли стеллажи, письменный стол и несколько кресел, в самом большом сидела женщина, одетая в дорогую, но удобную рубаху с замшевой жилеткой и обтягивающие штаны. На её руках красовались золотые украшения и драгоценные камни, но женщина знала меру и не казалась вычурной. Короткие тёмные волосы с одной стороны были выбриты почти полностью, а с другой зачесаны на бок. Женщина неувовимо напоминала оборотню куницу – с виду добрая, располагающая, но во взгляде дикость. Даже движения её казались по хищному быстрыми и точными. С дружелюбной улыбкой, женщина пригласила Джека сесть.

– Здравствуй мальчик. Меня зовут Кристи. Мы давно приглядываемся к тебе, с тех пор, как ты оказался в Искре. Ты неплохо ворует. Так, будто тебя учили, но я с уверенностью могу сказать, что обучение в гильдии ты не проходил. Поведай мне свою историю, мальчик, – добродушно начала беседу женщина, уверенным, слегка рычащим голосом.

– Вы хотите, чтобы я вступил в гильдию? – спросил Джек.

– А ты хочешь вступить? – поинтересовалась Кристи, но затем добавила: – нам нужны ловкие ребята, вроде тебя, Джек. Да, я знаю, как тебя зовут, и не только это, – загадочно улыбнулась женщина.

Реми сглотнул, боясь, что воры догадались о его волчьей природе, но вспомнил, что ни разу не обращался волком в этом городе. Понемногу возвращая самообладание, он медленно произнёс:

– Меня просил вступить в гильдию воров один мой друг. Но почему в гильдии воров мне будет хорошо? – добавил оборотень, помня о своей жизни в сиротском доме.

– Хм... – женщина задумалась, положила руки на стол и сцепила их в замок. – Если ты состоишь в гильдии, мы становимся как бы семьёй. Если вдруг с тобой что-то случится, или ты попадёшь в неприятность, то любой член гильдии придёт тебе на помощь. Понимаешь, если кто-то обидит члена гильдии – он оскорбит главу, а за оскорбление главы гильдии, платит головой оскорбитель. Мы как семья и чтим законы семьи, гильдия никого не бросает и не забывает. Гильдия воров имеет очень много связей, в том числе со стражей, именно поэтому мы существуем. К тому же, со знаком гильдии воров, ты получишь доступ в разные интересные места и многие другие привилегии. А ещё мы будем учить тебя, дадим крышу над головой, еду. Ты сможешь найти здесь друзей, – увещевала Кристи.

– Не бесплатно же? – буркнул Джек, вспоминая Аазира с его платой за простое проживание на улице.

– Практически бесплатно, – улыбнулась женщина. – Мы умеем ждать, а также продуктивно использовать способности каждого своего члена. Ты будешь продолжать воровать, но с каждым днём твоё мастерство будет повышаться, и кто знает, какие горизонты откроются перед тобой после, – загадочно произнесла Кристи. – А как зовут твоего друга, что посоветовал тебе вступить в гильдию?

– Николас... – печально ответил мальчик и отвёл взор.

– Что?

– Его звали Николас, – повторил Джек, не совсем понимая причин такой реакции Кристи – женщина во все глаза уставилась на мальчика. Из-за гардины, висевшей недалеко от стола, вышел высокий, подтянутый мужчина. Он наклонился к Кристи и что-то зашептал ей на ухо.

– А где ты его видел? Ты знаешь, где он сейчас? – еле сдерживая нетерпение, произнесла женщина.

– Он умер, – потупившись, молвил Джек. Воровка, до этого приподнявшаяся в кресле, рухнула как подкошенная.

– Где ты его встретил? – спустя некоторое время, вновь спросила Кристи.

– Мы встретились с ним в тюрьме, в городе на скале в виде клыка. Это он научил меня разным трюкам, чтобы воровать и не попадаться, – честно сообщил оборотень.

– Город на скале... – себе под нос, произнесла воровка.

– Белый Клык, по всей видимости, – влез в разговор мужчина.

– Но в тюрьме. Чтобы Николас попал в тюрьму, как какой-то недоучка, – нахмурилась Кристи и нервным движением убрала волосы с лица.

– Может, с ним сыграла злую шутку его вечная праздность. Нужно быть серьёзнее, чтобы глупо не попадаться, – скептически рассуждал мужчина. – Ты же знаешь, эти его глупые протестские планы...

Женщина вскочила, пригвоздила мужчину к стене одной рукой и свирепо произнесла:

– Ты даже представить себе не можешь, сколько раз он спасал мне жизнь!

– Ладно тебе, Кристи. Успокойся. Пацан ещё здесь, – примирительно поднял руки мужчина. Воровка отпустила его и села обратно в кресло, взглядом приказывая подчинённому заткнуться.

– Парень, а как он умер? Ты видел это? – обратилась Кристи к Джеку.

– Да, – мальчик совсем не хотел рассказывать этой женщине, как всё было на самом деле. Он боялся, что она также рассвирепеет и броситься на него, но и умолчать мальчик не мог. Он видела, как Кристи переживала за Николаса, он спасал ей жизнь, значит, они были друзьями. Она имела право знать правду. Сжав кулачки на коленях, потупившись, мальчик промолвил: – он пожертвовал собой, чтобы у меня был шанс сбежать.

Джек не смог сразу посмотреть этой женщине в глаза, но, когда пересилил себя, увидел в них сочувствие и горечь.

– Джек... отныне ты в гильдии воров, – сухо отчеканила Кристи.

– Но я же ещё... – договорить Джеку она не дала.

– Последней просьбой Николаса было твоё зачисление в гильдию воров. Ради этого он отдал жизнь. Отныне ты в гильдии воров! Я не дам тебе так просто шляться по миру, а потом умереть. Ты будешь учиться здесь и жить. Гильдия сумеет о тебе позаботиться. Ты больше не одинок, – сдерживая комок, подступивший к горлу, проговорила Кристи, а затем обратилась к мужчине. – Подготовь всё к инициации.

Больше не одинок... у меня будут друзья... и еда, и тёплая постель. Это удача? Я буду учиться, стану сильнее. Но будет ли у меня свобода? А если я захочу уйти? Смогу ли я уйти из гильдии? Во что же я опять вляпался? В голове Джека был полный сумбур, он не знал, что его ждёт. Незнание пугало, и всё же, мальчику было интересно. Может это место лучше, чем все предыдущие. Здесь его примут, не будут пытаться, но что если начнут пичкать тыквенными зельями. Та девочка вела себя живо. Может зря Джек сравнивал все людские группы с приютом. Так или иначе, здесь он будет жить, есть, и учиться чему-то новому, скорее всего, полезному в жизни.

Под инициацией в гильдии понималось нанесение на тело воровского знака. Каждого вора, если он состоял в гильдии, украшала тату в виде паука – символа воровской гильдии. Выбор место, где набить метку, оставляли за воров, посему Джек решил сделать тату на плече.

Игла с краской мучительно входила в кожу, но эта боль не шла ни в какое сравнение с ужасами тюремных пыток. Мальчик скулил, но терпел боль. Вскоре чёрный паук сидел на красном воспалённом правом плече оборотня. Отныне он настоящий вор, член гильдии воров.

В гильдии Джеку выделили комнату, дали сменную одежду, со следующего дня, после инициации началось его обучение. Мальчика учили не только воровскому искусству, но также и простым, общеобразовательным предметам: учили читать, писать, считать, обучали языкам, а также тренировали физически. Джеку оставляли свободу действий, выпускали из лабиринтов гильдии воров, но нагружали заданиями, которые он должен был выполнять. Каждый раз, изучив новый приём, юные воров отправлялись в город, оттачивать его.

Джек обучался не один, вместе с ним в гильдии воров тренировалось ещё несколько детей, разных возрастов: были ровесники оборотня, дети постарше и подростки. Последние занимались чуть в стороне, но посещали уроки и тренировки в тоже время.

Воров руководствовались несколькими правилами: не брать лишнего, не оставлять следов, не ставить целью недоступное, не связываться с магами, всегда быть начеку. Существовали и другие, но уже не правила, а скорее советы, помогающие прожить дольше. Часть этих советов, оборотню ещё в тюрьме Белого Клыка рассказал Николас, он же в теории обучил мальчика нескольким приёмам.

Джек, не столько благодаря краткому обучению у старика, сколько с помощью своей природной сообразительности схватывал всё налету. Благодаря волчьей крови, врождённой силе и ловкости, мальчик справлялся с самыми трудными заданиями, кои поручала ему гильдия. И иногда превосходил все возложенные на него ожидания мастеров-воров, обучающих детей. Другие, даже старшие, ребята пасовали перед сложными заказами, но Джек всегда умудрялся выполнить всё раньше срока. Он со скоростью бешеной собаки проносился под носом у стражи, словно прирождённый актёр разыгрывал роли перед торговцами, его ловкие пальцы, казалось гнулись во все стороны, а нетипичные решения задач заставляли задуматься даже опытных воров. Оборотню нравилось выполнять задания, будучи в сознании, обманывать людей, воровать, хитрить. Он наконец-то использовал весь свой потенциал, но не забывал скрывать сущность оборотня. Стараясь не зазнаваться на глазах людей, мальчик учился радоваться по себя и скрывать истинные эмоции.

Не укрылись его фантастические успехи и от главы гильдии воров – Кристи, которая поначалу оправдывала успехи новенького, знакомством с Николасом. Глава уже некоторое

время искала себе мальчика или девочку с выдающимися способностями, проявляющимися с детства. Она хотела вырастить себе замену – умного, ловкого, неуловимого вора, развить в нём или ней качества лидера и воспитать надёжного преемника, который заменит её через десять-пятнадцать лет, когда она в силу возраста уже не сможет держать власть в своих руках.

Джек мог бы подойти на эту роль, добиваясь невероятных успехов в воровском мастерстве. Кристи просила мастеров понемногу увеличивать нагрузки юного вора, давать более сложные задания, которые с трудом выполняли дети вдвое старше него. После чего женщина не без удовольствия, граничащего с фанатизмом, наблюдала, как ребёнок выкручивался и исполнял приказ.

Джек догадывался о причастности Кристи к его возросшей нагрузке, он оправдывал её действия мстостью. Мальчик всерьёз считал, что женщина мстила за Николаса, который пожертвовал собой ради него. Он думал, что таким образом она пыталась его, но не собирался просить поблажек. Джек справлялся, азарт соперничества рос в нём с каждым днём.

Несмотря на упорство Кристи, оборотню нравилось в гильдии воров. Здесь каждый преследовал свои цели, никто не лез в чужую жизнь, но и не издевался над другими. Под руководством главы все знали своё место. Учеников частенько выводили в город для выполнения заданий, служащих также практикой и экзаменами. И хотя мастера присматривали за ребятами, Джек и другие дети могли почувствовать себя свободными.

Ночами оборотень думал о своём положении, воровская жизнь грезилась ему интересной и обещала множество авантюр, но мысли почти всегда приводили мальчика к дому на краю деревни. Дядя не воровал, он был лесником и жил свободно. Значило ли это, что Реми вновь оказался в своего рода плену? Он решил, что если захочет, сможет покинуть гильдию, но пока идти ему некуда, он будет учиться у людей их хитрости. Единственное, что мальчик знал точно – больше его не свяжут никакими цепями, потому что оборотень поклялся себе больше не заводить друзей и не привязываться к людям. Он станет сильным и сможет всем дать отпор!

Повышенное внимание к Джеку со стороны Кристи заметил другой мальчик. Мальчик, который изо всех сил старался понравиться главе, стать ей сыном и радовать её своими успехами. Он потом и кровью пробивал себе тот путь, по которому, все пророчили идти новенькому. Мальчик этот не был таким способным, но старался как можно лучше показать себя, денно и ночью тренировался он, желая стать сильнее и ловчее, и угодить своей главе.

Из соперничества родилась самая неистовая ненависть, какую человек мог испытывать к собрату.

Время шло своим чередом, за время учёбы Персефона несколько раз обернулась и вновь стала поворачивать свой взор к миру. Давно наступила осень, но в южном городе лишь слегка похолодел ветерок, слетающий с гор. Не поливали сухую землю осенние дожди, слишком засушливый был климат у границы. Стоило пройти южнее, перейти мост Бури и вот они жёлтые просторы Муарака, где дождя не бывало годами. Летом в Искру раскалённый ветер, подогретый жаром солнца южного королевства, приносил песок Самарханди, великой пустыни, а осенью дули ветры из центра Аэфиса и приближали климат приграничного города к остальным территориям страны. Даже холодные ветры не могли уравнивать погоду, и Искра оставалась самым тёплым городом, где зима наступала почти к самому дню Середины зимы и длилась всего оборот.

Сегодня Белая ночь, думал Реми, сидя на крыше, одного из обшарпанных зданий гильдии воров в Искре. Персефона смотрит на меня. Как же я соскучился по ней, сидя в тюрьме. В маленьком оконце был виден только отблеск её сияния. Как же прекрасна Персефона в Белую ночь. Хочу бегать, прыгать, валяться в траве. Хочу петь ей. Хочу обратиться... хотя бы на часок.

Кровь юного оборотня кипела под магическим взором естественного спутника планеты. Но мальчик знал, что за ним всегда наблюдали воры или мастера, посему стоило ему хоть как-то выдать свою звериную сущность, об этом узнает вся гильдия. В лучшем случае его просто выпорют и выгонят, в худшем будут пытаться и убьют.

Любую боль можно стерпеть, пока ты жив, говорил дядя. Стоит умереть и это конец. Но как же хочется обратиться и побегать волком под взором Персефоны. Хочу жить свободным волком... но я такой слабый, еле выжил прошлым летом в лесу.

Тихий скрежет донёлся из ветхого здания. Оборотень кинул последний взгляд на Персефону и, бесшумно спустившись, побрёл в свою комнату.

На следующий день Джек в свой долгожданный и заслуженный выходной собрался идти в цирк, но планы его резко изменились – его вызвала Кристи по важному вопросу.

В кабинете главы сидел мальчик, с которым Джек вместе обучался. На его голове закручивались яркие жёлтые локоны, а глаза напоминали шоколадные конфетки. В памяти сразу возник образ стола, заваленного сладостями и мерзкий лотерон.

– Привет, Джек, – как-то подозрительно произнёс мальчик.

– Привет, – повисла пауза, Джек пытался вспомнить, как же зовут мальчика, он почти не интересовался другими людьми и не запоминал имена: – Кенди?

– Я – Скандер... – обиженно проворчал кучерявый блондин.

– Джек, Киндер, я вас позвала, чтобы сказать... – но тут Кристи заметила недовольное лицо мальчика и осеклась.

– Я – Скандер... – снова пробубнил мальчик.

– А, прости, Скандер. Так вот я хотела сказать, что отныне вас двоих я беру на своё попечение. – Блондин засиял от гордости и радости. – Вы будете учиться, и тренироваться как всегда, – продолжала женщина, – но дополнительно будете заниматься со мной. Вы оба показываете отличные результаты, и у меня появились некоторые планы на ваш счёт. Начнём сегодня же.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.